РОССИЯ
В ЦЕНТРО-ПЕРИФЕРИЧЕСКОМ
МИРОУСТРОЙСТВЕ

Сборник статей

Составитель и редактор Д.Ю.Глинский

УДК 327
ББК 66.4
Р76

Россия в центро-периферическом мироустройстве : Сб. статей / Сост. и отв. ред. Д.Ю.Глинский. М. : Московское представительство Фонда Ф.Эберта, 2003. —210 с.
(в обл.), 200 экз.

В настоящий сборник вошли статьи, написанные на основе докладов на совместной конференции ИМЭМО РАН и Института проблем глобализации. В сборнике рассматривается междисциплинарная проблематика взаимоотношений между центром и периферией глобализирующегося мира, а также место и роль России в этом контексте. С точки зрения широкого спектра направлений критической социальной мысли, а также различных областей знания — политологии, истории, социологии, экономики — анализируются перспективы развития и преодоления однополярного мирового порядка.
Книга рассчитана на специалистов в области международных отношений и глобалистики, студентов и аспирантов, других читателей, интересующихся данной проблематикой.

ББК 66.4

В подготовке издания участвовали
Елена Евгеньевна Половинкина
Валерия Ильинична Заикина
Марина Викторовна Баскакова

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ РАН
ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

РОССИЯ В ЦЕНТРО-ПЕРИФЕРИЧЕСКОМ МИРОУСТРОЙСТВЕ

Сборник статей

Составитель и редактор - Д.Ю.Глинский

Московское представительство Фонда Ф.Эберта
*
Москва
2003

INSTITUTE OF WORLD ECONOMY & INTERNATIONAL RELATIONS (IMEMO)
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR GLOBALIZATION STUDIES (IPROG)

RUSSIA IN THE GLOBAL CORE-PERIPHERY RELATIONSHIP

Collection of Articles

Edited by Dmitri Glinski

The Friedrich Ebert Foundation Moscow Office

*

Moscow
2003

ОГЛАВЛЕНИЕ

TABLE OF CONTENTS

Boris KAGARLITSKY (b. 1958) is director of IPROG, as well as a fellow of the Transnational Institute (TNI) in Amsterdam, and Member of Kuratorium of Berliner Institut fuer Kritische Theorie (InKriT). He is member of the editorial board of *Rodnaya gazeta*, a Moscow weekly, and regular columnist of *Novaya gazeta* and *The Moscow Times*. Among his 14 books are *The Thinking Reed: Intellectuals and the Soviet State* (Verso: London, 1988); *The Disintegration of the Monolith* (Verso: London & N.Y., 1992); *Die Quadratur des Kreises* (Volk und Welt: Berlin, 1992); *Mirage of Modernization* (Monthly Review Press: N.Y., 1995); *Restoration in Russia* (Verso: London, 1995); *The Return of Radicalism* (Pluto Press: London, 2000); *Russia Under Yeltsin and Putin*. (Pluto Press: London, 2002). He was briefly imprisoned for his *samizdat* publications in 1982. In 1990-93, he served as deputy in the Moscow City Soviet, and was briefly arrested yet again after the Soviet was forcibly dissolved. He played a leading role in several political organizations and initiatives on the democratic left and is one of the key figures in Russia's «anti-globalist» movement. He graduated from the State Institute of Theater Art and holds a graduate degree in political science from the Institute of Comparative Political Studies of RAS.

Vladimir KHOROS (b. 1938) is Chair of the Center for the Study of Development and Modernization (TsPRM) at IMEMO, and is doctor of sciences in history. He authored and co-authored more than 250 publications, including: «Narodnicheskaya ideologiya i marksizm (konets XIX v.)» [Populist Ideology and Marxism of the Late 19th c.] (Nauka: Moscow, 1972); *Populism: Its Past, Present and Future* (Progress Publishers: Moscow, 1980); «Revolyutsionnaya traditsiya v Rossii (1781-1881)» [Revolutionary Tradition in Russia] (1986, with Igor Pantin and Yevgeny Plimak), «Russkaya istoriya v sravnitelnom osveshchenii» [Russian History in a Comparative Perspective] (1994).

Viktor KRASSILSHCHIKOV (b. 1952) holds an economics doctorate from IMEMO and is head of section at the institute's TsPRM. He is a graduate of the economics department of the Moscow State University. He authored a number of studies on Latin America and comparative works on Latin America and Russia, co-authored the collection «Modernizatsiya: zarubezhnyi opyt i Rossiya» [Modernization: Foreign Experience and Russia] (1994) and co-edited «Postindustrialnyi mir i Rossiya» [Russia and the Post-Industrial World] (URSS: Moscow, 2001). He serves as coordinator of a working group at the European Association of Development Institutes (EADI).

Sergei LOUNEV (b. 1955) works at IMEMO's TsPRM and is doctor of sciences in history. He graduated from the Institute of Asian and African Countries of the Moscow State University. His major works include: «Diplomatiya v Yuzhnoi Azii» [Diplomacy in Southern Asia] (1993), «Rossiya, India, Kitai v sovremennykh globalnykh protsessakh» [Russia, India, China in Contemporary Global Developments] (1998), «Nezavisimye respubliki Tsentralnoi Azii» [Independent Republics of Central Asia] (2001).

Alexander NEKLESSA (b. 1949) is a renowned social thinker, specializing in geoeconomics and in the philosophical foundations of the changing world order. He is deputy director of the Institute for Economic Strategies (INES) under the Social Sciences Department of RAS, head of laboratory at the Institute of Africa of RAS, and chair of commission of the socio-cultural issues of globalization at the Academic Council on the History of World Culture under the Presidium of RAS. He authored, co-authored and edited more than 200 publications, the latest of which include «Globalnoe soobshchestvo: kartografia postsovremennogo mira» [Global Community: The Mapping of the Postmodern World] (2002). He is expert member of the Foreign Policy Council under the International Affairs Committee of the State Duma, and of the Council on Innovation Policies and Development of Human Capacities under the Federation Council. He is also expert of the Strategic Research Center of the Volga Basin Federal District. In the past, he served at the Russian Ministry of Foreign Economic Relations.

К ЧИТАТЕЛЮ

Перед вами - сборник материалов первой совместной конференции Института мировой экономики и международных отношений Российской академии наук (ИМЭМО РАН) и Института проблем глобализации (ИПРОГ), которая состоялась в Москве 10 июня 2003 г. Вопрос, вынесенный в название конференции - «Россия между центром и периферией глобального мира: опора статус-кво или источник перемен?» - был предложен Институтом проблем глобализации, который и выступил с инициативой данного проекта. Для ИПРОГ - небольшого аналитического центра, занимающегося как работой исследовательско-аналитического характера, так и общественно-политическими начинаниями леводемократической направленности - это наиболее значительный научно-исследовательский проект с тех пор, как в 2002 г. сменилась дирекция и существенно обновился состав сотрудников Института.

Своими докладами и выступлениями в конференции приняли участие: М.А. Чешков (ИМЭМО), В.Г.Хорос (ИМЭМО), Б.Ю.Кагарлицкий (ИПРОГ), Д.Ю. Глинский (ИПРОГ / ИМЭМО), А.И.Неклесса (Институт экономических стратегий / Институт Африки РАН), В.И.Максименко (Институт востоковедения РАН), А.В.Бузгалин (МГУ / Журнал «Альтернативы»), О.А.Александрова (Институт изучения социально-экономических проблем народонаселения РАН), К.Клеман (Институт социологии РАН / ИПРОГ), В.А.Красильщиков (ИМЭМО), В.В. Попов (Академия народного хозяйства / Carleton University, Канада), С.С.Маигов (ИПРОГ), К.Л.Майданик (ИМЭМО), Б.Ф.Славин (Горбачев-Фонд), Б.М.Межуев (Институт философии РАН), А.Г.Глинчикова (ИПРОГ / Лингвистический университет), Д.Пайяр (АТТАК), В.В.Сумский (ИМЭМО), Р.С.Дзарасов (ЦЭМИ), Н.Н.Работяжев (ИМЭМО) и другие, а также приславшие свои доклады из-за границы С.И.Лунев (ИМЭМО) и Г.Дерлугьян (Northwestern University, США). В настоящий сборник, ввиду ограничений по времени и объему, включены лишь некоторые из материалов конференции (так, «за кадром» остается все обсуждение представленных докладов, а также заключительный круглый стол - «Альтернативные стратегии гражданского действия в условиях углубляющейся периферийности»). С учетом этого, мы надеемся, что нынешний сборник станет первым в серии публикаций и коллективных исследований по данной проблематике.

Координаторы проекта выражают свою признательность Ольге и Петеру Шульце, Матесу Бубе и всему Московскому представительству Фонда Фридриха Эберта, чья дружеская оперативная поддержка сделала возможным проведение конференции и подготовку настоящего издания. Мы также благодарим акад. Н.А.Симония, А.Г.Лисова и других сотрудников ИМЭМО за помощь и участие на различных стадиях проекта.

Координаторы проекта
Владимир Хорос, Дмитрий Глинский

4 июля 2003 г.

I. ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ: ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

Борис Кагарлицкий*

РОССИЯ В СОВРЕМЕННОЙ МИРОСИСТЕМЕ: НОВАЯ ПЕРИФЕРИЯ ИЛИ ФАКТОР ПЕРЕМЕН?

Boris Kagarlitsky. Russia in the Modern World System: A New Periphery or an Agent of Change?

This introductory note argues that Russia's transition to capitalism and integration into the world markets as an exporter of raw materials and a buyer of industrial goods has seemingly resulted in the restoration of the pre-1917 order - with an inefficient oligarchical capitalism: disinterested in the domestic market, and with authoritarian practices under a democratic façade. A major difference is that Soviet Russia was a much more modernized state than the imperial Russia, and that, on the other hand, the former has followed a colonial (peripheral) path of international integration that was quite different from that of the pre-1917 pattern. By the end of the decade, demodernization may become irreversible, unless other options are vigorously pursued. Meanwhile, Russia's integration into the world economy coincides with a general crisis of the neoliberal globalization that raises the issue of reforming the world economic system. Under these circumstances,Russia, given her deep incorporation in this system, may become either an agent of systemic change, or, alternatively, a bulwark of conservative reaction on a global scale. Against this background, the author outlines the issues that are offered for public discussion under this project initiated by the Institute for Globalization Studies.

На протяжении 1990-х годов российское общество пережило тяжелую трансформацию. Изменение экономической системы происходило по двум направлениям. С одной стороны, речь шла о переходе от всеобщего огосударствления к новому/старому капиталистическому порядку, основанному на господстве частной собственности. С другой стороны, происходило встраивание России в мировой рынок – в качестве поставщика сырья и рынка сбыта для промышленной продукции. По существу происходила реставрация системы, существовавшей до 1917 года. Однако это не означает механического возвращения в прошлое. С одной стороны, российская экономика и обще-

* *Борис Юльевич Кагарлицкий - социолог, журналист, публицист; директор Института проблем глобализации, сотрудник Транснационального института (Амстердам), член редколлегии «Родной газеты», обозреватель «Новой газеты» и газеты «Moscow Times». Кандидат политических наук, автор 14 книг на русском и английском языках, в том числе «Расколовшийся монолит» (1992), «Реставрация в России» (2000), «Глобализация и левые» (2002). В 1982 г. находился в заключении по политическим мотивам; в 1990-93 гг. депутат Моссовета (вновь арестовывался после его разгона). Участник международного левого и антиглобалистского движения.*

ство, прошедшие через испытания XX века, оказались качественно более развитыми, модернизированными. Дело не только в том, что общество и экономика изменились по сравнению с Россией 1913 года (все общества мира за 80 лет изменились), но и в том, что к началу 1990-х годов Россия оказалась гораздо более модернизированной страной для своего мира и времени, чем Россия 1913 года – для своего. В то же время встраивание России в мировой рынок происходило почти исключительно по традиционной сырьевой (африканско-колониальной) схеме, чего не было даже в XIX и начале XX века. Точно также и российский «национальный капитал» сложился в виде олигархических группировок, ориентированных прежде всего на вывоз сырья и полуфабрикатов, эксплуатирующих, но мало развивающих промышленность, оторванных от отечественной науки и слабо заинтересованных во внутреннем рынке. В этом смысле российские элиты являются отсталыми и неэффективными по сравнению не только с современным Западом, но и с капиталистическим прошлым самой России. Это, в свою очередь, не могло не отразиться на политической системе, которая на уровне провозглашаемых ценностей полностью принадлежит к западным демократиям (чего не было в России царской), но по методу функционирования ближе к авторитарному режиму.

В итоге, при видимости «возвращения» к «традиционным» порядкам и ролям, в России складывается новая система, с противоречиями ещё более вопиющими, нежели в начале XX века. На уровне пропаганды подобные проблемы могут списываться на противоречия «переходного периода», однако объективно переход в основных чертах завершился уже в 1994-96 годах, да и риторика «перехода» в основном исчерпала себя к 1998 году.

Совершенно понятно, что при таких структурных диспропорциях кризисы, подобные дефолту 1998 года, являются не результатом ошибок в финансовой политике или неблагоприятной конъюнктуры, но порождены глубокими и неустранимыми в рамках сложившейся системы причинами.

Своеобразной социологической загадкой является то, что система, столь противоречивая и явно неустойчивая, продемонстрировала удивительную политическую стабильность на протяжении второй половины 1990-х и начала 2000-х годов. Однако эта стабильность не может поддерживаться бесконечно долго просто потому, что экономические ресурсы, на которых она основана, ограничены. На протяжении примерно одного поколения, можно сохранять технологический и человеческий потенциал, доставшийся от советской эпохи, не инвестируя в его развитие. К концу 2000-х годов страна окажется перед неизбежностью исторического выбора: либо радикально модернизировать свою экономическую, технологическую и политическую структуру, чтобы использовать сохранившийся «человеческий капитал», либо смириться с деградацией и окончательно демодернизироваться, утратив основные достижения XX века. Речь идет не

только об утрате остатков наукоемких производств, но и о том, что для большинства населения окажутся недоступными многие, пока ещё само собою разумеющиеся, блага цивилизации, такие, как всеобщая грамотность или «европейский» уровень жизнеобеспечения – с электричеством в домах, регулярным движением транспорта и центральным отоплением в городских домах. К этому следует добавить продолжающийся демографический упадок и своеобразную «гражданскую депрессию» людей, убежденных в собственной ненужности и отстутствии перспектив развития для своей страны, продолжающееся «вымывание» из страны мировым рынком подготовленных кадров и вообще наиболее динамичной части населения. Легко догадаться, что независимо от «конституционных форм» политического режима, на практике в подобных условиях он может быть только авторитарным. Своеобразным политическим предвестием такого сценария является развитие всевозможных националистических и полуфашистских течений, проникновение черносотенной идеологии в самые разные партии и общественные течения.

Трудности, испытываемые Россией начала XXI века, накладываются на общий кризис неолиберальной модели глобализации, в рамках которой российская модель формировалась. Поскольку реформа мировой экономической системы встает в порядок дня, возникает и вопрос, какую роль будет во всём этом играть наша страна. Парадоксальным образом, Россия может, в зависимости от выбранного сценария, стать как фактором глобальных перемен, так и опорой консервативной реакции в глобальном масштабе. Однако современная Россия всё ещё имеет существенный потенциал для демократических преобразований и технологической модернизации.

Любые перемены, затрагивающие экономический и политический строй в такой стране, как Россия, не могут остаться без последствий для мировой системы в целом. Тот уровень включения в мировую экономику, который достигнут нашей страной на рубеже XX и XXI веков, гарантирует, что любые происходящие здесь процессы почти автоматически отразятся на глобальной системе.

Таким образом, вопросы, которые ставятся в рамках данного исследовательско-аналитического проекта, могут быть сгруппированы по трем направлениям.

- Каково объективное место России в современной миросистеме и, соответственно, каковы шансы на изменение этого места (либо за счет односторонних действий, либо за счет перемен в самой системе)? Можем ли мы стать чем-то большим, чем просто сырьевым придатком Запада?
- Как осознает Россия своё место в системе и каковы перспективы её собственного развития – в политической, культурной, экономической и технологической сферах?

- Существует ли перспектива построения альтернативной российской модели – не в форме «самобытного» изоляционизма, а в качестве общества, вносящего свой вклад в мировое развитие?

Дмитрий Глинский[*]

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ

В ЦЕНТРО-ПЕРИФЕРИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ КООРДИНАТ

Dmitri Glinski. The Post-Reform Russia in the Center-Periphery Dimension: Defining a Research Agenda

This is a conceptual outline of a center-periphery framework for policy analysis. The framework is inherently miltidisciplinary, in contrast to the economy-centered notions (such as «developed» / «developing» world). The center-periphery divide fluctuates and cuts across national and geopolitical boundaries (as seen in the peripheralization of Japan and Europe within «the West» and in the growing inequalities and conflicts within American society). This framework also serves as a bridge between rational thought and mass psychology - where it is routinely exploited by political spin doctors and commercial advertising. Unlike self-confident colonial empires of the past, or national liberation movements, US-Russian relations of today are an example of cooperation or even collusion between the elites of the Center and the Periphery - the former suffering from overextension, the latter from internal insecurity and weak legitimacy. This convergence is fraught with danger for Western democratic and liberal values (begging comparison with the «orientalization» of the Pax Romana). Meanwhile, growing social gaps and conflicts within the West (reflected in the demise of the idea of global citizenship and in the rift between neoliberal economics and liberal democracy) expand the West's own «internal periphery». If the ways of Russian capitalism are being internalized by Western societies via the right wing of this internal periphery, Russia inadvertently becomes a source of a destructive change, i.e. the demodernization of global capitalism. Under a more hopeful scenario, a global progressive change should come out largely from inside the West, and American society in particular. In this process, Russia's own internal periphery - her embattled middle class, her labor, her cultural and political minorities - may play a positive role within a trans-peripheral alliance for change. Hence the need to explore not just her peripheral condition, but also the developmental dynamics of thisr internal periphery.

В истории освоения человеком окружающих явлений, в том числе и социальной действительности, периоды дробления предмета ради глубины и точности его постижения чередуются с попытками всеохватывающего синтеза во имя новой тотальности

---

[*] *Дмитрий Юрьевич Глинский - заместитель директора ИПРОГ, старший научный сотрудник ИМЭМО, кандидат исторических наук. Обозреватель журнала «East European Constitutional Review» / «Конституционное право: восточноевропейское обозрение» (Нью-Йорк - Москва) по России, участник международной «Программы новых подходов к российской безопасности». Соавтор книги «The Tragedy of Russia's Reforms: Market Bolshevism Against Democracy» (2001; совместно с П.Реддавеем), автор статей в журналах «Россия-XXI», «Мировая экономика и международные отношения», газетах «Лос-Анджелес таймс», «Вашингтон пост» и др. Участник демократического движения 1988-93 гг. и ряда леводемократических оппозиционных проектов, а в 1993 г. - Конституционного совещания и «общественной палаты при президенте РФ». См. также сайты http://www.iprog.ru, http://dmitriglinski.narod.ru/indexreal.html.*

восприятия мира. В подобные эпохи внимание исследователей перемещается от узкопрофессиональных – и уже тем самым поддающихся исчерпывающему определению - категорий к таким понятиям и постановкам вопросов, в которых строгость и четкая оформленность знания добровольно приносится в жертву целостности и широте охвата. Полоса времени, которое свело вместе участников настоящей работы, освещена, пускай еще неровным, светом новой универсальности и поисков объединяющих начал поверх навязываемых сознанию профессиональных, культурных, «цивилизационных» барьеров - с неизбежностью жестокого противоборства и согласования очень разных взглядов на содержание этого единства и связанных с ними транснациональных и локальных интересов. Слово «глобализация», уже порядком истрепавшееся, но по-прежнему толкуемое с диаметрально противоположных точек зрения – лишь один из иероглифов той лингва-франка завтрашнего дня, на которой будут пререкаться между собой проектировщики и договариваться строители неизменно разрушаемого и всякий раз возводимого заново здания всечеловеческой общности.

С этой точки зрения вполне объясним возрастающий интерес к отношениям «центр-периферия» - не только в социальной мысли, но и в политике, политтехнологии и иных прикладных сферах. В отличие от узкопрофессиональных и догматических концептов недавнего прошлого (таких, например, как исчерпавшее себя экономикоцентричное деление на «развитые» и «развивающиеся» страны), бинарная оппозиция «центр-периферия» относится к числу исходных онтологических универсалий, из которых складывается общий фундамент не схожих во всем остальном представлений о человеке и обществе, - на том уровне, где экономические подходы к постижению действительности изначально не имеют преимуществ перед историческими и социокультурными.

Иначе говоря, центро-периферическая организация мира имеет (до некоторой степени) вневременной и наддисциплинарный характер. Она также не является и чисто пространственной - порой она может и вовсе не иметь географических привязок (пример - сегодняшняя «глобальная элита», территориально рассредоточенная по различным, как «западным» так и «незападным» странам, либо просто кочующая по свету). Более того, возрастающий экономический, технологический и военный разрыв между Соединенными Штатами и их все более периферийными партнерами по вчерашнему Центру - Японией и Европой - а также увеличивающееся социально-экономическое неравенство в самих США[1] дают основания говорить о том, что водораздел между гло-

---

[1] К примеру, с 1979 по 2000 г. разрыв в уровне чистого дохода (т.е. после уплаты налогов) между верхними и нижними 20% американских семей увеличился с 7.7 до 10.1 раз

бальной Периферией и Центром проходит не по границам, нарисованным на политической карте, а рассекает изнутри каждое крупное общество и экономическую систему. Этот вывод, в свою очередь, ставит под вопрос геополитические построения, отождествляющие центр современной миросистемы с Соединенными Штатами как нацией, и, тем самым, любые проекты преобразования существующего мирового порядка - с «антиамериканизмом». (Об этом же косвенно свидетельствует и внутренняя непрочность замешанных на геополитике антигегемонистских конфигураций - будь то треугольник «Пекин-Москва-Дели» в 1998-99 гг. или «Париж-Берлин-Москва» в период иракского кризиса - попытки осуществления которых неизменно нейтрализуются транснациональными элитами этих стран, накрепко привязанными к глобальному Центру.)

Таким образом, центро-периферическая структура служит одним из наиболее обобщенных выражений неравномерного распределения материальных и нематериальных благ и возможностей между людьми, сложившегося в историческую эпоху как в глобальном, так и в более узких сообществах, - с изначально сопровождающей это неравенство *напряженностью этического поля*. Сверх того, отношения «центр-периферия» выходят за рамки академического дискурса в сферу непосредственного опыта повседневной жизни и глубоко личностных переживаний, во все века находящих свое выражение в искусстве.

Ключевым элементом подобной центро-периферической картины мироустройства является ее изначальная зависимость от выбранной системы координат (экономический центр может быть культурной периферией и наоборот, а центр одной подсистемы - периферией другой, как и в пределах космического пространства). Привнесение дополнительных, внеэкономических измерений центро-периферичности придает ей определенную подвижность, многослойность и относительность, а также позволяет говорить об изменчивости положения субъектов центро-периферических отношений, вплоть до возможности «карнавального» переворачивания верха и низа (по М.Бахтину), то есть маргинализации только что всесильного Центра - явление не столь уж редкое в масштабе человеческой истории. Подобная относительность центро-периферических отношений оставляет открытой возможность их рассмотрения как своего рода продукта общественных условностей – «социальной конструкции» - и одновременно поля битвы различных сил и мировоззрений за господство в сознании современников.

(Economic Policy Institute, *The State of Working America 1994-95*, p. 37. 1979-2001: U.S. Census Bureau, Historical Income Tables). См. также сайт Бюро США по статистике <http://www.census.gov/hhes/income/histinc/incfamdet.html>. Подробные данные о динамике социального неравенства в США - на сайте <http://www.inequality.org>.

Взгляд на окружающий мир как на подобную центро-периферическую систему открывает перед наблюдателем пространство стратегического обзора. Оно позволяет преодолеть линейные детерминистские построения и телеологические схемы апологетов статус-кво («модернизация», «конец истории», «переход к рыночной демократии», «строительство национального государства» и др.), которые кружат голову завоевателям, отождествляя их победу с волей Провидения или научно установленной закономерностью, навязывая их жертвам фаталистическое представление об «объективной» неизбежности и окончательности сложившегося на данном повороте преходящего соотношения сил. И вместе с тем, центро-периферическая система координат не исключает, в качестве одной из возможных альтернатив, оптимистического видения развития человечества по восходящей (в рамках которого периферия приобретает уже не только и не столько пространственные, сколько временные характеристики, представая в облике преодоленного или преодолеваемого прошлого).

В этом контексте одной из наиболее значимых и целостных концепций современного знания об обществе представляется миросистемная теория И.Валлерстайна, синтезирующая традиционную для западной науки парадигму поступательного развития, очищенную от телеологического детерминизма («иного не дано»), и центро-периферическую картину мира с ее системой внутренних ограничителей и нелинейным характером происходящих изменений. Именно на путях этого синтеза с предельной четкостью сформулирована (первоначально - предшественниками Валлерстайна А.Г.Франком[1] и Й.Галтунгом[2]) трагическая дилемма пост-модернизационной эпохи: развитие по восходящей в Центре миросистемы усугубляет зависимость Периферии и консервирует центро-периферические отношения в глобальном масштабе.

Еще одна особенность центро-периферического взгляда на мир - в том, что он является одновременно частью арсенала современной социальной мысли и одной из древнейших конструкций обыденного сознания, которому свойственно располагать окружающие явления и собственное *я* по центро-периферической оси в различных системах координат. Тем самым оппозиция «центр-периферия» служит своего рода мостом от рационального мышления к космологическим мифам и архетипам массового сознания. При этом основное, если угодно, общечеловеческое стремление в обычных обстоятельствах - переместиться от периферии поближе к центру, будь то в рамках материальной или нематериальной в своей основе системы ценностей. По такого рода

---

[1] Andre Gunder Frank. *Capitalism and Underdevelopment in Latin America* (New York: Monthly Review Press 1967).
[2] Johan Galtung. «A Structural Theory of Imperialism,» *Journal of Peace Research*, 2 (1971), p. 81-94.

мостам пролегают магистрали современных политтехнологий и манипуляций массовым сознанием, в частности, с помощью рекламы. При этом используется то обстоятельство, что в архаическом мировосприятии центр и периферия противополагаются друг другу как взаимоисключающие абсолюты, космос и хаос. Первый является носителем благополучия, стабильности, упорядоченности и внутреннего равновесия, а второй - естественным объектом экспансии, упорядочения, окультуривания, а также источником подспудной угрозы. Соответственно, «центр» иерархической системы задается критериями «нормальности», «цивилизованности», в то время как периферия заведомо девиантна, а ее отношения с центром определяются подражанием и завистью. Стоит только на место относительных и подвижных центро-периферических отношений реальной действительности утвердить в групповом или массовом сознании некий абсолютный критерий (к примеру, уровень потребления американского предпринимателя средней руки, неолиберальные макроэкономические параметры или «протестантскую этику»), упразднив все иные системы координат, - и те, кто заведомо не может ему соответствовать, в том числе и целые нации, психологически вытесняются *с относительной на абсолютную периферию*, отвечая на это эпидемией экзистенциального пораженчества и отказом от попыток усовершенствования действительности - или же (в зависимости от культурных особенностей) порывом к иррациональному, разрушительному протесту против не знающего ограничений абсолютизма глобального Центра.

Напротив, в исторической реальности, в том числе в геополитической и геоэкономической системах координат современного мира, Центр и Периферия не только не являются взаимоисключающими абсолютами, но и зачастую не находятся в отношениях взаимного противоборства. Подобный антагонизм характерен для тех субъектов центро-периферической системы и тех исторических периодов, которые руководствуются линейными представлениями о неограниченных возможностях роста и экспансии, обретения абсолютной автономии либо абсолютного мирового господства (примеры - британская колониальная империя конца XIX века, не случайно ставшая колыбелью геополитики, или национально-освободительные движения середины XX века в странах Третьего мира). В иных же фазах циклического развития Центр и Периферия могут действовать в рамках более или менее осознанных взаимных ограничений и даже парадоксальным образом объединяться на основе общего пессимизма в отношении своих перспектив и возможностей, конвергируя друг с другом и зачастую вступая в некие взаимно укрепляющие (по крайней мере, в краткосрочной перспективе) симбиотические отношения. Инициатива такого сближения нередко исходит из Центра, поскольку на определенном этапе экспансии его взаимопроникновение с Периферией, по крайней мере на уровне элит, оказывается необходимым условием удержания целостности больших пространств, перенапрягающих собой имперскую конструкцию. В свою оче-

редь, периферийная элита может оказаться заинтересованной в таком симбиозе в том числе и как в страховке от угрозы, исходящей от собственной, внутренней периферии, в отношениях к которой она сама выступает угнетающим центром. При этом в долгосрочном плане, в отсутствие творческого напряжения, порождаемого антагонистическим противоборством разноприродных интересов и ценностей, система в целом развивается по нисходящей и дряхлеет. Классический пример такого симбиоза - эпоха «ориентализации» Римской империи и европейской античности как таковой в первые четыре века нашей эры - может показаться кому-то неактуальным. Однако типологически сходные отношения конвергентного характера на уровне ценностей и политической культуры прослеживаются и в сегодняшней глобальной действительности - к примеру, между частью американского истеблишмента и периферийными или полупериферийными элитами в ряде стран-«партнеров» США по антитеррористической коалиции (ближневосточные нефтяные шейхи, пакистанские военные, центральноазиатские деспотические режимы, и, возможно, в первую очередь - о чем подробнее будет сказано особо - путинская Россия).

Это сопоставление – несомненно, рискованное с точки зрения линейно-модернизаторской парадигмы исторического развития - вплотную подводит к основной теме данного коллективного проекта, дискуссионное поле которого задается в том числе и соображениями, представленными в настоящей статье. Непосредственным предметом рассмотрения в рамках предлагаемой исследовательской программы является **место России в основных центро-периферических системах**, в которых она выступает в качестве одного из субъектов. Одна из главных, но не единственная такая система - однополярный мир, который утвердился по окончании периода взаимной неопределенности на выходе из холодной войны и был де-факто принят российским правящим классом как данность (после того, как концепция и стратегия многополярности, связанная, в том числе, с периодом премьерства Е.Примакова, была подвергнута пропагандистской обструкции и политическому разгрому со стороны коалиции большинства постсоветской квазиэлиты).

На сегодняшний день, по-видимому, окончательно оформился не только военно-стратегический, но и своего рода идеологический симбиоз постсоветской финансово-сырьевой олигархии с «неоимпериалистами» и «неоконсерваторами», активно влияющими на внешнеполитический курс в США примерно с 1995-96 гг. и практически монополизировавшими его при ныне действующей администрации. Основой этого симбиоза являются:

- взаимная легитимация по отрицательному признаку (иначе говоря, никуда не годная по объективным критериям «элита» и проводимая ею политика на-

чинают смотреться не так уж плохо на фоне своего полупартнера-полуконкурента);

- совместная игра на понижение критериев «цивилизованности» и «нормальности», отождествляемых в массовом сознании с Центром, на девальвирование человеческой жизни и достоинства не только в локальной повседневности, но и с точки зрения задаваемых этим Центром планетарных «общечеловеческих» норм;
- установка постсоветской и *все более влиятельного крыла* американской элиты (в последнем случае - пока еще в неявной форме и со ссылками на «чрезвычайные обстоятельства») на вытеснение демократической и правозащитной составляющей из идеологии глобального Центра, дискредитацию либеральной демократии как универсального источника легитимности власти, утверждение международной идеологической монополии, сочетающей неолиберализм в экономике с антилиберальным вторжением «исполнительной власти» в сферу публичной политики и общественную жизнь - вплоть до формирования глобальных полицейских институтов, действующих в роли «силового ведомства» крупных транснациональных корпораций и теневых элитных сообществ;
- наконец, взаимная заинтересованность элит в недопущении какой-либо ревизии существующего порядка как внутри той или иной страны, так и в глобальном масштабе, в сохранении бесперспективности и апатии в общественном сознании, маргинализации и подавлении любых надежд на возможность положительной альтернативы статус-кво.

Налицо нарушение не только ***баланса сил*** (между Америкой/Западом/крупным транснациональным капиталом и всеми остальными игроками), но и, возможно, в первую очередь, ***баланса ценностей***, с равными основаниями претендующих на общечеловеческую универсальность по крайней мере со времен Просвещения, – в особенности баланса между коллективными ценностями, связанными с идеей справедливости, и индивидуальной свободой. При этом ключевую роль в наступлении «глобального варварства» и эрозии Центра в качестве традиционного носителя ориентиров гуманистического развития играет установка доминирующего сегодня крыла западных элит ***на признание итогов «реформирования» (разграбления) России*** и на сотрудничество с бандократией, утвердившейся в России сверху донизу и преобразующей общество по своему образу и подобию. Судя по резкому сокращению числа критических публикаций о российских реформах и прекращению общественной дискуссии на Западе (в том числе и об участии западных корпораций и правительств в написании колоритных страниц

новейшей российской истории, от ваучерной приватизации и расстрела парламента до пирамиды ГКО), а также провалу международных судебных исков против ряда отечественных «элитариев», в глобальном Центре возобладала тенденция к тому, чтобы узаконить мафиозно-олигархический и полицейский капитализм постсоветской России, построенный на экспроприации десятков миллионов граждан, и сложившийся на его основе режим «управляемой демократии» как часть либерально-капиталистической «нормы», «вписать» его в глобальные стандарты. Возможна и иная трактовка: используется удачно подвернувшаяся возможность для того, чтобы подогнать сами стандарты «развитого», «цивилизованного» общества, все более неудобные для глобальных приватизаторов, под новую действительность. Впридачу, «победители» в холодной войне получают от Кремля, в обмен на легитимацию итогов реформ, признание результатов собственной экспансии (как под евроатлантическим флагом, так и в одностороннем порядке), в том числе в Восточной Европе, на Балканах (включая окончательную ликвидацию югославской государственности), в Центральной Азии, а теперь и на Ближнем и Среднем Востоке. Хотя такая политика, бесспорно, отвечает интересам наиболее хищнической части глобального истеблишмента, она одновременно вступает в конфликт с ценностными основами либеральной демократии, образующими фундамент внутренней стабильности западных обществ.

Тем самым, силы «управляемого хаоса» на постсоветской периферии *Pax Americana*[1] играют глубоко двойственную роль с точки зрения динамики центро-периферических отношений. Выполняя консервативную функцию одного из столпов глобальной диктатуры «рынка» (зачастую опирающегося на де-факто приватизируемые крупными корпорациями и иными невыборными структурами административные и силовые ресурсы) и все более асимметричного геополитического порядка, российский правящий класс одновременно оказывается одной из движущих сил совершающегося культурного переворота: «варваризации» западных экономических и политических институтов - включая ревизию всей системы ценностей, основанной на разделении общественного и частного и на представлении о незыблемости гражданских и человеческих прав и свобод. Иначе говоря, сформированный «беспределом» постсоветский олигархический капитал ***выступает одним из агентов демодернизации в глобальном масштабе*** - социокультурного контрнаступления периферии на центр, сырьевой и спекулятивной экономики на высокие технологии и промышленную инфраструктуру, тене-

[1] Принятие *Pax Americana* в качестве рабочей модели не обязательно означает, что американская гегемония рассматривается как абсолютная (римская тоже таковой не была). Оно также не содержит в себе какой-либо гипотезы об определенной, циклически заданной длительности данного периода.

вых (в том числе криминальных и разведывательных) сообществ на институты правового государства, фанатиков идеологического и религиозного консерватизма на рациональные и консенсусные элементы в обществе.

Навстречу же «новорусскому» варварству поднимается дремавшая до поры до времени и ныне приходящая в движение Внутренняя Периферия самого Запада - конгломерат антидемократических, милитаристских, фундаменталистских течений, пользующихся поддержкой на крайне правом фланге властной элиты, где уже продекларирован разворот не только от либеральной демократии, но и от традиционного (протестантского) в своей основе консерватизма к «языческому этосу» - в причудливом сочетании с миссионерскими претензиями на универсальность.[1] Таким образом, не случайны явные симпатии, проявляемые в этой части политического спектра к постреформаторским порядкам на постсоветском пространстве и прежде всего в России - рассматриваемой как особо ценный стратегический партнер на фоне строптивых западноевропейцев, понимающий и уважающий язык силы. На этом фоне продолжают развиваться тенденции размывания социального фундамента американской демократии - среднего класса,[2] что включает в себя и скольжение вниз по социально-экономической лестнице нового поколения научной и творческой интеллигенции.

Указанные явления в развитии глобального Центра чреваты рядом последствий. Во-первых, они наносят очередной удар по иллюзиям леволиберального интернационализма, связанным с идеей «мирового гражданства» и составлявшим массовую опору глобализационного оптимизма клинтоновской эпохи. ***Нереализуемость мирового гражданства в формате Pax Americana даже для лояльных Америке союзников и партнеров - первое и, вероятно, самое существенное отличие единственной сверхдержавы современного мира от ее античной предшественницы***.[3] (Впрочем, и в те времена ближайшим союзникам Вечного Города - италийцам - римское гражданство далось, как известно, не без боя: они получили его лишь в результате кровопролитной Союзнической войны и в момент критического равновесия сил в самом Риме между

---

[1] Robert D. Kaplan. *Warrior Politics: Why Leadership Requires a Pagan Ethos* (Vintage Books, 2003).

[2] Классические работы на эту тему - Frederick R. Strobel. *Upward Dreams, Downward Mobility: The Economic Decline of the American Middle Class* (1993) и *The Coming Class War and How to Avoid It* (1999). О снижении среднего уровня реальных доходов в такой традиционно благополучной части США как Лос-Анджелес и прилегающие территории, см. Jack M. Stewart. «California's Latest Loss: Middle-Class Wealth», *Sacramento Business Journal*, 20 Sept. 2002, URL: <http://www.bizjournals.com/sacramento/stories/2002/09/23/editorial4.html>.

[3] Ср. Walden Bello. «Pax Romana versus Pax Americana: Contrasting Strategies of Imperial Management», Focus on the Global South, 23 April 2003, URL: <http://www.focusweb.org/popups/articleswindow.php?id=311>.

олигархической партией и благоволившими к союзникам демократами - партией популяров). Очевидно, что Америка Буша-младшего с ее цивилизационной нетерпимостью даже с большой натяжкой не подходит на роль универсалистской империи, и что сторонники движения к мировому гражданству, прежде всего в самой Америке и в Европе, бесповоротно упустили момент либерального благодушия начала 90-х гг., когда только и была возможна сама постановка подобного вопроса в контексте реальной политики.

Еще одним последствием указанной трансформации, в том числе и кризиса западного среднего класса, является углубляющийся раскол в центре глобального политического спектра - между сторонниками неолиберальных экономических решений (все более открыто склоняющимися к их силовой реализации) и классической демократией, основанной на либертарных и эгалитарных ценностях эпохи модерна. Самые широкие слои западного общества, еще недавно придерживавшиеся весьма умеренных взглядов на вещи, зачастую помимо своей воли оказываются в положении радикалов, отказывают в электоральной поддержке представителям правящего истеблишмента или даже становятся резервом протестных движений - не только уже принявшего массовый характер антивоенного, но и «антиглобалистского», гораздо более своеобразного по своей окраске.

И, наконец, третьим производным элементом - в какой-то степени нейтрализующим воздействие предыдущей тенденции - оказывается все большее неравновесие сил между Периферией и Центром, а значит, и ***невозможность изменения глобального силового рисунка путем механического сложения материальных ресурсов периферийных игроков*** (как о том свидетельствуют неудачные проекты построения геополитических «треугольников»). Нравится это кому-то или нет, но в предстоящие годы ***качественное преобразование статус-кво может начаться лишь изнутри самого Центра - прежде всего изнутри американского общества и правящей элиты***. Следует при этом отдавать себе отчет в том, что это преобразование может пойти по «перестроечному» сценарию - с дальнейшим обрушением ценностных устоев и регрессом в ряде других областей западной цивилизации. Достигнутое подобным путем взаимное «выравнивание» Периферии и Центра может обернуться слишком высокими с какой угодно точки зрения потерями в общепланетарном масштабе. Еще один вариант долгосрочного развития (не исключающий предыдущего) - дальнейшее распространение абсентеизма и апатии в западных обществах и переход этих настроений в некое новое качество, с возможностью ***массового бегства за пределы центро-периферической системы координат, задаваемой обществом потребления, и формирования конкурирующего нематериального Центра*** - подобно тому, как христианство в первые века нашей эры бросило вызов вещному миру *Pax Romana*, став альтернативным бытийным и ценностным центром притяжения сил средиземноморской цивилизации.

Говоря собственно о России, необходимо учитывать, что в центро-периферической модели мира она может рассматриваться в качестве целостного субъекта лишь условно, поскольку ***сама представляет собой предельно поляризованную центро-периферическую систему*** - в географическом, экономическом и социокультурном плане. Причем, если зачастую колониальная эксплуатация российской глубинки столицей, а деревни – городом является своего рода многовековой исторической константой, то по другим, экономическим и социокультурным, параметрам за годы «реформ» в России имели место решительные попытки фундаментальных сдвигов по центро-периферической оси, в принципе ведущих к отказу от исторических основ национальной идентичности (вопрос о том, насколько глубокими и долговечными окажутся эти сдвиги, остается открытым). В частности, постсоветский правящий класс и его союзники - как на Западе, так и на прежней социокультурной периферии советского общества - предприняли маргинализацию традиционно «центровых» для России элементов - науки, культуры, образования и связанных с ними отраслей промышленности, одновременно переместив «в центр» системы спекулятивные способы получения прибыли и сырьевые отрасли экономики, до недавнего времени имевшие «периферийный» статус. При этом решалась и явная социально-политическая задача: ***вытеснение интеллигенции из ее ниши исторического центра самоорганизации общества и разработки стратегий национального развития***, маргинализация ключевого для русской культуры гуманистического и универсалистского начала, выдвижение в центр партикуляристских сил, руководствующихся сугубо хватательными инстинктами.

Результатом осуществления всей этой суперстратегии на сегодняшний день стала беспрецедентная за 70 лет маргинализация критического большинства населения страны, кажущееся обесценение значительной части накопленного ею исторического капитала, а также сужение материально и статусно благополучного «Центра» почти буквально до пределов Садового кольца. В этой ситуации рано или поздно неизбежен закономерный вопрос: кто же в действительности является центром, а кто периферией в подобном контексте? И **не оказываются ли правящий класс и обслуживающие его политические и социальные институты глубоко маргинальными по отношению к «основной» России**, к ее идентичности? Однако эта заведомо неустойчивая ситуация пока что удерживается в состоянии шаткого равновесия - не в последнюю очередь благодаря тому, что власти и масс-медиа периодически воспроизводят Новую Периферию в обществе из числа тех или иных национальных, религиозных и политических меньшинств, по отношению к которым обездоленному и ограбленному большинству дают возможность почувствовать себя всемогущим Центром (главным претендентом на эту роль «козла отпущения» сегодня назначены «мусульманские» народы, в особенности чеченцы, и все неиндоевропейцы, регулярно унижаемые в СМИ и избиваемые отечест-

венными неофашистами при открытом попустительстве властей). А тем временем рас-познавшие подвох молодые люди в принципе отказываются от этнической самоиден-тификации: в ходе всероссийской переписи многие из них «самоопределились» как «эльфы», «гоблины» или «скифы» и, тем самым, пускай и не вполне осознанно, помес-тили себя по ту сторону центро-периферической структуры межнациональных отноше-ний в стране.

В свете сказанного проблема местоположения России в мировой системе не может рассматриваться в отрыве от центро-периферической дифференциации самого россий-ского общества. Тем самым она распадается на составные части - по числу как дейст-вующих игроков российской политики, так и ее потенциальных субъектов, в настоящее время «маргинализованных» и выведенных из игры, но способных вернуться в нее в следующей фазе исторического цикла, в момент, когда «сильные» и «слабые» поменя-ются местами ввиду неизбежного изменения критериев или соотношения сил. Какую ориентацию в глобальных центро-периферических отношениях выбирают для себя сырьевые, финансовые и, не в последнюю очередь, «административные» олигархи, а также обслуживающие их думские партии, внешнеполитическая и «силовая» бюрокра-тия? Как видят свои проблемы и интересы в свете глобализации возможные политиче-ские игроки завтрашнего дня: находящееся в полуподполье и парализованное десяти-летиями советского и постсоветского гнета рабочее движение; левые демократы, вы-давленные во внесистемное существование новыми идеологическими монополистами праволиберального и националистического толка; а также полуреальный-полумифический средний класс, задекларированный реформаторами в качестве соци-ально-экономического «центра» проектируемой ими системы? Возможно ли, и на ка-кой основе, соединение сил Внутренней Периферии и дальновидного меньшинства правящего класса (если таковое существует) для преодоления общими действиями соб-ственной маргинальности и маргинальности России как целого, ее вхождения в качест-ве полноправного участника - и, что, быть может, более важно, как гуманистической, освободительной и творческой силы - в мировую историю XXI века? Эти и связанные с ними вопросы предлагается сделать предметом рассмотрения и дискуссии в рамках на-стоящего проекта.

II. ПЕРИФЕРИЯ, ПОЛУПЕРИФЕРИЯ, ЦЕНТР: СИСТЕМА КООРДИНАТ ГЛОБАЛЬНОГО МИРОУСТРОЙСТВА

Марат Чешков*

ЦЕНТРО-ПЕРИФЕРИЧЕСКОЕ ВИДЕНИЕ МИРА И КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ

Marat Cheshkov. The Center-Periphery Vision of the Universe and Development Studies

This article reviews the track record of «development studies» - a multidisciplinary area of applied, or problem-centered social science. The author considers its different currents, major concepts, and its evolution from the 1950s to our days. According to the author, by the end of the 20th century, this area of knowledge «lost» its subject matter, due to the erosion of cohesiveness of the «developing», or the «Third» world. However, a number of its concepts - including Development, the Center-Periphery divide, and some others - have remained viable. They can be usefully employed to conceptualize the present-day situation in Russia, provided that the global context is taken into account.

«Исследования развития» умирают,

«мышление о развитии» живет

Предлагаемая статья представляет собой работу науковедческого профиля, где прослеживается не столько история идей, сколько логика их развертывания и методология научного познания. Предмет статьи – общая теория развивающегося мира, в первую очередь макросоциологические построения, особенно те из них, что связаны с идеей Развития, и в которых рассматриваются центро-периферические отношения современного мироустройства. Поскольку эти теоретические построения сложились в рамках особой области - **«исследований развития»** (development studies)[1], то таковые (сокращенно – ИР) образуют «контекст» отдельных ключевых концепций. Материал разбит на три части, в которых последовательно рассматриваются:

* *Марат Александрович Чешков - главный научный сотрудник ИМЭМО РАН, доктор исторических и кандидат экономических наук. Окончил исторический факультет МГУ. В 1957-63 политзаключенный Дубровлага (по «делу Краснопевцева»). Работал в Институте востоковедения, издательстве «Прогресс», Институте научной информации по общественным наукам (ИНИОН), с 1967 г. в ИМЭМО. Автор десятков научных работ, в том числе монографий «История феодального Вьетнама XV-XVIII веков» (1967), «Общая теория развивающихся стран»(1982), «Глобальный контекст постсоветской России» (1999).*

[1] В широком смысле этого термина, то есть, включая как его либеральные, так и радикальные (в том числе т.н. неомарксистские подходы). Об этом значении данного термина см. «Развивающийся мир и Россия». Отв. ред. Р.М.Аваков, М.А.Чешков. М., 2002, глава 6.

- генезис и «структура» ИР;
- кризис ИР и выходы из него;
- осмысление положения современной России в свете концепции «Центр-Периферия».

Генезис и структура ИР (50-70-е годы)

Поскольку миросистемный подход с его осью «Центр-Периферия» резко изменил облик ИР, то есть основание разделить основные концепции на две группы: доваллерстайновские и идеи И. Валлерстайна (с его ареалом).

Доваллерстайновский период

Философские и общесоциологические корни ИР уходят корнями в эпоху Просвещения и принимают за эталон нормы классической - позитивистской - науки, опираясь непосредственно на философскую идею прогресса. Как особое направление обществоведения, ИР возникают на рубеже или к середине 50-х годов, и их становление завершается примерно к началу 60-х. Последующие два десятилетия были временем подъема, а 80-е годы стали временем кризиса и тупика ИР. В последнее десятилетие XX века эта область знания приближается к своему завершению, но, с другой стороны, казалось бы, появляется шанс на ее второе рождение.

Изначально ИР опирались на крайне разнородное основание, включавшее структурно-функциональный подход, структурализм, различные версии марксизма и – в последнее время – религиозную мысль. Различия методологических оснований усиливались столкновением в этой области знания и полярных политических дисскурсов – от либерализма и консерватизма до ортодоксального марксизма и тьермондизма[1]. Объектом познания здесь выступали феномены социально-экономической, исторической, политической, культурной, техно-научной отсталости (*undevelopment; backwardness*)[2]. Задача ИР заключалась в разработке понимания причин и путей преодоления отсталости, что ориентировало ИР на тесную связь с выработкой различных стратегий развития. Поэтому ИР складывались ***как область прикладного или проблемного*** (*problem solving*) типа научного знания. В ее инструментарии отсутствовало собственное фундаментальное ключевое понятие, ибо основное к началу 60-х годов понятие «развития»

---

[1] Вряд ли можно говорить даже в этот период о некоем одном – условно – третьемирском дискурсе, но вполне обоснованно видеть здесь одно дискурсивное поле, в котором и размещаются ИР. – *Development and Change*. 1998, vol.29, No. 3, p.571-572.

[2] Первый термин акцентировал отсталость как феномен новой и новейшей истории, а второй – его доколониальные корни.

было во всех направлениях ИР – от либеральных до леворадикальных - конкретизацией идеи прогресса, универсализирующей опыт Запада; оно имело статус эмпирической генерализации, будучи обратной стороной понятия «отсталость». Идея развития первоначально и стала интегратором (термин С.Фуртадо) всего многодисциплинарного комплекса ИР - роль, оспариваемая позднее миросистемным подходом И.Валлерстайна.

Основные направления ИР эпохи их подъема формировались вокруг трех групп понятий, или кластеров – **Модернизация/Развитие, Зависимость/Периферийность, Третий мир**[1]. В духе господствовавшего бинарного мышления кластер 1 противополагался кластерам 2 и 3. Концепции первого кластера ориентировали развивающиеся страны на такие стратегии развития, реализация которых позволила бы сблизить эти страны с их западными аналогами, чей опыт виделся воплощением целей развития. Концепции второго кластера, напротив, выдвигали стратегии, так или иначе ограничивавшие экономическое и политическое господство Запада, хотя их целью оставалось создание индустриального общества - либо западного, либо советского типа. Эволюция ИР развертывалась не в порядке стадиальной смены кластеров, но через их изменяющийся баланс.

Основные противоречия между кластерами развертывались по таким проблемным осям как соотношения в ходе развития Внешнего и Внутреннего, Традиционного и Современного, Целого и Части. Если приверженцы первого кластера (Модернизация/Развитие), основываясь на эндогенном подходе, считали, что ***помехи развитию лежат в структуре и истории развивающихся обществ***, то ориентировавшиеся на второй кластер (Зависимость/Периферийность) видели помехи развитию в современных условиях – или в неравноправных внешнеторговых связях (школа периферийной экономики Р.Пребиша), или в неравенстве оплаты труда (теория неэквивалентного обмена А.Эммануэля), или в специфике накопления капитала (С.Амин). Концепции второго кластера были достаточно разнообразны, и если в некоторых из них положение развивающегося мира сравнивалось с колониальной ситуацией (А.Г.Франк, теория «развития отсталости»), а в других зависимость понималась как полное господство внешних обстоятельств во внутренней структуре и развитии общества (Т. дос Сантос), то в третьих развитие и зависимость не противопоставлялись, а иностранный капитал

---

[1] Именно они, а не отдельные концепции были компонентами ИР в целом. Об этой структуре ИР см. М.А.Чешков. Знание о развивающемся мире: судьба дисциплины. М., ИМЭМО РАН, 2002.

признавался фактором развития (концепция ассоциативно-зависимого развития Ф.Э.Кардозо)[1].

Различия взглядов по оси «Традиция-Современность» резко проявлялись внутри кластера по двум позициям. Внутри одной из них модернизация понималась или близко к вестернизации, или как процесс структурно-функциональной дифференциации (Г.Олмонд, Дж.Пауэлл). Внутри другого направления классики теории модернизации (М.Леви, Б.Хозелитц, Д.Лернер) рассматривали традицию как безусловную помеху развитию, в то время как часть «модернизаторов» (Ш.Айзенштадт) уже со второй половины 60-х годов ***отказалась от противопоставления традиции и современности***, а некоторые готовы были признать традицию даже как один из источников модернизации. Особую позицию занимали те представители второго кластера (Зависимость/Периферийность), которые видели в наличных традиционных укладах продукт развития, его как бы заново созданную, превращенную форму (С.Амин) или эпифеномен современности (И.Валлерстайн).

По третьей оси противоречия разделяли сторонников первых двух кластеров и тьермондистов. В противовес тем, кто видел в развивающемся мире не более чем совокупность бедных и отсталых стран, крайне разнородную во всех отношениях, тьермондисты настаивали на том, что ***данная совокупность есть особое мирообразование***, - то ли исторического порядка (И.Хоровиц), то ли мирополитического (Ж.Баландье); основанное или на специфическом демографическом факторе (А.Сови), или на сочетании разнородных и даже разнопорядковых факторов – демографического, уровня развития, исторического прошлого и пр. (И.Лакост).

По существу, ИР в 50-60-х годах ***так и не определились в понимании собственного предмета познания***, ибо таковой равно выражался через самые различные понятия - и периферия, и развитие, и зависимость, и третьемирская общность, что не позволяет заключать о «парадигмальности» ИР[2]. При таком положении дел невозможно говорить о том, что даже на волне своего подъема ИР сложились в особую содержательно-предметную (а не чисто проблемную) область научного знания. Хотя тенденция к этому, безусловно, существовала, и, на наш взгляд, ***наиболее продуктивным ее выра-***

---

[1] Все эти концепции подробно разбирались в отечественной литературе - в работах Б.Старостина, А.Гордона, Б.Славного, А.Шестопала, Б.Ярошевского и др., а также в коллективных монографиях (см. специально «Общественная мысль в развивающихся странах». М., 1988).

[2] То есть концепции, разделяемой научным сообществом и принимаемой за эталон научного знания (по Т.Куну).

жением была идея третьемирской социально-исторической общности[1]. Тенденция к такому осмыслению предмета стимулировалась политической активизацией сил развивающегося мира, которая проявилась особенно четко на рубеже 60-70-х и в начале 70-х годов (стратегия «Нового мирового экономического порядка», нефтяной кризис, война во Вьетнаме). Эта же ситуация демонстрировала и глубокую включенность развивающихся стран в мировую капиталистическую систему, что дало толчок идее взаимозависимости - выдвинутой в противовес концепциям зависимости одной страны от другой (периферии от центра).

Если политически обе схемы четко противопоставлялись друг другу, то их различие в плане теоретическом было явно смазано. Причина такой нечеткости границ между столь различными в политическом плане построениями заключается, на наш взгляд, в теоретических слабостях радикальной версии концепции зависимости. Здесь в основном понятии не разделялись такие аспекты реальности как связи и отношения[2], что давало «фору» сторонникам идеи взаимозависимого мира. Кроме того, если ***теория взаимозависимости была максимально, предельно обобщающей*** (мир в целом), то концепция зависимости даже не претендовала на подобную силу обобщения. Так Ф.Кардозо отрицал полезность и реальность общей идеи зависимости, предпочитая говорить о *множественности ситуаций* зависимости.

Отказ от идеи зависимости в ее генерализующей третьемирской силе[3] объясняется тем, что Ф.Кардозо видел в такой генерализации возврат к построениям типа М.Вебера и К.Маркса, не адекватным – с его точки зрения - современной реальности. Правда, в связке «Зависимость/Периферийность» второе ее звено действительно генерализовалось через мировое накопление капитала , но оно все же строилось (в работах С.Амина) на материалах более отсталых регионов развивающегося мира. В противостоянии с идеей взаимозависимости – явно асимметричном в ее пользу (отметим ее связь с кластером «Развитие/Модернизация») – кластер «Зависимость/Периферийность» восстановил свой статус «полюса» ИР лишь с рождением миросистемного подхода И.Валлерстайна. Тем самым, дуализм, свойственный ИР, казалось, был полностью восстановлен.

---

[1] Выдвинутая в отечественной литературе к середине 70-х годов («Развивающиеся страны: закономерности, тенденции, перспективы», отв.ред. Р.Аваков, К.Майданик. М., 1974) и уточненного в работах конца 90-х гг. (см.ниже).

[2] Попытки расчленить эти параметры, вводя понятия *dependence* и *dependency*, не дали большого эффекта.

[3] К чему склонялись отечественные авторы с их традицией к максимальному, предельному обобщению.

Миросистемность и ее ареал

В валлерстайновской концепции мировой системы, опиравшейся на работы Ф.Броделя, отрицалась картина современного мира в образе бытия трех миров и утверждалось (логически и исторически) **бытие одной мировой – капиталистической – системы (МКС)**, сложившейся в XVI-XIX веках на базе общественного, технического и иного разделения труда, а также товарообмена. Эта концепция, ***постулируя отношения «Центр-Периферия» как базовые в МКС***, не только продолжила идеи кластера «Зависимость-Периферийность», но и систематизировала их. В то же время она не столько «поглотила» идею Третьего мира, сколько, сохранив этот термин и основные признаки отсталых/зависимых стран, ***«отменила» понятие «Третий мир» как особое мирообразование***, заменив его понятием «Периферия МКС»[1]. Одновременно в этой конструкции исчезли категории кластера «Развитие/Модернизация».

Таким образом, схема Валлерстайна - продолжая в некотором ракурсе (Центр/Периферия) традиции ИР - по существу отрицала их право на собственный научный статус, отличный от теории мирового капитализма. При этом его концепция[2] содержала и резкую критику западоцентричного универсализма - этой важнейшей философской предпосылки ИР. Еще важнее то, что проблематика развивающегося мира в валлерстайновском прочтении стала из «внешней» - внутренней проблематикой бытия мира как целостности (в виде МКС), что вплоть до последнего времени не разделялось западной общественной мыслью. Ценой же этого «овнутрения» была потеря «мышлением о развивающимся мире» представления об особой идентичности этого объекта и – тем более – о его связи с доколониальным Востоком. Соответственно, ИР порывали и с востоковедением.

Заметим, что марксистская мысль, казалось бы, должна была приветствовать вхождение проблематики ИР в рамки теории капитализма (на чем настаивали и отечественные марксисты – Н.Симония, Ю.Розалиев и др.). Однако отличие валлерстайновского капитализма от марксового понимания (не говоря о его включении Советского Союза в состав Полупериферии) вызвало критику со стороны советского официального учения о «некапиталистическом пути развития» (Г.Ким, В.Тягуненко, Р.Ульяновский), видевшего в идее Третьего мира антиимпериалистические и даже протосоциалистические потенции. Для ИР наступил «час истины» - парадоксальным образом, именно в 1970-е годы, когда развивающийся мир пытался утвердиться в своем современном бытии.

---

[1] Дополненного понятием «полупериферия».
[2] Которую он предпочитает называть «подходы».

Замена Третьего мира Периферией существенно обедняла первое из этих понятий, пусть и недостаточно четко выраженное, что было следствием эмпиризма базовых установок. Идя тем же путем, Валлерстайн отказывается от логики (абстрактной) в пользу анализа исторической конкретности. Однако, противопоставив свой «исторический капитализм» абстрактной модели капитализма К.Маркса, он все же выходит за рамки эмпирических генерализаций - особенно когда речь идет о возможных трансформациях капитализма[1]. Резкие колебания между эмпирикой и абстракцией очень заметны и в его основных категориях – «Центр» и «Периферия»: по замыслу они характеризуют ***уровни структуры (МКС), а не конкретные страны***, выступающие в роли этих структурных уровней. Однако, описывая борьбу за гегемонию между ведущими капстранами, он зачастую подменяет абстрактный «уровень» конкретной страной, открывая дорогу чисто страноведческому видению и Центра, и Периферии. Такая нечеткость особенно заметна в описании современной структуры МКС уже с 70-х годов.

Актуален вопрос: сохраняется ли здесь один Центр, на роль которого могут претендовать ряд наиболее развитых стран, или же здесь имеет место не один, а два-три Центра (США, Европа, Япония)? Если согласиться с последним выводом, то возникают мысли то ли о «блуждающем Центре» (по Ф.Броделю), то ли о декомпозиции и распаде Центра как структурной позиции или даже о «децентрации» МКС (см.ниже). С другой стороны – и замечания такого рода весьма употребительны в случае Валлерстайна – в его схеме страны как единицы (элементы) МКС выглядят не более чем простой реализацией законов МКС. Такое прочтение тем более основательно, что проблема элемента или простейшей единицы этой системы отсутствует. Таким образом, атомарность или дискретность видения в его схеме отрицается не только как подход (что означает прогрессирование научного знания), но абсолютно (что вряд ли продуктивно).

Эти уязвимые места породили серьезную критику[2], которая развертывалась буквально по всем научно-идеологическим азимутам – от ортодоксально-марксистского понимания капитализма (критикующего Валлерстайна за его представления о сравнительной значимости наемного труда и домашнего хозяйства и за его подход, строящийся на примате обмена над производством, что, согласно Р.Бреннеру, свойственно всем т.н. неосмитианцам, включая Валлерстайна, Амина и Франка) - до либералов (так, А.Золберг критиковал его за потерю специфики межгосударственных отношений) и

---

[1] В этом пункте его детерминизм вдруг становится вероятностным, а логика МКС – открытой, что свидетельствует о воздействии на Валлерстайна нового научного сознания.

[2] О критике критики Валлерстайна см.М.А.Чешков. «Критика миросистемного подхода и концепции капитализма И.Валлерстайна (научно-аналитический обзор)». М., ИНИОН РАН, 1992.

культурологов-почвенников (возражавших против оценки Валлерстайном цивилизационных традиций как эпифеноменов МКС).

Не менее острой была и дискуссия между сторонниками Валлерстайна, являвшимися его коллегами по журналу *Review* и Фонду Ф.Броделя. Основные дискутируемые вопросы звучали так: сколько логик определяет природу и эволюцию МКС? Сколько способов производства покрывает это мирообразование? Является ли МКС единственным случаем мирообразований, или таковые имели место и до рождения МКС?

Ответы на первый и второй вопросы тесно связаны, и поэтому мы их рассмотрим вместе. Если Валлерстайн признавал, что МКС имеет лишь одну логику (экономическую) и опирается лишь на один способ производства (капиталистический), то взгляды его оппонентов отличались явной склонностью к плюрализму: так, К.С.Чейз-Данн подчеркивал принципиальное наличие в МКС ***нескольких способов производства*** и ***по меньшей мере двух логик (экономической и политической)***. Другие (Э.Лакло) признавали ***плюрализм способов производства*** в рамках «мировой экономической системы», понятие которой отделялось от понятия «капиталистический способ производства». Эти версии МКС были близки картине мира по Ф.Броделю: мир как единство различных экономик, обществ, цивилизаций.

Другой острый пункт дискуссий был связан с проблемой единичности или множественности миросистемных образований. По существу, сам Валлерстайн признавал такую множественность, относя к образованиям этого «класса» т.н. **мироимперии** – автономные общности, базирующиеся на неэкономических отношениях (Ф.Бродель). Однако, строго говоря, мироимперии были все же локальными образованиями - даже если речь шла об империи Монголов, претендовавшей (по А.Абу-Логход) на статус миросистемы XIII века. Представляется, что в этом пункте Валлерстайн прав: подлинно мировая (то есть, планетарная) система сложилась лишь на базе экономических отношений, созданных экспансией капитала.

«Решение» проблемы было предложено А.Г.Франком - обычным для него радикальным способом: вся история человечества от ее истоков (более пяти тысяч лет) была объявлена им мировой изначально - и в системном, и в структурном понимании (World History System). Его решение, однако, относилось, на наш взгляд, не к проблеме числа миросистем или - шире – мирообразований, но к проблеме иного рода – преемственности и разрывов в ходе мировой истории: если Франк акцентировал первую сторону, то Валлерстайн – вторую ипостась этого процесса. К нашему предмету дискуссия по этой теме имела косвенное, но важное отношение; при подходе Франка Третий мир выглядел – при всей его специфичности – продолжением доМКС'овского Востока, а при валлерстайновском - качественно иным образованием. Возрождение в 1970-80-е гг. традиционализма во всех сферах – от религии до политики и культуры (особенно после

Иранской революции), казалось, подтвердило, что и ныне перед нами изменившийся, деформированный – но все же Восток, а не Третий мир или Юг. Этот вывод стал преобладающим в ИР[1], обратив их из самостоятельной области научного знания в одно из направлений востоковедческих дисциплин[2].

Весьма важным, хотя и частным пунктом внутренних дискуссий было понимание **роли полупериферии**, этого – на наш взгляд – логически незаконного члена валлерстайновской триады[3]. По мнению К.Чейз-Данна, это звено не только опосредовало центро-периферическую связь (совокупность «связь/структура/отношения»), но именно оно играло ведущую роль в исторической эволюции МКС. Это замечание кажется достаточно убедительным, если провести грань между полупериферией «законченной» (компонент трехчленной структуры) и «становящейся» (т.н. внешняя зона) или полупериферией в двух ее временных состояниях – «уже» и «еще не». Вторая половина этой формулы исторически открывает перед полупериферией возможность перемещения - либо к Центру, либо к Периферии…

Наконец, последней, но, пожалуй, наиболее острой темой дискуссии стало соотношение научной логики и логики исторической. Если Валлерстайн утверждал, что мировой капитализм породил как национальный капитализм, так и национальные государства, то его оппоненты настаивали на исторической реальности обратной последовательности, «выводя» мировой капитализм из становления национальных капитализмов и национальных государств.

Схема Валлерстайна породила и те концепции, которые вырабатывались в порядке ответа на вызов Валлерстайна, - концепции, не только входящие в валлерстайновский «ареал», но расшатывающие или даже подрывающие его. К первым относится критика, исходящая из идеи артикуляции способов производства (в терминологии Л.Альтюссера и Э.Балибара - представителей т.н. структурного марксизма). Данная концепция, развивая представления о множественности способов производств в рамках МКС, была все же ограничена, применяясь в основном для наиболее отсталых стран (Центральная Африка, часть Азии). К тому же, ее эффективность резко снижалась дискуссиями как о числе способов производства в отсталых обществах, так и об их параметрах. Дискуссии

---

[1] В том числе и в отечественной литературе – см. например «Эволюция восточных обществ: Традиция и современность». М., 1984.

[2] Перспективы этого дисциплинарного сдвига можно понять и в других рамках - например, рождающейся глобалистики.

[3] Но весьма законного по логике исторического формирования МКС (которая, кстати, уточнилась через понятие «внешняя зона», введенное самим Валлерстайном). Однако при этом он несколько ускорил процесс периферизации, относя его завершение к той эпохе, когда в мирохозяйственных связях доминировали (по А.Г.Франку) не европейцы, но арабы и китайцы (вплоть до XIX века.).

подобного рода, в ходе которых изобретались новые способы производства – колониальный (Х.Алави), трибутарный, т.е. основанный на взимании дани (С.Амин) - постепенно уходили в песок, чему способствовало растущее стремление неортодоксальных марксистов поставить под вопрос само понятие «способ производства». Короче, марксистские новации в этой области быстро перешли на уровень схоластики, чего нельзя сказать о схеме Валлерстайна 70-80-х годов. Она подвергалась скорее критике другого рода - критике, подрывающей ее основания. Примером такой подрывной для миросистемности критики была концепция М.Бо: принимая *онтологическую* реальность Третьего мира, он отвергает *представления* о ней, выработанные и Валлерстайном, и тьермондистами (С.Амин и др). На место Центра и Периферии он поставил мировую систему, построенную на отношениях зависимости и господства, иерархически организованную и включающую т.н. **национальные социальные образования**. Последние (сокращенно – НСО), будучи зависимыми объектами господства (см. роль Центра у Валлерстайна), в то же время стремились (и могли получать) широкую степень автономии[1].

Итак, ***не Периферия, но множество НСО, стремящихся к автономности*** – вот костяк концепции Бо. По его мнению, реальный выбор для НСО заключается не в противопоставлении Зависимости – выходу из МКС (*delinking,* или разрыв связей, по С.Амину), но в стратегиях различного вида зависимости. Постановка вопроса о выборе резко отличала схему Бо и от безальтернативности эволюции Периферии (по Валлерстайну), и от различных концепций Иного или Другого (см.ниже) развития, основанного на чисто ценностных параметрах (у И.Иллича). Ликвидируя Периферию как понятие, охватывавшее развивающиеся страны, М.Бо по существу ликвидировал и другое, не менее обобщающее эту реальность понятие - Третий мир. Как видим, сохранив определенный теоретический багаж радикальных идей (зависимости, господства), схема М.Бо по существу уже вышла за рамки третьемирской реальности. Как и концепция «нового регионализма», она постулировала новую реальность, поставив, тем самым, предел исследованиям развития в их онтологической предметности, а также планам создать на этой основе новую парадигму общественных наук (А.Агг)[2].

Критика теории Валлерстайна – и изнутри, и извне - знаменательна и тем, что он стремился сделать из ИР новую науку, лишенную дисциплинарных членений, а из своей схемы - не только новую парадигму общественных наук, но и новый тип научного знания. Определенные основания для такого проекта действительно были - в много-

---

[1] M.Beaud. *Le systeme national mondial hierarchisé*. P. 1989.

[2] A.Agg. «Development Studies – an Emerging New Science a New Paradigm for All Social Science». *Science of Science* (Vroclav). Vol. 3-4, N 2, 1981, p. 279-294.

дисциплинарном характере ИР. Но их не было в предметном смысле, ибо логика реальности разрушала представление об их предметности. В реальности, критика теории Валлерстайна знаменовала не рождение новых ИР поствалерстайновской эпохи и не появление новой парадигмы, а нечто совсем иное.

Кризис ИР: факторы, выходы, перспективы

Последние два десятилетия XX века стали роковыми для судьбы ИР. Кризис привел к тупику и имел летальные последствия для этой области знания, в первую очередь в ее предметно-содержательном измерении. Конечно, кризис перерастал в тупик и даже в распад далеко не автоматически: научное познание, рефлектирующее этот объект, постоянно искало выходы из этой ситуации. Эти попытки были далеко не всегда бесплодными и бесполезными, а успешные поиски даже выводили «мышление о развитии» за рамки этой – пусть и расплывчатой в ее предметности – области социально-гуманитарных наук.

Факторы кризиса

В основном эти факторы (предпосылки, причины) лежали вне ИР, но их воздействия сильно модифицировали и структуру, и эволюцию этого комплекса. Негативное воздействие имело свои как онтологические, так и гносеологические корни.

К числу первых относятся:

- растущая взаимосвязанность Севера и Юга, отраженная в идее взаимозависимости (*interdependence*) как реакции на кластер классических идей «Зависимость/Периферийность»;
- углубляющаяся дифференциация в развивающемся мире (рождение феномена новых индустриальных стран - НИС и т.н. Четвертого мира);
- широкое разгосударствление экономической жизни;
- резко возросшая роль религии и – шире – культурно-исторического наследия великих цивилизаций прошлого.

Действия этих факторов создали такую познавательную ситуацию, в которой выявились неадекватность одних и шансы на выживание других фундаментальных концепций. Так, миросистемный подход не мог объяснить – в рамках своей логики - ни случая НИС, ни активизации – на Периферии! – культурно-исторических традиций. Столь же резко расходилась реальность с ее описаниями в теориях зависимости и периферийности. Оказался полностью исчерпан запас «тьермондистской» концепции и ее радикального видения. Тесная связь этого спектра ИР с миром социализма и Движени-

ем неприсоединения также сыграла роковую роль в судьбе этих течений ИР. Наконец, в плане эпистемологическом ИР испытали воздействие новых направлений научного и общественного сознания - с их отказом от идеи Развития=Прогресса как линейного, стадиально-последовательного, одновекторного процесса, этой философско-методологической основы ИР. На ситуацию повлияло и рождение новых форм общественно-научного сознания, складывающихся под знаком «пост» - постмодернизм, постструктурализм, постмарксизм и, конечно, постдивеломентализм (идеология «постразвития»). Эти новые течения очень сильно подорвали основания ИР, поскольку расшатывали их изначально дихотомное мышление и нормы позитивистской науки, служившей идеалом/эталоном научного знания для ИР (в первую очередь - ее представления об универсальном характере научного знания). На смену им шли идеи плюрализма и различий, которые и стимулировали критику востоковедческой – в широком смысле - науки (Э.Саид). Тем самым были потрясены самые глубинные пласты не только ИР как области научного знания, но и присущего им *стиля мышления*. Тем не менее, ИР'овская теоретическая мысль пыталась направить разрушительные последствия этих сдвигов в русло уже имевшихся концепций, наработанных в 70-80-е годы.

Попытки переформулировки наследия

Если кластер «Зависимость/Периферия», как и миросистемный подход, был ограничен в своей познавательной силе, а идея Третьего мира казалась полностью нереальной, то источником выхода ИР из кризиса становился кластер «Развитие/Модернизация». Особенно жизнеспособной в этом кластере оказалась идея Развития, ибо концепция Модернизации, несмотря на наличные реальные основания, была сильно скомпрометирована – особенно в глазах местных авторов – своей вестернизаторской (западоцентричной) ориентацией[1].

Жизнеспособность идеи Развития была подкреплена и тем, что ее отдельные важные параметры были критически переосмыслены уже в 70-е годы. Так, было отвергнуто отождествление развития с экономическим ростом; эволюционное видение сменилось представлением о развитии как череде кризисов (Дж.Пауэлл, К.Мендес); вводилось представление о цели развития; само развитие «дифференцировалось» по уровню, структуре и пр. (отсюда «бум классификаций»); акцентировались его неэкономические параметры - социальные, политические и особенно культурные (в работах под эгидой ЮНЕСКО). В противовес устоявшемуся пониманию идеи Развития (см. кластер 1) вы-

[1] Хотя позднее эта ориентация преодолевалась, что и выражено удачной формулой С.Хантингтона: «модернизация без вестернизации».

двигалась идея **двух типов развития – «сверх-» и «недоразвития»** (И.Галтунг), а также (еще ранее) различные концепции «Иного развития». В отличие от кластера «Зависимость/Периферийность», и в противовес идее взаимозависимости, акцентировалась потребность в новых ценностях, усилении социальной справедливости и активном участии масс (И.Иллич). Была сделана попытка заменить понятие Развития и связанную с ним идею «переходности» (как телеологических, т.е. заданных извне поставленной целью) понятием **«трансформация»** - с упором на экологическую проблематику (Б.Хеттне) и стратегической идеей развития с опорой на собственные силы (*self-reliance*), а в противовес таковой – переключить понятие Развития с потребностей коллективных на индивидуальные массовые потребности (концепция и стратегия «базовых потребностей»)[1]. Наконец, была предложена идея ***множества Третьих миров***, предназначенная выразить дифференциацию, фрагментацию и разнообразие развивающегося мира (группа GEMDEV, Франция), или же представить Третий мир как совокупность специфических отдельных параметров – демографических, социальных, экономических и других (И.Лакост). Обе последние концепции выглядели не новацией, а скорее попыткой возродить идею Третьего мира в ее прежнем облике, при этом так и не создав фундаментального теоретического обоснования, хотя в эту схему пытались вписать исторические традиции отдельных стран. Еще дальше в этом направлении пошли приверженцы идеи «эндогенного развития», в которой идея Развития соединялась с цивилизационными традициями (А.Абдель Малек).

Все это свидетельствовало о том, что «исследования развития», даже входя в состояние кризиса, все же сохранялись как проблемная область познания (включив в себя, к примеру, экологическую тематику), ибо обладали определенным познавательным потенциалом - тем, что называют «мышлением о развитии» (*development thinking*), безусловно, обновленным идеями плюрализма и различий постмодернистского происхождения. Поэтому, если исходить только из логики научного познания, положение данной области науки не казалось даже в 80-е годы безнадежно тупиковым, а ее перспективы – полностью исчерпанными. Если *предметное* поле ИР действительно было разрушено, то *проблемное* поле сохранялось и даже возрождалось (см.ниже), что было задано процессами современной, постиндустриальной глобализации.

Вызовы и перспективы

Эти вызовы выступали как разновекторные процессы - включая возрастание как взаимосвязанности и унификации, так и культурных различий (не только в порядке от-

---

[1] Подробнее о них: B.Hettne. *Development Theory and the Three Worlds*. N.Y. 1990.

ветной реакции); как ограничения национально-государственных институтов, так и рождение институтов мировых; как растущий разрыв в мировых доходах, так и новые возможности занятости и мобильности[1]. Весьма условно их можно обозначить как вызовы глобализации и ретрадиционализации (в частности и несколько по-иному – ориентализации).

Вызовы со стороны *глобализации*[2], постулировавшей гомогенность и унификацию мира, угрожали самому предмету бытия ИР, разрушая или, по меньшей мере, релятивизуя различия между Внешним и Внутренним, Севером и Югом. Углубление неравенств в планетарном масштабе поставило под вопрос осевую идею ИР – идею развития: ответом и реакцией на эту угрозу стало широкое распространение идеи не «Другого развития», но *Антиразвития* (Р.Дирлик, Э.Эскобар). Рождение такого представления знаменовало ***завершение эволюции идеи развития*** от ее ранних – и конвенциональных, и критических – форм (кластеры 1 и 2) через концепцию альтернативного (или другого) развития и через это отрицание не к синтезу, но к исчерпанию данной идеи. *Ретрадиционализация* (или более узко – ориентализация) поворачивала теорию ИР вспять, ибо идеалом ИР оставалось современное индустриальное общество, пусть и находящееся то ли в состоянии «переходности», то ли в процессе трансформации. Появление идей антиразвития и возврата знаменовало не только кризис, не только тупик, но и, в итоге, *исчерпанность* (или предельность) этой области научного знания - уже не только предметную, но и методологическую.

Вывод о том, что ИР действительно достигли предела, безусловно, относится к их *гносеологической* структуре, но может вызвать возражение в плане *онтологическом*. В реальном мире и ныне имеется немало явлений и процессов, в которых можно – как будто бы и с основанием - видеть почву или для сохранения познавательной эффективности ИР, или даже для их возрождения. К числу важнейших потенциальных источников сохранения жизненности ИР (в плане онтологическом) относятся:

- во-первых, распространение феномена бедности на подавляющую массу населения планеты, что дает возможность увидеть эту черту развивающегося мира как черту Человечества в целом, а отсюда отождествить то ли третий мир с Человечеством, то ли Человечество с Третьим миром[3];

---

[1] Подробнее см.: «Постиндустриальный мир: Центр, Периферия, Россия». МОНФ, ИМЭМО РАН. М., 1999, сб. 1,2,3.

[2] В элементарном смысле – как растущая взаимосвязанность, а шире - становление мира единого и разнообразного (ср. формулу М.Гефтера: «мир один, но не един»).

[3] Идеи, питающие современное «протестное» сознание.

- во-вторых, формирование внутри развивающихся социумов своего, **внутреннего Третьего мира** в виде более отсталых регионов, этносов субнационального и локального уровней - этот феномен получил специальное внимание исследователей проблем т.н. подчиненных (*subaltern*) классов (Р.Гупта, Индия);
- в-третьих, рождение на постсоветском (шире, постсоциалистическом) пространстве (особенно постсоветского Востока) черт и признаков, характерных для Третьего мира или Юга.

В пользу того, чтобы понимать эти феномены как признаки рождения Нового Третьего мира (Б.Ерасов) и как основания для возвращения к ИР, говорит и явное возрождение бинарного сознания, прежние оппозиции которого (Внешнее-Внутреннее, Традиция-Современность) были подорваны или релятивизовались с тем, чтобы принять вид оппозиции «Глобальное-Локальное». Появляются (и сохраняются!) основания для работоспособности некоторых старых концепций ИР - ***в первую очередь тех, что связаны с идеей центро-периферического членения и концепциями зависимости***. Таковые в определенной степени модифицируются, когда подчеркивается активное воздействие Периферии на Центр (что – по мнению таких критиков, как М.Форт - упустил из виду Валлерстайн). Отмечается и усложнение отношений зависимости в рамках глобального корпоративного капитализма как многоуровневого. В более острой форме проблема актуальности теорий зависимости поставлена Ф.Кардозо, который подчеркивает характерность для современного мирового капитализма механизмов, не включающих, но исключающих периферию. Еще дальше идет М.Кастеллс, когда указывает, что современные мироотношения строятся на сетевом принципе, который – по его мнению – исключает иерархическую организацию.

Все эти явления, как онтологического, так и гносеологического порядка вряд ли обосновано считать симптомом возрождения Третьего мира или его нового издания, а спрос на ряд старых концепций – признаком эффективности ИР. Дело в том, что все эти разнопорядковые явления актуализируются в рамках невиданной до сих пор *постиндустриальной* глобализации или, точнее, в становящемся постиндустриальном мире, где глобализация действует как механизм экспансии функционирования и – шире - воспроизводства постиндустриального мира. Именно в таком контексте можно объяснить не только спрос на старые идеи ИР, но и рождение новых идей (хотя и связанных со старыми) и особенно разработку новых подходов, не укладывающих проблематику развивающегося мира в рамки ИР. Так, идея развития получает новый смысл, когда, в противопоставление идее Антиразвития, выдвигаются концепция т.н. человеческого развития (*human development*), базирующаяся на идее мирового «гражданского общества», или концепция «общества риска» (У.Бек, и далее Э.Гидденс и др.), которая

отвергает видение мира через дихотомию «Север-Юг», столь любимую радикалами. Во всяком случае, эти концепции («человеческого развития», «мирового гражданского общества», «общества риска») открывают путь к новому циклу разработки базовой для ИР идеи развития - разработки, выходящей за рамки и ее отрицания, и возрожденной неолиберальной ортодоксии.

Как реконструкция старых, так и выдвижение новых идей имеют своим основанием прежнюю проблематику ИР - проблематику мировых неравенств и различий, которая переосмысливается по ряду направлений. Среди них выделяются:

- *историко-социологическое*, где эти проблемы исследуются через призму длительных, больших трансформаций (П.Андерсен, Ч.Тилли, Т.Скокпол);
- *культурно-цивилизационное* (Ш.Айзенштадт, Абдель Малек), где не только снято прежнее противоположение традиции и современности, присущее ИР, но и пропагандируется идея модернизации без вестернизации, акцентируется возрождение Великих цивилизаций Востока и специально изучается проблема межцивилизационных столкновений (С.Хантингтон);
- подход *гуманитарно-экологический*, сторонники которого связывают углубление неравенства с выживанием человечества (работы Римского клуба);
- *культурно-психологический* подход, где отношения «Север-Юг» видятся как отношения «Я – другие» (концепция критического диалога А.Нанди и Ц.Тодорова, работы постколониальной школы африканистов и посториенталистской школы индологов). В становлении последних позитивную роль сыграл, кстати, постмодернизм с плюралистическим, фрагментарным и пр. видением мира, а также разработки картины мира, преодолевающие новую оппозицию «Глобальное-Локальное» через идеи гибридности, смешения и пр. («глокальность» у Р.Робертсона, «гибридность» у Ж.Пиетерс).

Пожалуй, важнейший сдвиг в проблематике ИР состоит в том, что предметом становятся не столько мировые социально-экономические и политические *неравенства*, сколько – по Д.Буту – различия культур и обществ, точнее – разнообразие различий (*diversity of differences*)[1]. Соответственно, и освободительный или либертаристский пафос классических ИР (особенно левых течений) сменяется идеями мультикультурализма и культур-релятивизма - так же как идея государствоцентризма вытесняется идеей регулирующего государства (Р.Розноу). Большую роль в этой глобальной реконструкции будет играть т.н. индигенизированная наука (Е.Рашковский), сочетающая нор-

---

[1] D.Booth. "Social Development Research: An Agenda for 1990's", *The European Journal of Development Research*, Vol. N 1, 1992, pp. 4-12.

мы современной науки и местные научные традиции, критику позитивизма и почвенничества в осмыслении мира и «себя» в мире (С.Ф.Алатас). Эта наука отказывается от больших универсальных схем в духе Гегеля, Маркса, Вебера (продолжая в этом плане концепцию зависимости в трактовке Ф.Кардозо) и ориентируется на концепции среднего уровня абстракции и «гибридного» характера (Э.Саид).

Итак, сохранение *проблематики* ИР несет в себе лишь незначительный шанс на возрождение ИР со своей *предметной* областью; помимо всего прочего, этому возрождению препятствует стремление не переосмыслить реальные проблемы развивающихся стран и проблемы ИР в самом широком концептуальном контексте, но *растворить* их в этом контексте. Единственный - но немалый - шанс ИР получают от антиглобалистских движений, возрождающих дихтомический стиль мышления, который преодолевается скорее научным, чем общественным сознанием. При таких (более «внешних», нежели внутренних) стимуляторах ИР может конституироваться как особое проблемное направление, но реконструированное в русле иных отраслей научного знания – как частных (глобалистика, цивилизациология, интернациональная социология, востоковедение), так и общих (наука о развитии).

Чтобы адекватно представить эволюцию ИР в их внутренней логике, необходимо соединить в одной теоретической рамке их онтологические и гносеологические аспекты. Сделать это только средствами ИР оказалось невозможным и потребовало соединения этого частно-научного знания с общенаучным и философским. Мы попытались, действуя таким образом, суммировать итоги полувековой истории ИР и объяснить историческую исчерпанность их объекта. Речь идет о концепции, где развивающийся мир понимается как образование, имеющее свою логику и историю[1].

Этот объект описывается как **общность развивающихся стран (ОРС)**, которая в структуре мировой истории (XVI-XX вв.) выполняла роль объекта истории, а борьба за обретение исторической субъектности выступала движущей силой эволюции ОРС. Структура этой общности выступала как сочетание противоположных начал – объектность-субъектность; симметричность-системность; периферийность-автономность. Подобное сочетание закрепилось в дуалистическом генотипе, становление, формирование и распад которого определили три исторические формы бытия ОРС – колониально-зависимое, третьемирское и глобально-периферийное. В последней из этих трех временных форм процессы распада и трансформации преобладают над процессом воспроизводства ОРС. Распад знаменуется возрождением колониальных форм и зон отстало-

---

[1] .М.А.Чешков. «Осмысливая развивающий мир» - Мировая экономика и международные отношения, 2000, N4, N 5.

сти (т.н. Четвертый мир); трансформация, напротив, означает рождение новообразований (условно «посттретьемирских»), в виде то ли крупных страновых единиц (типа «Большого Китая») то ли регионально-интернациональных образований (АСЕАН), стремящихся утвердить свою историко-культурную субъектность. Другой продукт трансформации ОРС представляют те компоненты этой общности, которые становятся составными иных мирообразований (к примеру, Азиатско-тихоокеанского региона). Как распад, так и трансформации[1] означают слом дуалистического генотипа, а с ним – и историческую исчерпанность (предельность) ОРС, а, значит, и ИР как особой структурной единицы научного социально-гуманитарного знания в целом.

Историческая исчерпанность ОРС совпала – и, видимо, не случайно - с исторической исчерпанностью того строя, который называли «социализмом». Однако, если этот порядок сошел со сцены, можно сказать, моментально (или за одно-два десятилетия), то «уход» ОРС - более длительный процесс, который, видимо, начался в 80-х годах. двадцатого и закончится где-то к середине двадцать первого века. В новой мировой ситуации сохранятся – подчеркиваем это еще раз – и проблемы мирового неравенства/различий (ибо они – «вечны») и феномены, описываемые как периферийность, отсталость, зависимость и др., которые теоретические осваивались усилиями ИР. В этой ситуации будут сохраняться указанные параметры, но не будет самой ОРС как исторического объекта. Короче говоря, не будет ОРС как воплощения ***лишь одной, исторически преходящей формы бытия мировых неравенств/различий***.

Решающим моментом в распаде ОРС и еще более - в ее трансформации стало, на наш взгляд, обретение составляющими этой общности их культурно-цивилизационной идентичности («самости»), выработка исторического самосознания и даже – в ряде случаев – своего исторического проекта (Китай). И наоборот: ***отсутствие исторического самосознания (и культурной самобытности в качестве его необходимого коррелята) было основным, конституирующим признаком ОРС, более фундаментальным, нежели, периферийность, зависимость, аморфность и пр.*** Проецируя опыт ОРС на современную Россию, следует подчеркнуть: ***отсутствие (потеря?) исторического самосознания есть та главная черта, которая роднит ее с ОРС***. Преодоление этого качества – важнейший способ обретания Россией не «третьемирского» статуса в мире XXI века.

---

[1] Как правило, игнорируемые в рассуждениях о «конце Третьего мира», или трактуемые, на наш взгляд, ошибочно как становление «Нового Востока» (А.Неклесса) или нового Третьего мира (Б.Ерасов).

Современная Россия и центро-периферическое мироотношение

Обратимся теперь к России, исходя из другого фундаментального признака ОРС – ее периферийности, понимаемой нами в широком смысле – как производность, вторичность по отношению к другим мирообразованиям.

Известно, что по схеме Валлерстайна Россия (то есть – Советский Союз) относилась к Полупериферии (по Амину – к сфере мирового рынка, но не мировой капиталистической системе). Отсюда делается вывод о неизменности полупериферийного статуса, присущего России и до октября 1917 г. и после, а также после 1991 г. Такая оценка последних двух третей этого времени требует очень существенного уточнения - исходя из специфичности советской эпохи. На наш взгляд, последняя была временем особого миробытия нашей страны, ***когда ее социум строился на принципах, полностью противоположных МКС,*** - и, тем самым, представлял не иную «миросистему» (лагерь?) и не анти-Центр, но внешний – по отношению к МКС – мир, иноцивилизацию, своего рода инопланетян на нашей Планете[1]. Поэтому переход из этого инобытия (как бы он ни назывался) в МКС стал процессом не просто более трудным, нежели для составных частей МКС (Периферия, Полупериферия), но процессом просто несопоставимым с движениями внутри «земного мира» МКС. Здесь вполне уместны слова: «Из мира жизни (советской - *М.Ч.*), из мира прозы мы выброшены в невероятность» (В.Брюсов).

Тяжесть издержек такого – не «перехода» и даже не «сдвига», но «выброса» - могла быть облегчена при наличии специальных камер с особым давлением, то есть неких подготовительных и компенсирующих механизмов. Подобных механизмов (рыночных, демократических, открытых) советский социум не только не имел в 80-е годы, но за все время существования попытки создать хотя бы подобия таких механизмов (НЭП, Оттепель, реформа Косыгина) регулярно проваливались. Соответственно, способность этого социума войти в МКС, способность к самотрансформации в этом направлении систематически уменьшалась (если она вообще была). Не удивительно, что ***вхождение в МКС означало в первую очередь вхождение в его центро-периферическое отношение и могло идти лишь к одному полюсу этой оси - то есть по пути периферизации***, причем в ее худшем варианте (вкупе с процессами распада жизнедеятельности): *другой путь был исключен исторической эволюцией советского социума* («Иного не дано»).

---

[1] Обоснование этого взгляда на советский период см. М.А.Чешков. «Развивающийся мир и посттоталитарная Россия». М., 1993.

Траектория включения постсоветской России разворачивается как движение от Периферии к Полупериферии[1], а выбор (альтернатива) в этой траектории заключается между худшей и облагороженной («цивилизованной») полупериферийностью. Рамки выбора крайне узки и, так сказать, скомпрессированы под воздействием глобализации в ее современной – информационно-финансово-технологической форме/стадии.

Заключение

Понимание эволюции современной России требует исследования этого социума как «изнутри» (и, в частности, из его истории)[2], так и «извне», а учитывая относительность членения «внутреннее-внешнее» в современном мире - из исследования Целого (Мира, Человечества) и его российской «части». Оставив «часть» и ее историческую традицию для специальных исследований, обратимся к Целому: ведь «наше» центро-периферическое отношение есть мироотношение, и чтобы ответить на вопрос о месте России на этой «оси» (Центр-Периферия), надо поставить ряд вопросов относительно этого Целого и идти от него в обратном направлении - к оси «Центр-Периферия и далее – к России на этой оси. Возможно, необходима и постановка трех кардинальных вопросов, имеющих методологический характер: Центричен ли Мир? Системен ли Мир? Иерархичен ли Мир?

Все эти вопросы адресованы современному Миру и современному миропониманию. Понятно, что речь идет не об ответах (и тем более – решениях), а о постановке и гипотетических соображениях. И тем не менее, такой подход – от «Мира» - необходим и для уяснения нашей проблематики (Россия на оси «Центр-Периферия»). Ставя эти три вопроса и пользуясь популярной схемой – «вызовы-ответы» (А.Тойнби), теоретическая мысль пытается дать ответ на вызовы, которые брошены процессами глобализации, ориентализации и, если можно так сказать, историзацией сознания и бытия человечества. Поставим те же вопросы, но в логическом порядке: Система-Центр-Иерархия современного Мира (или – шире – Человечества).[3]

---

[1] Япония после революции 1868 г. практически сразу же, к концу XIX-началу XX вв., стала полупериферией - но будучи в XIX веке не периферией, а традиционным обществом, которое не успело периферизоваться (разве что испытав болезнь имитации).

[2] Где самым сложным для изучения остается, на наш взгляд, советский период, в понимании которого антитоталитарная критика (зачастую поверхностная) столкнулась ныне с идеализацией этой эпохи, психологически питаемой глубокой ностальгией, которую переживает *Homo Soveticus*.

[3] Оставив в стороне вопрос о соотношении этих двух понятий, как и проблематичность научного видения Человечества как Целого.

Кажется, что признание Мира как Целого системным образованием, хотя и возможно (что требует еще, однако, уточнений и «от теории» и «от реальности»), но недостаточно для теоретического осознания этого целого. Точнее, нынешний мир (реально - с рубежа XIX-XX вв.) есть система, но где-то с середины XX века особого вида система – т.н. **комплексная или полисистема, конституированная не элементами, а связями между ними**. Поэтому и отношения между компонентами системы строятся не по жесткому принципу первичности-вторичности (Центр/Периферия), а ситуационно-функционально. Такая система членится не на структурные уровни, а на подвижные и гибко соподчиненные комбинации. И в ней нет Центра как фиксированного структурного уровня, ***но есть Центр блуждающий***, образуемый сочетаниями компонентов, которые или соподчинены по принципу нежесткой иерархичности или соотнесены неиерархически через систему связей, потоков и связей=потоков.

Конечно, это – идеальное изображение системы, которая в реальности вырастает из трансформирующейся системы с жесткой соподчиненностью по оси «Центр-Периферия», где, хотя связи и конституируют целое, но компоненты обладают своей логикой и структурой. Положение России можно понять, поместив ее в русло перехода от Миросистемы (индустриально-модернистской и жестко-иерархизированной) в систему информационно-глобалистскую и неиерархизированную, а точнее - в процессы трансформации одного исторического типа мироцелостности в другой[1]. В таком трансформативном (а не переходном)[2] континууме статус России на оси «Центр-Периферия» выглядит менее заданным ее советской историей и первым типом мир/системы - а, соответственно, и более вариативным.

В русле такой миросистемной трансформации центро-периферическое отношение становится из жесткого более мягким. Более конкретно, это означает, что обе структуры - и Центр, и Периферия – множатся (по существу!), встраиваются друг в друга (Центр на Периферии и Периферии - в Центрах), их иерархическая соподчиненность расшатывается, само отношение деструктуризуется. В такой ситуации, естественно, роль обратных связей (Периферия-Центр) и, соответственно, воздействия со стороны Периферии на Центр возрастает. Сама Периферия выступает все более явно активным субъектом, ограничивая свою объектность и обретая статус Полупериферии, а в благоприятной перспективе претендуя и на роль Центра (точнее, одного из многих).

Этой ситуацией трансформативный процесс не исчерпывается: одновременно в нем развертывается и движение по другим траекториям – то ли в порядке возврата к

---

[1] М.А.Чешков. Глобальный контекст постсоветской России. М., МОНФ, 1999.

[2] «Переходность» – понятие, подразумевающее, как правило, одновекторные, а «трансформативность» – многовекторные процессы.

жесткой дихотомии «Центр-Периферия» (особенно под воздействием силовых факторов – экономических, политических, военных), то ли по траектории возрастающего Хаоса и, не исключено, по направлению к некоей ***несистемной мироцелостности*** (множественности) с вполне реальным рождением «Химер» и «Кентавров» (Б.Кагарлицкий). В такой картине мира российская периферийность далеко не сверхдетерминирована (в терминах Л.Альтюссера), но содержит богатые и разнообразные возможности, для реализации которых Россия имеет определенные структурные основания, однако нуждается при этом в более гибкой стратегии, нежели та, что практиковалась Ли Хунчжаном на рубеже XIX-XX вв. («яд против яда») и которая может привести страну к постоянной балансировке на грани Периферийности и Полупериферийности (ср. Япония второй половины XIX-середины XX вв.).

Исследования России и центро-периферической проблематики не ограничиваются, конечно, теоретико-методологическим анализом мироцелостности, хотя без нее или в ущерб ей прогресс познания в этой области вряд ли будет значительным. Не менее необходима операционализация этого парного понятия в его различных предметно-содержательных аспектах (экономических, политических, культурных и пр.). При этом надо считаться с тем, что периферийность как «качество» (производность) может проявлять себя по одним параметрам и отсутствовать по другим - скажем, «производность» экономического порядка может не иметь место по параметру политическому или культурному. Тем самым, эти два последних параметра как бы компенсируют периферийность в плане экономическом. Весьма сложной – и далеко не решенной в рамках ИР - остается проблема соподчинения (сведения в систему) разнородных измерений периферийности, тем более, если речь идет об их количественной оценке. Хотя таких попыток в истории ИР было немало, они оказались не очень продуктивными - за исключением одного, негативного результата: ***не удалось доказать, что Периферийность исключает Развитие*** (как это постулировали леворадикальные теоретики). Впрочем, теми же способами (набор количественных показателей) не удалось доказать, что Зависимость отрицает Развитие!

Помимо эффективности процедур операционализации обоих понятий на российском материале, встает проблема соотношения понятий «Периферийность» и «Зависимость». Это было проблемой и для «исследований развития» - и тем более в использовании их опыта для понимания современной российской реальности. Оба понятия имели ***общую составляющую – идею вторичности***, но периферийность сближалась с понятием отсталости, что, хотя имело место и в категории «зависимость», не определяло ее (допуская возможность развития, субъект которого, по дос Сантосу, находится вовне). Теоретически возможна ситуация зависимости без периферийности - но невозможна периферийность без зависимости. Иначе говоря, ***социум может быть зависи-***

мым, но не периферийным (=отсталым в рамках мирового разделения труда и при господстве низших форм капитала). Кажется, что российская ситуация в ближайшей перспективе может быть определена таким образом точнее, нежели через схему «Центр-Периферия».

Как видим, не только опыт ИР востребован осознанием места России в современном мире, но и – в порядке обратной связи – осознание российского материала возвращает нас к проблеме теории ИР[1]. Такой возврат, однако, требует обращения к теориям глобализации и цивилизации, в русле которых ныне преимущественно реконструируется изучение бывшего Третьего мира[2].

---

[1]Например, аналогии России с Югом, обосновываемые конкретными показателями, возвращают нас к вопросу о том, насколько адекватно подобные средства выражали сущность развивающегося мира (исходя, например, из разрыва в доходах, уровне образования и пр.).

[2] См. об этом *Globalization and Development Studies*. Amsterdam, 2000; «Восток-Запад-Россия». Сборник статей. М., 2002.

ПОЛУПЕРИФЕРИЯ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Vladimir Khoros. Semi-Periphery In the Context of Globalization

This article considers the phenomenon of Semi-Periphery as one of the elements of the center-periphery relationships. The concept was introduced by Immanuel Wallerstein; in the present article, it is adjusted and its meaning specified as a combination of development and backwardness. A special emphasis is put on large semi-peripheral nations (Japan, Russia, China, Brazil etc.), and the dynamics of their modernization is analyzed. Under globalization, in some large semi-peripheral entities (including Russia and Eastern Europe) the positive dynamics of development becomes problematic, as these countries experience demodernization and are slipping into the Periphery. The situation is more favorable in some other large semi-peripheral nations, such as China and, to some extent, India, where national interests are consistently defended vis-a-vis pressures from the powers of the Center in the direction of neo-liberalism. The author believes that various alliances among semi-peripheral nations may serve as an instrument of resistance to these pressures.

Центро-периферическая конструкция мира (в социально-экономическом плане и в других аспектах) по-прежнему остается базовой в научной литературе. И хотя в современных текстах употребляются нередко и другие демаркации – Запад и Восток, Север и Юг, "новый Север", "глубокий Юг" и т.п., - в основе их лежит дихотомия Центра и Периферии.

Соотнося эти два ареала, исследователи обычно делают акцент на их неравноправном положении в мирохозяйственном пространстве. Однако, не менее важны также их внутренние характеристики. "Центральное" общество противостоит периферийному не просто с точки зрения более высокой производительности труда или превосходящего ВНП на душу населения. Оно выступает как более организованный и равновесный хозяйственный организм, обладающий передовыми технологиями, инфраструктурой, транспортными средствами, коммерческой культурой, сбалансированностью различных отраслей, социальным и политическим динамизмом. Иначе говоря, ему свойственны плодотворная сложность и самодостаточность, но именно поэтому – прочные позиции на мировом рынке. Напротив, для периферийной страны характерны расстыковка различных хозяйственных секторов (прежде всего аграрного и индустриального), не-

* *Владимир Георгиевич Хорос - руководитель Центра проблем развития и модернизации ИМЭМО, доктор исторических наук. Автор более 250 публикаций, в том числе книг «Народническая идеология и марксизм (конец XIX в.)» (1972), «Идейные течения народнического типа в развивающихся странах» (1980), «Революционная*

достаток хозяйственного кругооборота, узость внутреннего рынка, социальные контрасты и прочие дисбалансы, что связано с сосуществованием современных структур с архаическими. Именно эти факторы обусловливают их различное положение в мировом хозяйстве, зависимость и подчиненность одних по отношению к другим[1].

Центропериферическая картина мировой экономики может выражаться не только двучленной, но и трехчленной формулой: Центр – Полупериферия – Периферия. Понятие "Полупериферии" впервые было введено И. Валлерстайном. Он рассматривал Полупериферию как некое промежуточное (или связующее) звено между Центром и Периферией. Это выражается не только в средних экономических показателях полупериферийной страны по сравнению с развитыми и отсталыми, но и в специфической позиции в мирохозяйственной среде: являясь Периферией по отношению к центру (core states), полупериферийная страна сама может становиться core state для окружающей Периферии. Она способна защищать свой внутренний рынок от Центра и, наоборот, вторгаться на рынки менее развитых стран. Это подкрепляется не только экономическими, но и политическими предпосылками (прежде всего, дееспособностью национального государства).

И. Валлерстайн причислял к Полупериферии несколько десятков государств – Бразилию, Аргентину, Мексику, Венесуэлу, Чили в Латинской Америке; Турцию, Иран, Индию, Индонезию, Китай, Южную Корею, Вьетнам – в Азии; Нигерию, Заир и ЮАР – в Африке; а также Португалию, Испанию, Италию, Грецию, скандинавские страны, восточноевропейские страны и СССР, Алжир, Египет, Саудовскую Аравию, Израиль, Канаду, Австралию и др.[2]

Критики указывали на нечеткость критериев полупериферийности у И. Валлерстайна - и не без оснований. Взять хотя бы приведенный выше перечень. Вызывает сомнения включение в Полупериферию таких отсталых стран, как Нигерия, Заир, Алжир и др., а с другой стороны, отнесение к ней Канады, Австралии, Италии, скандинавских государств, бесспорно входящих по ключевым показателям в развитый мир. Весьма уязвимыми явились и некоторые представления теоретика "мировой капиталистиче-

---

традиция в России (1781 - 1881)» (1986; совместно с И.К. Пантиным и Е.Г. Плимаком), «Русская история в сравнительном освещении» (1994).

[1] И соответственно, на что справедливо указывают австрийские исследователи Х. Хофбауэр и А. Комлоси, стратегия догоняющего развития (*catching-up*), преодоления периферийности заключается прежде всего в уменьшении указанных дисбалансов и региональных различий в отсталой стране (Hannes Hofbauer and Andrea Komlosy. "Capital Accumulation and Catching-Up Development in Eastern Europe". – *Review*, Binghamton, N.Y., XXIII, 2000, No. 4, p. 463.

[2] См. Immanuel Wallerstein. "Semi-Peripheral Countries and the Contemporary World Crisis". – *Theory and Society*, 1976, No. 3.

ской системы” о динамике ряда полупериферийных стран[1]. И тем не менее, представляется, что понятие Полупериферии оправдано и имеет право на существование.

Действительно, применительно к ряду обществ есть основания говорить о комбинации черт развитости и отсталости. К примеру, та или иная страна может иметь сравнительно низкий душевой ВНП, отсталое сельское хозяйство, авторитарный политический режим – и вместе с тем значительные технологические достижения в каких-то отраслях индустрии, сильную армию, качественную систему образования, что обеспечивает достаточно высокий уровень квалификации рабочей силы, и т.п. В результате полупериферийное общество может развиваться или модернизироваться на независимой национальной основе.

Это особенно относится к крупным полупериферийным странам. Они являются наиболее характерными для данной разновидности, в полной мере соответствующими качеству полупериферийности. Здесь имеют значение именно масштаб и размер – большая территория, население (порядка 100 млн. и более), соответственно, обширные природные и человеческие ресурсы. “Крупность” создает возможности для мобилизации значительных накоплений, хозяйственных сдвигов и создания относительно автономного национального воспроизводственного комплекса. Главной особенностью таких стран является обширный внутренний рынок, задающий важный ориентир при реализации стратегии национального развития. Разумеется, все это возможно лишь при наличии сильного государства и достаточной степени национальной интеграции. Но так или иначе, к крупным полупериферийным странам сегодня можно отнести Китай, Индию, Россию, Бразилию и некоторые другие страны – при всем различии тех или иных особенностей, хозяйственных показателей и культурных традиций.

Статус полупериферийности – равно как и центропериферическая конфигурация мира в целом – имеют свою историческую динамику. Россия, например, стала утверждаться в качестве полупериферийной страны со второй четверти XVIII века, после реформ Петра I. Япония вошла в зону Полупериферии к концу XIX в. в результате успешного развития в эпоху Мэйдзи, а затем, после Второй мировой войны, сумела пробиться и в Центр. Аргентина и Бразилия обретали черты полупериферийности с начала XX в., Мексика десятилетиями позже. Китай и Индия, два азиатских гиганта, успешно форсировали этот рубеж во второй половине XX века. Аналогичным образом обстояло дело и у некоторых “тигров” (Южная Корея, Индонезия и др.). В XIX веке ряд евро-

---

[1] Например, в середине 70-х гг. в указанной статье И. Валлерстайн предсказывал усиление социалистического блока полупериферийных стран, что увязывалось с его констатацией глубокого кризиса мирового капитализма. Действительность, однако, оказалась иной.

пейских стран (Франция, Германия, скандинавские страны) выглядели Полупериферией (или даже Периферией) по отношению к Англии, но затем сумели "выровняться" и войти в Центр.

Полупериферийность, таким образом, есть некий "дорожный знак" всемирного процесса модернизации и его различных эшелонов, движения от Периферии к Центру и наоборот. И эта эволюция имеет свои закономерности. Немецкий ученый Дитер Сенгаас выявил шесть моделей преодоления периферийности (или попыток такого преодоления) на протяжении последних полутора веков. Их можно условно разделить на две группы. Первую составляет так называемое "присоединительное" (*associative*), экспортоориентированное развитие, характерное для сравнительно небольших стран – скандинавских государств в конце XIX – первой половине XX вв., а также новых индустриальных стран в последней трети XX века (Южная Корея, Тайвань и др.). Вторую группу отличает "разъединительное" (*dissociative*) развитие, суть которого состоит во временном "отсоединении" (в той или иной мере) от сферы международной конкуренции и полноценном развитии национального внутреннего рынка. Этой схеме следовали некоторые западные страны во второй половине XIX в. (Франция, Бельгия, Германия, США), Россия до 1917 г. и Япония эпохи Мэйдзи, а затем СССР и ряд других стран социалистического блока[1].

При всем отличии данных моделей они направлены к достижению одной и той же цели – модернизации, созданию высокоразвитого, конкурентоспособного диверсифицированного национального хозяйственного комплекса, хотя цель эта достигается разными средствами. Страны первой группы начинают с нахождения экспортно-сырьевой ниши на мировом рынке. Затем происходит облагораживание экспорта, насыщение его конечной продукцией, что предполагает развитие соответствующих машиностроительных отраслей. Доходы от экспорта перекачиваются на развитие данных отраслей, а также других секторов национального хозяйства, в результате чего возникает структура развитой экономики "центрального" типа. Для стран второй группы характерно ускоренное развертывание национального воспроизводственного комплекса про опоре в основном на собственные ресурсы, экспорт же – при достижении достаточного уровня конкурентоспособности либо по необходимости. Правда, в XX веке из незападных стран пробиться в Центр сумела только Япония. Другие же страны достигали статуса Полупериферии либо удерживались на нем.

---

[1] Подробнее см. Dieter Sengaas. *The European Experience. A Historical Critique of Development Theory.* Leamington Spa/Dover, New Hampshire: Berg Publishers, 1985.

В целом предшествующий опыт "догоняющего развития" или запоздалой модернизации убедительно свидетельствует: успешное преодоление периферийности (полное или частичное) предполагает весьма взвешенное, избирательное отношение к внешнему рынку. Даже в случае экспортоориентированной стратегии последняя не может иметь в основе простой вывоз сырья и тем более иметь его самоцелью – внешнеэкономическая деятельность должна быть связана с решением внутренних хозяйственных задач, созданием высокоразвитого, разветвленного и конкурентоспособного производства. Еще более показателен пример стран, масштаб и размеры которых диктуют необходимость создания или поддержания импортозамещающего комплекса, поддержки национального внутреннего рынка, временной защиты его от непосильной до поры конкуренции с более развитыми экономиками. И лишь затем, по мере наращивания конкурентных "мускулов" – выход на внешние рынки. Это особенно относится к крупным развивающимся странам, в том числе и в особенности - к крупным полупериферийным странам.

Но за последние десятилетия мирохозяйственная ситуация и центропериферические отношения осложнились. Вступив в постиндустриальную фазу и развернув масштабную научно-техническую ("информационную") революцию, западный Центр во главе с единственной оставшейся после распада "второго мира" страной-гегемоном США обрел иные, менее прямые и гораздо более эффективные средства воздействия на окружающую индустриальную и полуиндустриальную Периферию. Проявившись не столько в самом производстве (во всяком случае, в меньшей степени, чем ожидалось), электронные технологии вместе с тем преобразовали те сферы (системы управления, менеджмента, финансов, коммуникаций), которые обеспечивают Западу ключевые позиции в мировом хозяйстве. С помощью транснациональных корпораций, а также разветвленной сети международных организаций (МВФ, МБРР, ВТО, G-7, Парижский и Лондонский клубы и др.) Запад успешно "вскрывает" окружающие "мир-экономики", ориентируя их в нужном направлении. "Вскрытие" это ведет к различным последствиям:

- экономическим (овладение рынками менее развитых стран, импорт высокотехнологичных товаров в обмен на экспорт сырья и материалов, получение на этой основе "технологической ренты", сброс в указанные страны устаревших технологий и "грязных" производств, отток оттуда ресурсов и мозгов);
- финансовым (ослабление местных валют, долларизация, громадный рост внешней задолженности "слабаков", которая не только закрепляет их зависимость, но и открывает кредиторам доступ к их ресурсам);
- информационным (контроль за информационными потоками, формирование общественного мнения).

Данная политика может подкрепляться и прямым насилием (НАТО), хотя сегодня, в отличие от прошлых времен, насилие чаще подразумевается и применяется как ultima ratio, последний аргумент. Впрочем, после 11 сентября 2001 г. ситуация меняется, и вторжение – в обход ООН и Совета безопасности – американо-британских войск в Ирак свидетельствует о том, что силовые методы все более начинают использоваться в контексте геополитики и геоэкономики. Что бы ни говорила нынешняя американская администрация о правах человека, о деспотическом режиме Саддама Хусейна, обладающем оружием массового поражения (доказательств чему так и не представлено), для большинства представителей мирового общественного мнения ясно, что речь идет о борьбе за контроль над мировыми ресурсами и расширении сфер влияния. Ясно также, что в ходе этой борьбы иракская кампания не будет последней.

В результате создается и закрепляется, по выражению испано-американского специалиста М. Кастельса, "глобальная асимметрия", которая, собственно, и лежит в основе процесса глобализации[1].

Негативные последствия этого сдвига в центропериферических отношениях проявились во многих странах Востока и Юга. Показательным может служить пример бывших социалистических стран Восточной Европы.

Уже упоминавшиеся Х.Хофбауэр и А.Комлоси оценивают послевоенное экономическое развитие восточноевропейских стран (Венгрии, Чехословакии, Польши и др.) как что-то близкое к "success story". Кооперация в рамках СЭВ стимулировала ежегодный экономический рост в этих странах (порядка 6-8%), сопровождавшийся другими позитивными показателями – ростом заработной платы, потребления, увеличением продолжительности жизни и т.п. "Под социалистическим флагом Восточная Европа плыла курсом от статуса периферии к полупериферийному региону мира"[2].

Бесспорно, социалистическая модель развития имела свои изъяны (слабость рыночных стимулов, невысокое, по мировым стандартам, качество продукции и пр.). Но эрозия социалистической системы шла скорее не по экономическим, а по политическим причинам: лидеры восточноевропейских государств тяготились опекой Москвы и все больше смотрели на Запад. Международные финансовые организации пошли им навстречу – уже в 80-х годах ряду восточноевропейских стран МВФ и Всемирный банк предоставили значительные кредиты, а падение Берлинской стены, коллапс СССР и ликвидация СЭВ завершили дело.

---

[1] Подробнее см. «Постиндустриальный мир и Россия». Под ред. В.Хороса, В.Красильщикова. М.: УРСС, 2001.

[2] Hannes Hofbauer a. Andrea Komlosy. *Op cit.*, p. 489-490

Но настоящей интеграции в Европейское сообщество не получилось. Приход западного капитала оказался связан лишь с импортом таких технологий, которые были рассчитаны на использование дешевого низкоквалифицированного труда. Импорт товаров из Западной Европы существенно возрос и нанес урон соответствующему местному производству, в то время как страны ЕС возвели протекционистские барьеры против экспорта машиностроительной и продовольственной продукции из стран Восточной Европы. В итоге промышленная продукция сократилась в Венгрии и Чехии на 40%, в Польше и Словакии – наполовину, в Румынии и Болгарии – на 60%. Немало жизнеспособных предприятий было продано за бесценок западным или восточноазиатским инвесторам.

В то же время реальный вклад ЕС в модернизацию своих восточных соседей был незначительным. Так, в 1994 г. ЕС выделил всем восточноевропейским странам 7 млрд. долл. на 5 лет, в то время как только одной Португалии (в 80-х гг.) – 12 млрд. К этому надо прибавить громадную внешнюю задолженность бывших восточноевропейских социалистических стран, накопившуюся за два десятилетия. В итоге обозначившиеся тенденции деиндустриализации обусловили целый ряд негативных последствий – рост безработицы, снижение жизненного уровня большей части населения, ухудшение демографических показателей, в каких-то странах – этническую дезинтеграцию (Югославия, Чехословакия)[1].

Еще более наглядный пример регресса представляет Россия (бывший СССР), на чем я остановлюсь особо и несколько ниже.

Ситуация в бывшем "втором мире" особенно наглядно высвечивает тенденцию, характерную для эпохи глобализации, - не ориентацию на "догоняющее" развитие, движение от Периферии к Центру, а скорее наоборот – сползание некоторых полупериферийных стран к периферийным, а также замедление развития последних. Эта тенденция прослеживается в большинстве стран незападного мира. Достаточно вспомнить лозунг "развитие ради выплаты внешнего долга", принятый на вооружение во многих латиноамериканских странах с 80-х годов; мощные финансовые кризисы, последовательно сотрясавшие Мексику, Аргентину, страны Юго-Восточной и Восточной Азии, Россию, Бразилию и вызванные в большой степени либерализацией их экономик и широким открытием внешнему рынку; постоянно растущее долговое бремя стран Востока и Юга. Даже Япония, похоже, начинает "сдавать" назад. В мировой литературе все чаще встречается тезис о закате "азиатского экономического чуда".

[1] *Op cit.*, p. 491-496

Но настоящей интеграции в Европейское сообщество не получилось. Приход западного капитала оказался связан лишь с импортом таких технологий, которые были рассчитаны на использование дешевого низкоквалифицированного труда. Импорт товаров из Западной Европы существенно возрос и нанес урон соответствующему местному производству, в то время как страны ЕС возвели протекционистские барьеры против экспорта машиностроительной и продовольственной продукции из стран Восточной Европы. В итоге промышленная продукция сократилась в Венгрии и Чехии на 40%, в Польше и Словакии – наполовину, в Румынии и Болгарии – на 60%. Немало жизнеспособных предприятий было продано за бесценок западным или восточноазиатским инвесторам.

В то же время реальный вклад ЕС в модернизацию своих восточных соседей был незначительным. Так, в 1994 г. ЕС выделил всем восточноевропейским странам 7 млрд. долл. на 5 лет, в то время как только одной Португалии (в 80-х гг.) – 12 млрд. К этому надо прибавить громадную внешнюю задолженность бывших восточноевропейских социалистических стран, накопившуюся за два десятилетия. В итоге обозначившиеся тенденции деиндустриализации обусловили целый ряд негативных последствий – рост безработицы, снижение жизненного уровня большей части населения, ухудшение демографических показателей, в каких-то странах – этническую дезинтеграцию (Югославия, Чехословакия)[1].

Еще более наглядный пример регресса представляет Россия (бывший СССР), на чем я остановлюсь особо и несколько ниже.

Ситуация в бывшем “втором мире” особенно наглядно высвечивает тенденцию, характерную для эпохи глобализации, - не ориентацию на “догоняющее” развитие, движение от Периферии к Центру, а скорее наоборот – сползание некоторых полупериферийных стран к периферийным, а также замедление развития последних. Эта тенденция прослеживается в большинстве стран незападного мира. Достаточно вспомнить лозунг “развитие ради выплаты внешнего долга”, принятый на вооружение во многих латиноамериканских странах с 80-х годов; мощные финансовые кризисы, последовательно сотрясавшие Мексику, Аргентину, страны Юго-Восточной и Восточной Азии, Россию, Бразилию и вызванные в большой степени либерализацией их экономик и широким открытием внешнему рынку; постоянно растущее долговое бремя стран Востока и Юга. Даже Япония, похоже, начинает “сдавать” назад. В мировой литературе все чаще встречается тезис о закате “азиатского экономического чуда”.

[1] *Op cit.*, p. 491-496

Разумеется, не везде дело обстоит плохо. И здесь прежде всего следует выделить Китай.

Опыт экономических реформ в Китае за последние почти четверть века имеет двойное значение: как пример успешной эволюции весьма отсталой периферийной страны к развитой Полупериферии и как один из немногих случаев эффективного перехода от социалистической командно-административной экономики к рыночной. Этот переход отличался сбалансированностью, постепенностью и происходил в русле "двухсекторного" хозяйства, в котором государство сохраняло контроль над базовыми отраслями, а отрасли, производящие товары массового спроса, шаг за шагом "отпускались" в рыночный режим. Сильным стимулятором развития рыночных отношений стала также аграрная реформа, передача земли в аренду крестьянским семьям. Первостепенное внимание уделялось обустройству и защите внутреннего рынка, - но по принципу "защитить отечественного производителя, не защищая отечественную отсталость", иначе сказать, стимулируя конкуренцию внутри. На развитие внутреннего рынка была сориентирована и технологическая политика, в частности, активно внедрялись так называемые промежуточные технологии (повышающие производительность труда и вместе с тем загружающие работой обширный контингент наемного труда). Все это способствовало не только устойчивым высоким темпам экономического роста, но и постоянному повышению жизненного уровня населения.

Внутренние сдвиги сочетались с активной внешнеэкономической политикой. Однако, внешнеэкономическая стратегия Китая выстраивалась не по рецептам либеральной школы и не в духе безграничной "открытости". Достаточно сказать, что конвертируемость юаня (и то лишь по текущим операциям) была введена всего 5 лет назад. Государство абсолютно доминирует во внешней торговле – лишь 0,3% фирм разрешено заниматься самостоятельной внешнеэкономической деятельностью. Китай до сих пор выговаривает себе максимально выгодные условия по вступлению в ВТО, не берет займы у МВФ. Внешний долг Китая представлен главным образом среднесрочными и долгосрочными кредитами, и коэффициент его обслуживания (отношение выплат по долгу к экспорту) невысок, не более 5-6%. Сам китайский экспорт, увеличиваясь в абсолютных размерах, имеет тенденцию к снижению по отношению к ВВП.

Одновременно китайские товары наращивают конкурентоспособность, в том числе в плане развития высоких технологий, необходимых в постиндустриальную эпоху. В стране действуют 120 технопарков, применяется система мер, стимулирующих инновации. В 1995 г. принята социальная общенациональная программа по хай-теку, где приоритетными направлениями объявлены микроэлектроника, информатика, аэрокосмическая и оптико-волоконная связь, энергосберегающие технологии, медицинская

техника и др. На эту программу уже инвестировано порядка 10 млрд. юаней, 560 разработок получили признание, 266 запатентовано за рубежом.

Не случайно экономическое влияние Китая в Азиатско-Тихоокенаском регионе (да и за его пределами) растет, а жестокие финансовые кризисы соседних стран практически его не затронули. Можно согласиться с А.И. Салицким, что, несмотря на свое сравнительно умеренное участие в процессах глобализации, Китай является не объектом ее, а скорее субъектом[1]. В том числе и в том смысле, что экономическая стратегия Китая находит все большее признание у стран Полупериферии и Периферии, какие-то ее элементы берутся там на вооружение. По сути же своей модель "четырех модернизаций" в Китае соответствует не только особенностям страны, но и всему предшествующему мировому опыту преодоления периферийности, о котором говорилось выше.

Одним из важных условий успешности экономических реформ в Китае стало сохранение у власти КПК, правда, эволюционировавшей от тоталитарного типа к относительно умеренному авторитаризму. Данное обстоятельство можно понять не только с учетом политических традиций Китая, но и в контексте опыта ряда стран (Тайвань, Южная Корея, некоторые латиноамериканские государства), где политический авторитаризм на определенном этапе способствовал ускоренной модернизации. Наличие централизованной власти в Китае помогло сохранить в руках государства базовые отрасти экономики и обеспечить постепенность реформ. Конечно, по мере дальнейшего экономического развития и складывания достаточно многочисленного среднего класса проблемы демократического переустройства китайского общества встанут на повестку дня. Пока же существующие политические структуры (кстати, постепенно расширяющие сферу участия в управлении различных слоев китайского общества), по-видимому, являются для страны оптимальными.

Другой позитивный пример развития в современную эпоху – Индия. В течение нескольких десятилетий эта страна придерживается стратегии импортозамещающей индустриализации, в целом принесшей значительные успехи. Правда, в начале 90-х гг. индийское руководство попробовало встать на путь либеральных реформ, но в масштабах, гораздо более умеренных, нежели у ряда азиатских и латиноамериканских стран. Общий стратегический курс удалось сохранить. Повышение эффективности госсектора сочетается с поддержанием частного бизнеса, особенно мелкого. Объем займов у МВФ снижается. Став членом ВТО, Индия не спешит "открыться" для привозных товаров. Индийский же экспорт идет почти в сотню стран мира, доля в нем промышленных то-

---

[1] См. А.И. Салицкий. Взаимодействие КНР с мировым хозяйством. М., МОНФ, 2001, с. 215. См. также с. 51, 77, 105, 127, 142-143, 153-154 и др.

варов за последние два десятилетия выросла с 59 до 80%. Для Индии характерно активное внедрение новейших информационных технологий, создана солидная база для производства собственной программистской продукции.

Бесспорно, в стране остается еще много острых проблем, связанных с бедностью и социальным неравенством. И все же, как полагает индийский экономист Б. Деброй, к 2020 г. Индия должна утвердиться в числе пяти наиболее быстро развивающихся экономик мира[1].

Но даже такие страны, как Китай и Индия, в будущем не застрахованы от возможных трудностей и осложнений при вхождении в мировой рынок в эпоху глобализации с ее неравноправными правилами игры для сильных и менее сильных. Поэтому как реакция на эту проблемную ситуацию могут возникать и скорее всего будут возникать различного рода альянсы между странами Востока и Юга, в том числе между крупными полупериферийными странами.

* * *

В свете вышесказанного обратимся теперь к России, которая, естественно, интересует нас в первую очередь. В какой точке на мировой оси координат она сейчас находится? Продолжится ли ее дальнейшее сползание по наклонной плоскости?

Попробуем подойти к проблеме исторически. Россия принадлежала к странам запоздалого буржуазного развития, второму эшелону модернизации – наряду с Японией, Турцией, некоторыми странами латиноамериканского Южного конуса и восточноевропейскими государствами. Россия стартовала даже раньше ряда других стран второго эшелона – с начала XVIII в. Особенно активно модернизация в России пошла после серии реформ 60-х годов XIX столетия. К каким результатам это привело с точки зрения преодоления периферийности? На этот счет существуют разные мнения. Один из ведущих теоретиков центро-периферийности Самир Амин, например, считал Россию страной хоть и “отсталого”, но “центрального” капитализма[2]. Известный английский социолог и историк Теодор Шанин определял дореволюционную Россию как первую страну “третьего мира”[3].

---

[1] Б. Деброй. Вызов глобализации и перспективы Индии. – Постиндустриальный мир и Россия, с. 415. Об опыте Китая и Индии более подробно см. статьи в настоящем сборнике.
[2] S. Amin. *Le développement inegal: Essai sur la formation sociale des capitalismes périphériques*. P., 1973, p. 329.
[3] T. Shanin. *Russia as a Developing Society. Vol. 1. The Roots of Otherness: Russia's Turn of the Century*. New Haven – L., 1986, p. 186.

По большому счету оба мнения не противоречат друг другу – они скорее взаимодополнительны. Россия, безусловно, имела немалые отличия от колониальных и зависимых регионов. Капитализм развивался в ней на независимой национальной основе, в очень крупной стране, обладавшей значительными природными и человеческими ресурсами. Все это – тем более в эпоху еще не окончательно сложившегося индустриализма и мирового рынка – повышало шансы догоняющего развития. Не случайно И. Валлерстайн относил Россию к Полупериферии.

Одновременно ряд черт, действительно, сближал Россию с теми обществами, которые затем будут относиться к "третьему миру", – преимущественно сырьевой экспорт, весомая доля иностранного капитала в национальном хозяйстве, значительный внешний долг, зависимость от зарубежной технологии, дисбалансы структурно-экономического и социального порядка, консерватизм политической надстройки.

Характер модернизации в России во многом определялся имперской моделью общества, которая утвердилась начиная с Петра I. Выборочное заимствование технических и организационных достижений более развитых стран в обмен, главным образом, на сырье и сырьевые продукты – в интересах укрепления самодержавного государства и военного сектора – сочеталось с сохранением и даже ужесточением добуржуазных методов эксплуатации, централизацией и бюрократизацией управления. Модернизация носила, таким образом, внутренне противоречивый характер. Отсюда непоследовательность буржуазных по своей объективной направленности реформ, консервация традиционных политических структур и крепостных пережитков, хроническая отсталость аграрной сферы, неспособность образовать прочную базу индустриализации. Все это создавало серьезное напряжение в обществе, резко усугубленное мировой войной. В результате – срыв модернизации буржуазного типа, хаос гражданской смуты и попытка продолжения развития на путях социализма.

Последний был во многом продолжением, хотя и под другими лозунгами, имперской модели. Советский период принес значительное ускорение модернизации в плане индустриального роста, развития коммуникаций, урбанизации и т.п. Это позволило не только восстановить полупериферийный статус страны, но по некоторым параметрам (военная сфера, развитие науки и образования) приблизиться к показателям Центра. Тем не менее эта модернизация не была системной. Жестко авторитарная (или тоталитарная) политическая власть, отсутствие демократических прав и свобод, подавление личности не могли не тормозить процесс развития. Дело было не только в политике и идеологии – самой экономике были присущи серьезные дисбалансы.

В середине 80-х годов годовой ВВП на душу населения в Советском Союзе составлял около 7500 долларов – где-то между средним показателем Западной Европы (12700 долларов) и Латинской Америки (3200 долларов). Если же мы возьмем уровень

потребления, картина будет иная. По отношению, скажем, к США объем потребления в индивидуальном ВВП у нас составлял лишь 27%, что ниже уровня Уругвая (41%), Мексики (30%), Аргентины (29%) и чуть выше Бразилии (25%)[1]. И это несоответствие понятно: непропорционально большая часть советской экономики работала не "на человека", а на государственные, прежде всего военные цели. Практиковались добуржуазные методы эксплуатации населения – вплоть до, в определенный период, рабского труда концлагерей. Рыночные факторы игнорировались, плановость и централизация управления народным хозяйством доводились до абсурда. Все это привело к нарастанию серьезных кризисных явлений внутри общества, которые не могла уже не осознавать сама власть в период перестройки. Вся система нуждалась в глубоком реформировании.

Если говорить об экономической стороне дела, то оптимальный переход от командно-административной системы к рыночной предполагал постепенное устранение структурных диспропорций социалистического хозяйства (доминация секторов группы "А" и в особенности "военки"), перенос акцента на отрасли, производящие потребительские товары. Модернизация аграрной сферы, предприятий, выпускающих продукцию массового спроса, подстройка под это базовых отраслей, частичная конверсия ВПК – так могла складываться "цепочка развития", в принципе вполне осуществимая на основе уже имевшегося экономического и научно-технического потенциала. Регулирующие функции государства в условиях переходного периода необходимы, но направленность их существенно меняется. Посредством определенной политики цен, инвестиций, налогов и пр. государство стимулирует рост потребительских секторов и постепенно "отдает" их в рыночный режим, расширяя сферу частного предпринимательства. По такой схеме проходили и проходят реформы в Китае.

Ибо нормальное реформирование, даже глубокое, вовсе не равнозначно деструкции. Оно заключается в том, чтобы, используя жизнеспособные элементы прежних структур, создавать вместе с тем новое качество. Это особенно важно в случае трансформации таких систем, как советская, – складывавшаяся десятилетиями, относительно цельная и инерционная, – ее форсированная ломка была чревата болезненными последствиями и контрпродуктивными результатами.

Но именно это и произошло в ходе так называемых реформ 90-х годов. Квазилиберальный курс и открытие в одночасье внешнему рынку имели весьма негативные последствия. "Шоковая" либерализация цен, а также либерализация экспортных отраслей привели к быстрому сближению внутренних цен на сырье и материалы с мировыми,

---

[1] По расчетам Б.М. Болотина (ИМЭМО РАН).

что подрубило обрабатывающую промышленность и сельское хозяйство – их издержки резко подскочили, а сбыт соответственно снизился. С другой стороны, позиции этих отраслей подрывались растущим импортом. В итоге как раз те сектора народного хозяйства, которые должны были формировать рынок, попали под удар. Инвестиции в реальное производство оказались невыгодными; основная часть прибыли (до 70-80%) стала извлекаться из коммерческих операций – торговой и финансовой сферы. Выросла сеть паразитических коммерческих банков, обогащавшихся за счет "прокручивания" бюджетных денег, валютных спекуляций и финансовых пирамид. Поспешная – за считанные годы – приватизация отдала наиболее перспективные предприятия в руки немногих нуворишей, так и не создав эффективного собственника. Все это способствовало распространению криминальных тенденций в экономике, грандиозному росту коррупции. Наконец, серьезно обострилось социальное расслоение в обществе, более половины которого фактически оказалось за чертой бедности.

Данные "реформы" проводились в полном соответствии с неолиберальными рецептами и при прямом патронаже со стороны западных советников и представителей МВФ и МБРР. Хотя, разумеется, основную ответственность за них несут сами российские деятели – выходцы из прежней советской номенклатуры и их помощники. Ими двигала как прямая корысть (стремление конвертировать власть в собственность), так и порочные идейные установки, игнорирующие мировой опыт развития.

Экономические беды сопровождались и усугублялись негативными политическими процессами ("одномоментный" развал СССР, быстрый переход от первоначальной декларативной демократии к авторитарно-олигархическим структурам).

Почему же в России не осуществилось нечто похожее на китайский вариант? Причин здесь несколько. В отличие от советской системы, маоизм существовал сравнительно недолго и не успел необратимо разрушить китайскую деревню. Поэтому когда китайские реформаторы опробовали привычную для крестьянства многовековую практику семейной аренды, это принесло быстрый успех – наподобие того, что дал в свое время НЭП. Далее, Китай располагал большой диаспорой китайских бизнесменов в сопредельных странах, которые внесли основную лепту в финансирование китайской реформы и предоставление "ноу хау".

Наконец, сыграли роль традиции китайской политической культуры. Еще со времен Конфуция в китайской политической мысли появилась идея о том, что сила государства связана с благоденствием подданных. На этой формуле основывалась, например, гоминьдановская концепция "государства народного благосостояния", которая была реализована в послевоенном Тайване. Но и среди китайских коммунистов всегда были влиятельные так называемые прагматики (Чжоу Эньлай, Лю Шаоци, затем Дэн Сяопин). Таким образом, реформистские идеи в Китае, где всегда было принято опи-

раться на национальные традиции, обладали высокой степенью легитимности. Поэтому, как только после смерти Мао прагматики получили шанс, они нашли поддержку в партии и обществе.

КПСС, в отличие от КПК, не смогла стать организатором реформ рыночного типа. Десятилетия репрессий, периодических чисток и послушного номенклатурного исполнительства вытравили из правящего слоя прагматически ориентированных, да и просто сколько-нибудь самостоятельно мыслящих людей. Робкие попытки реформ при Хрущеве и Брежневе были блокированы аппаратом. Не случайно Горбачев и его немногие сторонники в верхнем эшелоне власти натолкнулись на противодействие в партийно-чиновничьей среде. К тому же, в отличие от Китая, в России номенклатуре было что делить. Поэтому экономика из ресурсно-затратной быстро превратилась в "ресурсорастратную".

Как результат – негативная динамика экономического развития, сползание России – и качественно, и количественно – на уровень третьеразрядных по мировой шкале обществ. Об этом свидетельствует даже такой "грубый" показатель, как национальная доля в мировом ВВП на протяжении прошлого столетия.

Таблица 1. Доля валового внутреннего продукта отдельных стран в мировом ВВП

Страны	***1913 г.***	***1960 г.***	***1980 г.***	***2000 г.***
США	23,49 %	24,38 %	21,36 %	21,20 %
Франция	5,91 %	3,78 %	3,89 %	3,20 %
Германия	8,52 %	5,69 %	5,37 %	7,60 %
Япония	2,80 %	3,93 %	7,75 %	7,20 %
Бразилия	0,66 %	1,63 %	2,88 %	2,50 %
Китай	6,59 %	3,82 %	2,51 %	10,70 %
Бывший Советский Союз (Российская империя на 1913 г. без Польши и Финляндии)	9,07 %	14,47 %	11,71 %	3,80 %
Россия (РФ в ее нынешних границах)	6,18 %	8,94 %	7,08 %	2,10 %

Источник: Мировая экономика. Глобальные тенденции за 100 лет. М.: Юрист, 2003, с. 509-510.

Россия пока остается Полупериферией, если учитывать ее ресурсный потенциал, ядерную и космическую сферы, не до конца разрушенную науку и систему образования. В принципе это дает ей возможности, – при условии, если удастся переломить не-

благоприятное течение событий, – завершить индустриальную фазу и войти в постиндустриальный мир. Можно сказать, что Россия еще держится на позиции, которую она занимала в мире в течение почти трех столетий. Но если деструктивные тенденции, возобладавшие последние два десятилетия, продолжатся, то через 10 – 15 лет Россия перейдет – и необратимо – в разряд “полноценных” периферийных стран.

Георгий Дерлугьян[*]

НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО И ОЧЕРЕДНАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Georgi Derluguian. The Nation-State and Yet Another Globalization

The author, a Russian American scholar, inserts himself in the recurrent debate between Russian advocates of a catching-up technocratic modernization and those arguing for the return to the pre-1917 «state-building». He sees this debate as characteristic of a semi-peripheral condition, and counters both sides by pointing to the interdependence and coevolution of modern capitalism and the state. The latter was born from the racketeering (collection of tribute) and «organized crime» of military feudalism. Russia's development was a variation of the same, though distinguished by her cycles of catching up with the West. Here, the destruction of the peasantry exhausted the last reserve for despotic modernization (in contrast to China), yet the current cycle still requires both a capitalist middle class and a viable (democratic) state. The article surveys the coevolution of capitalism and the state that culminated in the grand globalization of 1913 under Pax Britannica. The subsequent convergence of the Anglo-American and the Prussian models of state organization led, by 1945, to the «implementation of the socialist minimum program in the center and partly on the semi-periphery of the capitalist world system». The present-day financial globalization is no less a state-based order, yet counterbalanced by the anti-authoritarian culture deriving from 1968.

Некоторое время назад на страницах журнала “Эксперт” развернулась полемика между Петром Щедровицким и Максимом Соколовым, полезная в основном своей показательностью для современного ералаша, царящего в российском идеологическом поле: спорщики - люди весьма известные и пользующиеся немалым влиянием на интеллигентские умонастроения. Щедровицкий утверждал, что в мире сегодня изменилось ровным счетом все, и России надо решиться на некий исторический прыжок, чтобы поспеть за ширящейся глобализацией и ускоряющимся научно-техническим прогрессом. Из чего делался вывод, что государства устарели, и осуществление прогресса должно перейти к инженерно-управленческой элите, мыслящей некими принципиально новыми категориями. Соколов же, напротив, считал, что не изменилось почти ничего, и главная задача наших дней — наконец доделать отечественное государственное строительство, свернувшее в 1917 г. не на тот путь под влиянием импортированных “лжеучений” вроде марксизма-ленинизма или тоффлеризма-щедровизма.

---

[*] *Георгий Дерлугьян - профессор факультета социологии и заместитель директора Центра международных и сравнительных исследований Северо-западного университета (Эванстон, штат Иллинойс, США). Доктор философии (Университет штата Нью-Йорк в Бингемтоне) и кандидат исторических наук (Институт всеобщей истории РАН). Участник международной «Программы новых подходов к российской безопасности».*

Эрудит Соколов, конечно же, не преминул ядовито указать, что Щедровицкий списывает у заокеанского футуролога Алвина Тоффлера. Хотя, если уж речь зашла о приоритетах, следовало бы вспомнить эмпириокритицизм, о котором слыхали все, кого некогда заставляли проходить Ленина. Столетие тому назад Богданов и прочие эмпириокритики, изъяснявшиеся языком не менее позитивистски-сциентистким, чем у Щедровицких, предлагали вместо устаревшей на их взгляд борьбы за государственную власть использовать новейшие теории математического эквилибриума, инженерный расчет и достижения электротехники для построения научно-фантастической утопии. (Богданов, кстати, был все-таки подлинной широты русский интеллигент, и, наряду с философско-методологическими трактатами, также излагал свои предложения в виде романов-сновидений.)

Полупериферия

Идеи Щедровицкого и всего Московского методологического кружка следует отнести к глубоко отечественным интеллигентским явлениям - не столько в силу эмпириокритицисткого духовного наследия, сколько, главное, по страстным призывам догонять прогресс, романтической вере в силу просвещенных идей и новейшую западную технику (либо по не менее страстному ее отвержению). Однако «глубоко отечественный» вовсе не означает «уникальный». Аналогичные интеллигентские кружки и периодически возникавшие социальные движения стояли в центре идейно-политической борьбы в романских странах Европы и в Латинской Америке со времен либерального масонства и карбонариев; после травматических столкновений с Западом такого рода реакции возникали в Иране, Турции, Индии, Китае и Японии, т.е. в странах с исторически высоким представлением о себе и с мощной гуманитарной культурой. Такого рода государства в современной миросистеме занимают устойчиво промежуточные позиции *полупериферии*. Комплекс "азиатчины" и общей отсталости, выражаемый в разнообразных, но структурно аналогичных национально-культурных проявлениях, на самом деле свойственен интеллектуальным элитам всех государств, остро переживающих свою относительную слабость при сравнении с лидерами мировых капиталистических рынков.

Историческая привилегия, а также источник множества комплексов российской истории именно в том, что наше отечество в ходе своей истории многократно оказывалось в неустойчивом состоянии балансирования на грани полупериферии и европейского центра миросистемы. В ситуации неустойчивого баланса такие факторы, как идейные представления или даже личные характеристики лидеров начинают играть

самостоятельную роль. Субъективный фактор и даже случайность в такой точке исторической траектории могут определить форму долгосрочных объективных структур.

За вычетом технотронной риторики, рецептура Щедровицкого проста и в самом деле известна еще с 1830-х годов и с лондонского Реформ-клуба. В ее основе лежат две идеи, типичные для эпохи научно-технического прогресса вот уже двести лет. Во-первых, это ***однолинейно-эволюционистское представление о развитии исторических систем***, подразумевающее, что весь мир движется по одной и той же прямой неизменно вверх, а кто так не движется, тот сам виноват. Во-вторых, это ***авангардный инженерно-технический подход к социальной регуляции***, согласно которому отбираемая по талантам реформаторская элита просто обязана заступить на место прежних своекорыстных либо близоруких правителей и, руководствуясь новейшей теорией, привести все человечество к вершинам прогресса. Вопрос о власти и материальных привилегиях здесь будто и не стоял.

Современным правящим элитам, особенно в периоды экономического успеха, лестно и полезно считать себя тем самым клубом талантов, двигающих историю в правильном направлении. За ближайшим примером придется обратиться в Вашингтон, поскольку в Москве, в силу менее оптимистических обстоятельств, ныне преобладают национально-оборонческие настроения.

По-русски в последние годы публиковали много и по самым разным критериям. Общим было стремление отойти от всего, что хоть отдаленно напоминало опостылевшую политэкономию капитализма, которая в соответствии с логикой перевертывания идейной парадигмы превратилась из официальной догмы в табу. Соответственно возродили из дореволюционного прошлого, импортировали из западных учебников и плюс сами себе нагородили массу заумных идеологем, при этом совершенно упустив из виду те направления исторической макросоциологии, которые именно в последние тридцать лет наиболее продуктивно исследовали зоны пересечения экономической и политической власти в современной миросистеме.

Рэкетирское происхождение государства

Парадокс западной эволюции к современной демократии и социально-правовому порядку состоит в том, что европейское государство в историческом зародыше неотличимо от организованной преступности, точнее (согласно уже классическому определению Чарльза Тилли), от упорядоченного рэкета. Майкл Манн, а также Ч. Тилли (чья ставшая классической статья так и озаглавлена: «Становление войны и государства как явление организованной преступности») весьма убедительно показали, что феодализм

и идущая от него современная государственность выросли из рационализации и упорядочивания первичного элементарного грабежа.

Дань, собираемая князьями и дружинниками, по сути была вымогательством в обмен на защиту от самих себя и от чужих рэкетирских организаций. Однако, если такого рода военная власть собирается просуществовать дольше однократного набега, то ей потребуется какое-то идеологическое освящение (одна из статусно-ранговых религий, созданных в древнем цивилизационном ареале Средиземноморья, будь то католичество, православие или ислам), какие-то арбитры в спорах (епископы, сегодня возродившиеся у нас в виде воров в законе) и престижный кодекс социально-сдерживающих понятий. В сумме получается феодализм.

Чего не хватало всем неомарксистским теориям, так это признания решающего значения войны и милитаризации.[1] В ходе огнестрельной революции XV-XVII веков на пространствах Европы побеждали новые централизованные государства, способные производить стандартизированное огнестрельное оружие в промышленных масштабах, содержать под ружьем значительную часть мужского населения, воспитать офицерскую прослойку, создать всепроникающую бюрократию, призванную финансировать новые армии. В результате, долгосрочное структурное превосходство оказывается на стороне тех государственных организаций, которые сочетали геополитическое преимущество относительно крупной территории (постепенно микро-княжества поглощаются более масштабными военными экономиками абсолютистских монархий) с концентрацией на этой территории денежных и ремесленно-промышленных ресурсов, т.е. раннекапиталистических городов. Так в Западной Европе началась сложная историческая коэволюция национальной государственности и капитализма.

Другая возможность возникновения пороховой империи открывалась государственным образованиям с относительно бедным, но очень большим населением и территорией. В этом случае казенное оружейное производство создавалось путем централизованных изъятий по пословице "с миру по нитке". Это характерно для всей Восточной Европы, включая Россию, которая не унаследовала от Римской империи развитой сети городов и дорог, поэтому центры торговли здесь были вынуждены прижиматься к княжеским крепостям. Была, конечно, и на территории России Новгородская республика, но эта историческая традиция оказалсь уничтожена как конкурентная.

Главной проблемой царской власти было физически добраться до рассеянных по лесам деревень. Но уж добравшись, не составляло особого труда обобрать почти без-

[1] Об этом см. работы У.Макнила, напр. McNeill, William. *The Pursuit of Power: Technology, Armed Force, and Society Since A.D. 1000*. Chicago: University of Chicago Press, 1982.

защитных крестьян, принудить их обеспечивать потребление посаженного властью барина в качестве косвенной, произвольно устанавливаемой и подвижной платы за царскую службу (вместо регулярного офицерско-чиновничьего жалования в странах с более монетаризованными экономиками и договорно-правовой защитой податных сословий). Со временем возникнет потребность сгонять крестьян на государственные стройки, уральские заводы и облагать их рекрутской повинностью. С петровской эпохи Россия обретает колоссальную армию и казенную промышленность, однако деспотически управляемые и потому в целом малоэффективные.

Изменяется ли Россия?

Если сказать только это, то вполне можно окончить вздохами, будто ничего в России испокон веку не меняется. Это уже распространенная оправдательно-осудительная (в зависимости от точки зрения) идеологема. Поэтому придется забежать вперед и раскрыть свой основной тезис.

Изменения происходили регулярно - в рамках ***все углублявшегося цикла догоняющего развития***. Россия как минимум с петровских времен, безусловно, входила в европейскую капиталистическую миросистему - пусть лишь на уровнях военно-геополитического участия и культуры европейски образованных элит. Однако Россия не принадлежала к изначальной зоне формирования капиталистических рынков и развивалась так, как это свойственно территориальной империи. (Что вовсе не было исключением даже для Европы — достаточно вспомнить наших непризнанных сводных братьев-турок, чьи янычарские стрелецкие полки некогда наводили ужас на Запад, или Испанскую католическую империю с ее армадами и монополией на драгоценные металлы Нового Света.)

Если бы западноевропейская зона раннего капитализма погибла или почему-либо остановилась в своем развитии, то Российской империи не было бы особой нужды постоянно «догонять прогресс». Но в реальной истории последних столетий культурные, административные и технические новшества капитализма приходилось воспроизводить через каждые несколько поколений - под угрозой утраты Россией ее статуса как государства, равноправного западноевропейским.

Достигалось это всегда ценой ломки социальных институтов и общественных классов, на которых покоился прежний государственный режим. Петр уничтожил стрелецкое войско, сделал православную церковь разновидностью госслужбы, насильственно переобучил и сильно разбавил аристократию своими выдвиженцами. Екатерина же стала Великой, потому что только при ней удалось упорядочить петровский раскордаш в новых абсолютистских формах.

Сперанский-Александр II-Витте-Столыпин (и, с другой стороны, декабристы-Герцен-народники) так и не смогли полностью преодолеть унаследованный от екатерининского абсолютизма чиновно-помещичье-общиннокрестьянский блок. В итоге, после целого века реформистских попыток и реакционных откатов империя окончила хаотичной Гражданской войной. Имперское государство было восстановлено в новой советской форме диктатурой маргинальных и оттого особенно радикальных интеллигентов. Очевидно, в том хаосе наибольшие шансы победить имели левые или, напротив, фашисткого толка радикалы, не связанные ни с одним из классов прежнего общества, способные выдвинуть мощную популистскую идеологию и не стесняющиеся применять террор по праву силы, осуществляющей движение страны по исторической магистрали.

Сталинская индустриализация позволила догнать Запад по военным показателям, но вскоре после триумфа 1945 г. выяснилось, что новое номенклатурное чиновничество не желало вечно жить в напряжении сталинской эпохи. И, что еще важнее, большинство советского населения, переделанное индустриализацией из крестьян в образованных городских работников, желало, наконец, вкусить от материальной базы коммунизма - чей идеал на бытовом уровне неизбежно начинал напоминать не крестьянскую утопию, а образ жизни капиталистических средних классов.

Теоретически, можно было бы ввести террор и изоляцию албанского образца. К счастью для нашего поколения, выросшего в самые спокойные и зажиточные годы советской власти, перспектива албанского пути была несовместима с обязывающим положением сверхдержавы. Еще важнее то, что усложнившиеся задачи требовали квалифицированного, а значит, неизбежно знающего себе цену и способного к самостоятельности работника. С исчезновением неприхотливого крестьянства был исчерпан последний резерв деспотической модернизации (что, кстати, сегодня в корне отличает Россию от Китая).

Текущий исторический цикл «догоняния Запада» начался еще с хрущевских реформ и оттепели. Успех нового рывка зависит от преодоления деспотически-государственнической инерции и влияния связанных с ней социальных групп — остатков традиционной номенклатуры в госаппарате и элитах вплоть до патерналистски-зависимого низкоквалифицированного труда. На сей раз успех определяется не достижением военного паритета с ведущими капиталистическими странами, но - в еще большей степени, чем в петровскую или советскую эпоху, - эффективностью воспроизведения социальных институтов и образа жизни, обеспечивающих экономические и культурные преимущества Запада. Достичь этой цели в отсутствие современных средних классов и соответсвующего им типа демократии едва ли возможно. А современной демократии и социально-правовых гарантий без государства все-таки не бывает.

Коэволюция капитализма и государства

Теперь вернемся к исторической траектории Запада, чтобы пояснить, каким странным путем из первоначально военно-рэкетирской организации возникло социально-правовое государство, и почему на Западе впервые в истории социальных систем был достигнут устойчивый технический прогресс. Оба вопроса сильнейшим образом мистифицированы расово-цивилизационными построениями, которые постулируют уникальность западной психологии. Здесь нам помогут новаторские работы И. Валлерстайна, Р. Коллинза, М. Манна, Ч. Тилли и П. Андерсона, образующие классический корпус Золотого века исторической макросоциологии 1970-90-х годов.[1]

В Западной Европе во времена упорядоченной средневековой анархии сложились густые сети рыночных городов и монетаризованные экономики, охватывавшие собой и многие сельские районы . В отличие от редкозаселенных и обширных империй (испанской, турецкой, российской, а также польско-литовской), в северо-западной части Европы основной политической и организационной задачей королевской власти было договориться с бюргерами-горожанами о нормированном изъятии части их продукта. Договариваться приходилось потому, что автономные сословия (английские йомены, скандинавские хуторяне, французские зажиточные крестьяне, но более всего именно бюргеры) обладали достаточными возможностями для оказания серьезного сопротивления - как самостоятельно, так и в союзе с аристократическими или церковными противниками короля. В то же время сельские и городские предприниматели были заинтересованы в нормализации центральной власти: все-таки лучше, когда в королевстве царит предсказуемый порядок и есть возможность оспорить произвол местного барона.

Так из союза централизаторской королевской власти и мелких собственников, заключавшегося в основном против баронов, сложились ***первые режимы правовых гарантии — абсолютистские монархии***. Они создавались бессистемно, в ходе множества местных конфликтов и прецедентов их разрешения, поэтому логической стройностью не отличались. Почти столетие буржуазных революций уйдет на политически запутанную и нередко кровавую борьбу, по сути, за рационализацию писаного права и администрации западноевропейских государств.

---

[1] См. масштабные синтезирующие итоги в: Wallerstein, Immanuel. *The Modern World-System.* Vol. I-III. San-Diego: Academic Press, 1974-1989; Collins, Randall. *Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run.* Stanford, CA: Stanford University Press, 1999; Mann, Michael. *The Sources of Social Power.* Vol I-II. Cambridge: Cambridge University Press, 1986-1993; Tilly, Charles. *Coercion, Capital, and European States, AD 1990 –1992.* Oxford: Blackwell, 1992; Anderson, Perry. *Lineages of the Absolutist State.* London: New Left Books, 1974.

Абсолютистское правовое государство и выросшая на его основе конституционная демократия исторически возникают именно как сумма правил и гарантий против собственного произвола, которые правящие военно-аристократические и, с XVI в., военно-бюрократические элиты будут принуждены давать своим подданным в обмен на согласие регулярно платить налоги и служить в армии.

Согласно простейшему определению, капитализм - это деньги, вкладываемые с целью получения еще больших денег. Извлечение прибыли —дело, известное, как минимум, еще финикийским купцам. Однако те же купцы хорошо знали, насколько их капиталы соблазнительны для тех, кто практиковал грабительские способы добычи богатства и славы, поэтому брались только за наиболее высокодоходные операции, прежде всего в торговле относительно компактными, но исключительно дорогими предметами роскоши под патронажем самых сильных в округе обладателей средств принуждения — фараонов или персидских царей. Но даже самые хитроумные из финикийцев, карфагеняне, все же нарвались на военную машину римлян.

Позднее крупнейшие купцы научились ссужать деньги королям под обязательства будущих доходов казны от налогов или особо доходных сырьевых монополий. Но силы олигархов и короны все-таки оставались неравны, о чем свидетельствовало банкротство известнейшей транснациональной компании Европы XVI века — торгового дома Фуггеров из Аугсбурга, покусившихся приватизировать испанские рудники в Перу. Выдоив Фуггеров досуха, мадридский двор в 1557 г. прибегнул к суверенному дефолту, объявив саму идею банковского процента “богопротивной”. Оспорить мнение Их Католических Величеств, как известно, решились в тогда еще полностью испанских Нидерландских провинциях, до предела насыщенных раннекапиталистическими городами и радикальными протестантскими движениями.

Прорыв наступил в тот момент, когда значительная масса западноевропейских мелких и средних предпринимателей постепенно выторговала либо, подобно голландцам и англичанам XVII в., в затяжных восстаниях и войнах с католической Испанией обрела собственные буржуазные государства и достаточную защищенность. В результате, ранние капиталисты настолько понизили свои коллективные издержки на безопасность и политический патронаж, что вскоре им стали выгодны долгосрочные инвестиции в техническое переоснащение, и даже низкая норма прибыли на массовых рынках железа и хлопковой ткани оказалась для них достаточно привлекательной. В Западной Европе к XVIII в. промышленное производство и технические инновации впервые стали выгоднее караванной торговли предметами роскоши, ростовщичества и коррумпированного откупа королевских монополий.

Под давлением Наполеоновских войн оформится удивительный тип власти: государствам придется давать формальные гарантии, в сущности, против самих себя и соз-

давать институты компенсации за последствия своих военно-мобилизационных усилий (например, пенсии вдовам и искалеченным войной ветеранам) в обмен на право изымать у подданных оговоренную часть их дохода и мужчин призывного возраста. По французскому примеру, этот сдвиг в типе государственного управления будет оформлен объединяющей все бывшие сословия риторикой государственного патриотизма: появятся национальные гимны, флаги и могилы не королей и полководцев, но Неизвестного солдата.

Подведем некоторые итоги. В результате сочетания ряда конъюнктурных факторов в XVI веке возникает капиталистическая мироэкономика, но она первоначально действует внутри по сути своей еще постфеодального мира. На этой стадии капиталистические операции ограничены сферой королевских долгов, высокодоходной экспортно-импортной торговлей и весьма незначительным производством (что аналитически сопоставимо с постсоветским "политическим капитализмом"). Остальные сферы пока действуют по не-капиталистическим логикам. Туда капитализм может вторгаться, изымать ресурсы, манипулировать условиями обмена (любимые примеры И. Валлерстайна - польское крепостничество и португальская полупиратская торговля в Индиях).

Капитализм в соединении с пушками и океанскими кораблями позволил европейским государствам ликвидировать всех своих конкурентов, в первую очередь массивные аграрные империи Азии, начиная с Индии и кончая Китаем и Персией. Прочие эволюционные потоки (аграрные империи, кочевые объединения, родоплеменные группы) оказались буквально съедены этой совместной экспансией капитализма и военного государства (а все государства, как показал Тилли, до наступления XIX века были по сути и по главнейшей функции организациями для подготовки и ведения войн). **Капитализм оказался глобальным уже к середине XVI века**.

Наиболее успешный пример - Голландия, где, как показал Джованни Арриги, ***капитализм впервые смог овладеть государством изнутри***.[1] Нидерланды были первым современным государством, которое сознательно создали капиталисты, - по сути даже не вполне государством, а скорее купеческим акционерным обществом по финансированию и организации собственной обороны, а затем (в Ост-Индиях) и нападения на сильнейшую державу своего времени: мировую империю испанских Габсбургов. Пример военного успеха крохотной, но очень богатой и рационально организованной Голландии (к Вестфальскому миру 1648 г. у Франции был флот в одну тысячу кораблей, а у голландцев - 17 тысяч) оказал громадное воздействие на абсолютистские государства,

---

[1] Arrighi, Giovanni. *The Long Twentieth Century: Money, Power, and the Making of Our Times*. London: Verso, 1994. P.127-158.

которые начали (и, что интересно, оказались способны) перенимать голландские новшества.

На протяжении всего XVIII века идет пересаживание ростков капитализма - государства по всей Европе перенимают капиталистическую организацию мануфактурного производства, армии и флота. Но уже начала работать логика миросистемных структур, прежде всего, осевого разделения труда и, соответственно, деления экономико-географических зон на технически передовой центр и аграрную периферию. В итоге кому-то удается «строить капитализм» лучше других - а именно, тем, кто имеет выход на Атлантику, развитые города, церковную и светскую бюрократию, более автономное крестьянство и потенциально больше предпринимателей из нарождающегося "среднего класса".

Спустя несколько десятилетий промышленная революция, в свою очередь, создаст такой военный потенциал, что не использовать его для расширения мировых рынков и установления колониального господства будет противно логике капитализма. Британцы станут пионерами эпохи индустриально-военных завоеваний в Азии и Африке.

Со времени окончательной победы над Францией при Ватерлоо в 1815 г. и до возникновения единой Германии и мирового экономического кризиса 1870-х годов Британия практически в одиночку определяла положение дел на мировых рынках и мировую политику. Это была очень стабильная и потому мирная конфигурация, прерывавшаяся лишь дважды - в эпоху романтических революций 1848 г. и во время Крымской экспедиции, когда потребовалось поставить на место николаевскую Россию, которая на основании былой победы над Бонапартом все еще считала себя гарантом абсолютистского порядка в Европе.

С 1870-х годов Британия была вынуждена разделить институциональное обеспечение мирохозяйства (а оно в те годы действительно становилось подлинно мировым) с клубом европейских великих держав, в котором роль мирового финансового регулятора и посредника играла семейная олигархия Ротшильдов. К 1896 г., с установлением системы государственного регулирования и горизонтальных картелей в Европе и банковско-трестовой вертикальной интеграции в Америке, были преодолены экономические кризисы. Европейское рабочее движение, некогда грозившее коммунистическим призраком, стало парламентски признанным партнером правящих элит. Наука и техника чуть не ежедневно преподносили удивительные сюрпризы, которые очень скоро превращались в новейшие высокоприбыльные сектора производства. Колониализм в Азии и Африке и индустриально-аграрное освоение американских и австралийских территорий создали мощные компенсационные клапаны для оттока избыточных товаров, капиталов, населения, а также военных, притомившихся в мирной Европе, где уже почти столетие занимались одними парадами.

В 1913 году господство европейского капитализма абсолютно неоспоримо. Европе удалось преодолеть свой внутренний кризис, вызванный разрушением старых патримониальных учреждений (от церкви и феодальной монархии до патриархальной крестьянской семьи, - всего, что так оплакивали консерваторы и что так беспокоило Дюркгейма с его идеями аномии). Установился некий новый "*ancien régime*" на основе интеграции пролетариата ("опасных классов") в национальные государства. Этот период был поистине *Belle Epoque*, настолько близко (а скорее и куда более) отвечающий сегодняшним завышенным представлениям о глобализации, что становится не по себе, если вспоминать, чем эта эпоха окончилась в 1914 г.[1]

Бисмарк - родоначальник государственности XX века

Альтернативная британской идеологическая программа была связана с фигурой Бисмарка и борьбой за создание Германии в среднеевропейской тесноте. Прусский путь предполагает использование военно-бюрократической машины в целях компенсации рыночной недостаточности за счет импортозамещения, госзаказов, поощрения технического образования, пожизненного найма и прочих мер рационально-патерналистской регламентации хозяйственных и социальных процессов. Естественно, подобная меркантилистская практика возможна только в пределах прочного национального государства и при наличии достаточно эффективной бюрократии.

Нельзя сказать, что один путь норма, а другой — патология. Это разные стратегии индустриализации, определяющиеся конкретными историческими обстоятельствами. Привилегированный англо-американский вариант, движимый частнокапиталистическим предпринимательством, и прусский путь индустриализации посредством госкапиталистической мобилизации со временем скрестились и, распространившись по всему миру, обернулись множеством гибридов и мутаций.

В период войн за британское мировое имперское наследство, в 1914-1945 гг., всем государствам, даже британскому и американскому, пришлось прибегнуть к национальному меркантилизму, создать в той или иной степени военно-промышленные комплексы и социально-регулирующие механизмы бюрократического патернализма. В те три десятилетия выживание государств оказалось напрямую связано с их способностью вести массовую войну индустриальными методами, иными словами, быстро поставить

---

[1] См. блестящий анализ у М. Манна и Дж. Арриги: Michael Mann, *op.cit.*, Vol.II, p.740-779; Giovanni Arrighi, *op.cit.*, p.159-238; общая панорама "длинного XIX столетия" филигранно выписана у Эрика Хобсбаума в его знаменитой трилогии: Хобсбаум Э. Век революции. Европа 1789-1848. - Век капитала. 1848-1875. - Век Империи. 1875-1914. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999.

на поток производство металлоемких боевых машин и обеспечить патриотический призыв на военную и тыловую службу максимально большой части трудоспособного населения, включая женщин, в связи с чем повсеместно возникают институты массовой пропаганды, государственной бдительности, массового технического обучения, военно-патриотических видов спорта, а также всеобщего медицинского и социального обеспечения. Такими причудливыми путями в течение столетия, с 1848 по 1945 гг., в ядре и отчасти на полупериферии капиталистической миросистемы была реализована социалистическая программа-минимум.

Фордизм

После 1945 г. наступил новый долгий период хозяйственного процветания, обеспечиваемого геополитической стабильностью под эгидой к тому времени уже неоспоримой американской гегемонии (в которой для СССР был найден статус почетного ритуального противника в рамках политики сдерживания или мирного сосуществования). Господствующим образцом становится существенно продвинутая американцами модификация британского пути, известная как фордизм.

Формула фордизма — крупные государственные инвестиции в сопутствующую инфраструктуру (федеральная шоссейная сеть), внутрикорпоративное экономическое планирование и массовость: массовое производство с массовым потреблением производимых товаров, стимулируемые массовой культурой, массовой занятостью, массовым образованием и массовым соцобеспечением. В сущности, это бисмарковский государственный социализм (*Staatssozialismus*), точнее, бюрократический патернализм, соединенный с американским частнокапиталистическим размахом.

Заметьте, что громадные государственные и корпоративные бюрократии, созданные в период войн и депрессии, нигде, включая поверженные Германию и Японию, не вернулись к состоянию до 1914 г. Напротив, новообретенная мощь современного национального государства была повернута на решение социально-экономических задач мирного времени. И, надо признать, успехи были потрясающие. Тогда, напомню, в очередной раз заговорили о новейшей эпохе конвергенции, научно-технического прогресса, выхода человечества в космос (на самом деле перенесения сверхдержавной статусной конкуренции в менее опасную область) и скорого всеобщего превращения в средние слои, так что социальная структура станет подобна луковице — большое круглое тело с малюсенькими хвостиками бедности внизу и богатства вверху.

Взлет и падение Третьего мира

Более того, современная государственность была растиражирована по всему Третьему миру, где всего столетием раньше зачастую не было никаких государственных аппаратов. Все государства Третьего мира после 1945 г. создавали министерства аграрной реформы, индустриализации, здравоохранения и просвещения, что порождало уверенность в собственных силах, массовый энтузиазм и, не в последнюю очередь, международное признание в качестве прогрессивной силы того или иного толка, ведущее к предоставлению технической помощи. Впрочем, учитывая поверхностную роль и откровенный деспотизм госаппаратов, унаследованных от колониальных времен, и особенно аграрную социальную базу новых государств, все диктатуры догоняющего развития, вне зависимости от своей изменчивой идеологической окраски, непременно воспроизводили институты тайной полиции и пропагандистские аппараты. Даже если отдельные харизматические лидеры оставались антиимпериалистическими бессребрениками, в новых госаппаратах, на практике избавленных и от традиций бюрократической профессиональной добросовестности, и от демократического контроля, очень быстро формировались клиентско-патронажные связки, устанавливались всяческие чиновничьи монополии, и из круга "своих людей" (будь то соплеменников и сородичей, однополчан и однокашников, или же товарищей по партии) возникал численно раздутый «новый класс».

Временному процветанию новоосвободившихся государств способствовали устойчиво высокие цены на периферийное сырье в период военного и послевоенного промышленного роста. Ничуть не меньше была роль престижной конкуренции между США и СССР за идеологических последователей в Третьем мире (вдобавок и Франции, еще тридцать лет после деколонизации тешившей уязвленное имперское самолюбие особой ролью в Африке). Такая ситуация предоставляла правящим элитам государств Третьего мира благоприятные возможности извлечения коррумпированно-клиентских доходов со всех сторон. Заодно строились гигантские оросительные системы и престижные металлургические комбинаты, с которых также получали неплохой доход местные элиты и их иностранные партнеры.

Все это зависимое благополучие рухнет с окончанием холодной войны. Правители и их наследники побегут на Запад или в стремительно множащиеся оффшоры с чемоданами денег. Новые государства обанкротятся или сожмутся до модернистических анклавов, связанных с Первым миром в том числе интернетом, и притом отгородившихся от собственных немытых масс барьерами и охранниками. Остальному населению Третьего мира останется разбираться с местными бандитами, люмпенскими военными, с соседними вредительскими племенами, пытаться каким-то образом мигриро-

вать в более развитые страны, восстанавливать после всех обманов фундаментальную веру предков или заниматься выращиванием наркотических сельхозкультур. Впрочем, все это можно наблюдать и в южных зонах бывшего СССР.

Третий мир останется крупнейшей социальной и моральной проблемой на обозримое будущее. Эта зона была вовлечена в миросистему, превратилась в ее периферию и уже никуда из нее не денется. Население этой зоны утратило или на глазах утрачивает патриархальный деревенский уклад, переходя в разряд городских маргиналов, но при этом слабо подвергается воздействию новых цивилизующих, социально-сдерживающих механизмов. Конечно, таких зон социальной патологии множество и в самой России, есть они и в американских городских гетто.

Аналитически проблема подобна травматическому переходу западноевропейского простонародья в городские трущобы, но, в отличие от XIX века, большинство жителей новых трущоб превращаются даже не в наемный пролетариат, а в люмпенов. Отчасти, функции социальной организации (обеспечение общинного и индивидуального самосознания, благотворительность, поддержание моральных норм) берет на себя религиозно-фундаменталистское возрождение, наблюдаемое и в исламе, и в латиноамериканском христианстве, и в африканском культовом синкретизме, и в индуизме. Однако, даже в куда менее секуляризованном мире эпохи Реформации, в крайне хаотичном XVI веке, религиозные движения были лишь компонентом формулы, в конечном итоге приведшей Европу к современному порядку. Двумя другими компонентами были растущие рыночные экономики и государства.

Но дискредитированные и глубоко коррумпированные государства Третьего мира едва ли способны выполнять социально-организующую роль. Широко распространившиеся в последние годы неформальные рынки (или “народные экономики”, по более емкому выражению перуанского социолога Анибала Кихано) порой могут творить чудеса, как показывает пример глобальной челночной торговли. Но также очевидно, что подобного рода структуры выживания действуют в слабо институционализированной среде, вне пределов государственного либо даже общинного порядка, вдобавок, как правило, на пределах человеческих возможностей и поэтому очень неустойчивы и уязвимы.

Действительно ключевой вопрос “глобализации” заключается в интеграции новых “опасных классов” Юга в мировую капиталистическую систему. Мы опять в ситуации, напоминающей до-фордистский капитализм XIX столетия, только теперь в глобальном масштабе. Похоже, на примере Косово, Ирака и других стран мы наблюдаем появление международных полицейских перераспределительных механизмов поддержания глобального “порядка и стабильности”.

Фаза финансового капитала

Есть многие основания считать, что Интернет, МВФ или мировые светские рауты в Давосе тотчас развалились бы без несущей конструкции государственного порядка. Есть также не менее веские основания полагать, что на наших глазах происходит не отмирание государства, а эволюционные изменения в его структуре и в механизмах межгосударственной координации. Даже в пиночетовском Чили и тэтчеровской Великобритании на самом деле государственное регулирование не только не сокращалось, но, наоборот, росло — изменения затронули конкретные правительственные программы, формы воздействия и особенно политическую риторику.

Функции государства уже третье столетие продолжают неуклонно смещаться с традиционных - чисто военных - в направлении социально-экономического регулирования и правового обеспечения, что наглядно иллюстрируется долгосрочной исторической динамикой структуры правительственных учреждений и бюджетных ассигнований западных государств. Но это не простая и далеко не прямолинейная эволюция (эволюция вообще не бывает однолинейной).

С одной стороны, в последние годы мы наблюдали очередные циклические колебания в капиталистическом мирохозяйстве, которые не следует возводить в новейшую стадию во избежание вероятных конфузов. Полезно припомнить, как в шестидесятые-семидесятые годы академические гуру и популярные публицисты устраивали прощание с частнособственническим капитализмом (и кто еще вспомнит Каутского с его новейшим организованным капитализмом без конкуренции и кризисов?), покуда тот самый многократно отпетый капиталистический предприниматель вдруг не возродился в рейгановско-тэтчеровские восьмидесятые в качестве нового героя. В клинтоновские девяностые сей социальный персонаж превратился в яппи и глобальных финансовых трейдеров, которые, кстати, ровно столетием раньше именовались на давешнем (менее американизированном) жаргоне биржевыми маклерами и колониальными рантье.

Иначе говоря, глобализация в определенной мере есть лишь очередная фаза высвобождения космополитичного и подвижного финансового капитала. Как и в прежние времена, она наступила в качестве реакции на постепенное исчерпание и организационное окостенение устаревающего режима накопления — в данном случае, массово-“фордистских” промышленных отраслей, восходящих к меркантилистко-мобилизационному периоду 1910-х – 1940-х годов, как на Западе, так и в странах Советского блока.

Question Authority[1]

И все же, далеко не все в глобализации можно объяснить с позиций шумпетеровского цикла обновления капиталистической экономики. В комплексе явлений, относимых к глобализации, проявились и долгосрочные эволюционные сдвиги в политической и социальной структуре позднего капитализма. Впервые эти сдвиги были обозначены молодежными протестами 1968-73 годов, в период студенческих волнений, антивоенных демонстраций, расовых беспорядков, политических убийств, импичмента Никсона, нефтяного эмбарго, левого и правого терроризма, взрыва рок-музыки и моды на потрепанные джинсы. Вне всякого сомнения, события и последствия тех лет прямо затронули и Советский блок. В Польше, Чехословакии и Прибалтике весна 1968 г. стала репетицией осени 1989 г. Поэтому и крушение социалистических диктатур в этих странах прошло как по нотам и обернулось достаточно успешным установлением рыночно-демократических режимов.

В хаосе конца шестидесятых проявился мощный антиавторитарный протест на уровне культуры, который поставил под сомнение сам принцип патерналисткой бюрократии. Это была первая попытка революции не по Марксу, а скорее по Максу Веберу. Впервые за почти три столетия модернизации наблюдался перелом в дотоле неуклонной тенденции к формалистической рациональности и бюрократической регламентации всех сфер современной жизни - от политики и корпоративного бизнеса до сексуального поведения. Протест 1968 г. выглядел анархическим, несогласованным, нередко политически наивным как раз потому, что власть предлагалось не захватывать, а ставить под сомнение. Это было восстание против фигуры Босса и Начальника, в застегнутом на все пуговицы деловом костюме или форменном мундире. Бюрократическая власть перестала внушать трепет и вызывать автоматическое послушание.

Последствия 1968 г. обернулись фактической победой новых, университетски-образованных средних слоев над патерналистской бюрократией в ключевой точке современной социальной регуляции — формировании общественного вкуса и запросов. Было достигнуто существенное расширение допускаемых проявлений индивидуальности. Главным итогом было закрепление общественного иммунитета к авторитаризму любого рода: политическому, экономическому, культурному.

В 1970-е годы патерналистско-бюрократическая "фордистская" модель развития вступила в стадию кризиса - и крах советской системы в конце 1980-х стал одним из его элементов. Но альтернативный этой модели неолиберализм лишь сорвал некоторые

---

[1] *Question Authority* (англ.) — популярный американский студенческий лозунг 1968 г., который можно перевести как «поставь авторитеты под вопрос» или «сомневайся в на-

регуляторы и пустил финансовые потоки на самотек. За всплеском протестов и кризисом последовала неоконсервативная реакция Тэтчер и Рейгана, которая способствовала высвобождению предпринимательской энергии капитализма и значительному облегчению перетока капиталов между отраслями и между государствами. С этого и начинается текущая глобализация. Благосостояние было восстановлено, западные экономики довольно быстро очистились от склеротических бюрократических барьеров, настал черед новой фазы институционального закрепления достигнутого.

Теоретически, всякая фаза высвобождения финансового капитала должна привести к созданию новых рынков, перемещению производственных баз и выделению новых ведущих отраслей производства на основе тех или иных передовых технологий. Отчасти это свершилось, и тем не менее глобализация до сих пор скорее напоминала успешную рекламную кампанию, выдавшую очень большие авансы МВФ, восточноазиатской индустриализации, в какой-то момент и российским реформам, а в структурном отношении - «новой экономике» и биотехнологиям. Ни один из авансов, строго говоря, пока не оправдан.

Петля инволюции [1]

Современные рынки могут обойтись без государства только в очень абстрактных учебниках по экономике. Более того, эмпирически совершенно очевидно, что не только почти полное отмирание государственных институтов, подобно взятой столетие назад в мировой оборот и ныне заброшенной Африке, но и формальное наличие клептократически коррумпированного, а значит, совершенно неэффективного государства (как это имеет место в большинстве стран Третьего мира) прямо соотносятся с обнищанием и оттеснением этих стран на структурные окраины мировых рынков.

Наиболее показательнен контраст между последствиями нефтяного бума 1970-х годов в Нигерии и Норвегии. В первом случае одна из наиболее перспективных стран Африки, тридцать лет назад обладавшая относительно диверсифицированной экономикой, предприимчивым крестьянством и образованным средним классом, оказалась вконец разорена сериями военных переворотов и этнических конфликтов, связанных с борьбой за сырьевую ренту. Напротив, Норвегия, некогда одно из беднейших государств Западной Европы, благодаря той же ренте наладила свои дела на годы вперед.

чальстве».

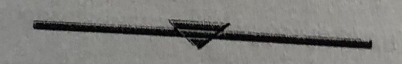
[1] Инволюция — свертывание вовнутрь, измельчание без коренного эволюционного изменения, сохранение системой основных характеристик при общем ухудшении показателей.

Словом, без эффективного государства и в XXI веке жить будет очень худо. Но что означает эффективное государство сегодня?

Российское государство до сих пор остается инволюционным (т.е. ухудшенным и уменьшенным), но вполне узнаваемым продолжением брежневского режима, власть которого покоилась на механизме патерналистско-ведомственного перераспределения по отеческой формуле "всем сестрам по серьгам". Конечно, хозяйственные ведомства за последнее десятилетие дробились и оформилялись в квазиприватизированные предприятия, обкомы-исполкомы преобразились в губернаторства, а перераспределительные процессы обрели формы конкуренции, политизировались и переместились из ЦК и Госплана в президентскую администрацию и парламент - однако ***суть (тип связи) осталась скорее прежней, нежели приобрела новое качество***.

Что делать с таким государством, чьи атавистические пережитки восходят к сталинскому мобилизационному режиму, приспособленному к ведению массовой металлоемкой войны? Трагический пример Чечни показывает, как российское государство борется в основном с последствиями собственных действий, а действовать по-другому военная машина, создававшаяся для ведения танковой войны образца 1940-х годов, просто не в состоянии в силу своей инерционной организации и корпоративной культуры. Увы, обозримое будущее едва ли будет совершенно мирным - однако нет серьезных доводов в пользу возрождения армии и флота эпохи блицкригов либо ракетно-ядерного тупика холодной войны.

Под ред. Д.Глинского и А.Фисуна

III. РОССИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ГЛОБАЛЬНОГО «ЦЕНТРА»

Александр Неклесса*

РЕКОНФИГУРАЦИЯ МИРА

Alexander Neklessa. The Reconfiguration of the World

The ongoing transformation of global politics (the «Big Bang») results primarily from the expansion of the cast of international actors - beyond the reach of traditional instruments of containment. Instead of the «planetary system» of nation states, the post-Westphalian world is increasingly filled with transnational «asteroid communities». It is characterized by intensifying struggle for a place among global actors, and by expansion and coexistence of «North» and «South», increasingly diverging in their historical purposes. The response to this uncertainty emphasizes «preadaptation» to future possibilities, exemplified by the doctrine of preemptive war. In this context, the US has transcended the boundaries of a nation state and operates in a global sphere of its «vital interests», while Russia is undergoing an involutionary process and slipping into the extraction-based realm of the global South. The emerging international hierarchy represents a reversal from modernity to a status-based feudal system, while legal institutions of power, including public politics and international law, are being marginalized and circumvented by informal, private centers of influence and authority. The rise of individual, «passionary» actors is countered by increasing global control and suppression of behavioral diversity, which implies a revision of the basics of modern civilization.

В последнее время все чаще приходится задумываться над вопросом: замкнута ли человеческая история в триаде «дикость – варварство – цивилизация» или же возможно какое-то иное, четвертое, состояние общества, своего рода постцивилизация? В этом случае процессы глобальной трансформации должны иметь некий объединяющий их исторический вектор, а не сводиться к простой сумме ситуаций развития и уплощения социального космоса. Феномен 11 сентября 2001 г. подвел логическую черту под рядом внешне малосвязанных между собою событий. В настоящей работе автором предпри-

* *Александр Иванович Неклесса - заместитель директора Института экономических стратегий (ИНЭС) при Отделении общественных наук РАН, заведующий лабораторией Института Африки РАН, руководитель комиссии по социокультурным проблемам глобализации Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН. Автор более 200 публикаций, составитель и редактор сборника «Глобальное сообщество: картография постсовременного мира» (2002). Руководитель межотраслевого центра «Геоэкономика». Член экспертного Совета по внешней политике при Комитете по международным делам Государственной Думы ФС РФ и экспертного Совета по проблемам инновационной политики и развития человеческого потенциала при Совете Федерации ФС РФ. Эксперт Центра стратегических исследований Приволжского федерального округа. Работал в Министерстве внешнеэкономических связей РФ.*

нята попытка проанализировать трансформации в сфере международных отношений, изменение организационных начал и самой номенклатуры этой системы.

Что же, в конечном счете, доминирует в сфере международных отношений: созидание или разрушение, прорыв в будущее или провал в прошлое, повышается или понижается на планете градус цивилизации? Вот, пожалуй, центральные вопросы, интригующие и завораживающие тех, кто занимается современной «игрой в бисер» – вычерчиванием социальной картографии политического театра действий наступившего века. То, что мир уже никогда не будет таким, каким он был или казался в прошлом столетии, постепенно становится очевидным. События 11 сентября 2001 г. и их последствия высветили новую глобальную ситуацию, формирующуюся систему мировых связей. Одновременно эти трагические события некоторым образом легитимировали происходящую смену парадигмы в сфере внешней политики, укрепив тенденцию к динамичным действиям, нацеленным на опережение, купирование негативных процессов. Основу прежней политики национальной безопасности – доктрину сдерживания и связанную с ней концепцию устрашения на основе массированного ответного удара, сейчас готовится сменить новый стандарт – доктрина упреждающих действий (включающая в себя возможность и подчас обязанность нанесения превентивных ударов).

Подобные изменения в значительной мере есть результат расширения спектра реально действующих субъектов мировых связей, не подпадающих ни под их прежнюю номенклатуру («национальное государство»), ни под прежние механизмы сдерживания («массированный ответный удар»).

Параллельно с очевидным возвышением США в новой конфигурации мировой политики очерчиваются контуры и горизонты иного планетарного субъекта – геоэкономического универсума Нового Севера, продукта универсальной «штабной экономики» и процесса транснационализации элит. Расширяется также сфера присутствия и влияния эклектичной культуры мирового Юга, оценки которого разнятся от «источника жизни, питающего стареющий Запад» до «нового варварства, удушающего цивилизацию». Мировой Север и мировой Юг обретают глобальные пропорции, сосуществуя на единой планете, но представляя все более разнящиеся миры, обладающие различным историческим целеполаганием. Возникающие конфликты и турбулентности укрепляют тенденцию становления глобальной, динамичной структуры управления социальными процессами в качестве новой исторической нормы внешних отношений – ***поствестфальской системы мировых связей.***

Большой взрыв, или мир по ту сторону горизонта

Специфика времени, которое мы переживаем, – социальный «большой взрыв» (*Big Bang*), глобальная трансформация многих, казавшихся незыблемыми начал и основ современного общества. Объемный, нелинейный образ постсовременного мира, возникающего за кромкой аляповатых практикаблей, все более расходится с привычными схемами социального проектирования, заставляя политиков и политологов задумываться не только о способах удержании власти, но и самого бытия того или иного социального организма в открытой «книге жизни» истории.

В текущей политике возникает ряд «парадигмальных» вопросов, которые, однако, носят совсем не риторический характер. Каким путем следует идти человечеству в условиях обозначившегося распада прежнего миропорядка? Кто строит мир, в котором мы живем? Что есть реальность? Как и кем она формируется? Насколько устойчив наш мир, и каким он станет через десять-пятнадцать лет? Что на сегодняшний день мировое сообщество может предложить в качестве реальной и практической альтернативы бюрократическим дебатам о допустимости или недопустимости применения силы против суверенных и легитимных образований прежнего миропорядка либо невнятных организованностей нового мира? Существует ли другой источник силы, кроме США, который может эффективно осуществлять систему глобальной регуляции в условиях трансмутации мира, деградации прежних социальных организмов и бурного прорастания новых (в том числе организмов, базирующихся на энергичном и суверенном индивиде, на гибких, нелинейных сочетаниях конъюнктурных и фундаментальных интересов групп различных пропорций, на феномене раскола национальных элит и формирования на этой основе новых организованностей, которые преследуют не только финансовые и не только экономические интересы, но также цели политического и социального творчества)? Эти непривычные конфигурации утверждают на планете свою геометрию социальных связей, очерчивая при этом различные мировоззренческие, религиозные и иные горизонты, попутно буквально разрывая на части и активно трансформируя «прежний, дряблый мир».

Активное представление будущего. В мире под флером широко обсуждаемых и переживаемых сейчас драматичных событий одновременно продолжается, в несколько ином формате, не слишком явная и не вполне внятная ***борьба за статус глобального субъекта***, ведущаяся к тому же по новым, совсем не очевидным и до конца не познанным даже самими ее участниками правилам «большой игры».

К ключевым элементам стратегической головоломки относится определение картографии современной социальной реальности, ее релевантного контекста. Слишком

часто систему политического целеполагания выстраивают в рамках «сложившегося контекста», что подчас означает – в рамках устаревшей и потому ущербной картины мира, с учетом уже не существующей реальности и без учета новых влиятельных факторов. Подобное «выкраивание» исторических проектов по привычным, удобным и хорошо подогнанным лекалам естественным образом обрекает социального проектировщика на стратегическую неудачу. Сравнение с существующими на сегодняшний день «лучшими мировыми образцами» активно развивающихся проектов тут мало помогает. Мир, хорошо известный нам на протяжении десятилетий, пусть и недавних, – это всего лишь образ, пожелтевший манускрипт прошлого и свалка канувших в Лету форм и способов деятельности.

Описание же актуального контекста, как правило, нелицеприятно, «клочковато», отрывисто, неполно. Но даже более-менее успешное выполнение этой задачи есть лишь «необходимое», однако далеко не «достаточное» условие стратегического успеха. Реалистичный и перспективный проект выстраивается в сложно уловимом, виртуозно ткущемся пространстве между контекстом актуальным (хотя до конца так и не познанным) и ситуацией, которая вообще отсутствует на планете в данный момент как реальность, однако с высокой долей вероятности будет существовать в «сгущающемся» будущем. Данный процесс носит название **преадаптации**, и его изюминка заключается именно ***в активном представлении будущего, которое льет воду на вполне определенную мельницу истории***. Так что настоящий крот истории вряд ли слеп, и уж, во всяком случае, по-своему весьма прозорлив.

Динамичный характер меняющейся мировой среды предполагает смену языка, самой семантики социального проектирования, введения в нее новых категорий. Меняется также номенклатура значимых субъектов социального действия. На международной арене, наряду с такими привычными акторами, как национальные государства, возникают невнятные «цивилизации» и их разноликие агенты; региональные, геоэкономические или культурные коалиции; страны-системы; сетевые конфигурации международных неправительственных организаций; астероидные группы; амбициозные корпорации; разнообразные теневые консорциумы… Список можно множить, ибо критерий признания и учета новых членов мировых связей один – степень их реального влияния на происходящие в мире события. Целенаправленного влияния, или – что, практически, то же самое – активной проектной деятельности.

Что такое проект? Господин Журден не знал, что он говорит прозой. Мало, кто из людей задумывается, что он погружен в ***пространство перманентного проектирования***: выстраивания образов будущего (пусть и предельно краткосрочных), способов их реализации, цепочек необходимых для этого действий и т.п. Те, у кого это хорошо по-

лучается, становятся предпринимателями, политиками или, случается порой, писателями (особенно фантастами)…

Социально же значимое управление требует доступа к активам и ресурсам, к оперативному реагированию на открывающиеся возможности и перспективы, к активному взаимодействию с другими сообществами. Отсюда возникает проблема коалиций людей по групповым, деловым, культурным, религиозным, национальным интересам. Возникает образ «национальной корпорации» как сообщества элит на определенной территории, осуществляющей консенсус властных группировок, их совместное целеполагание во внешней, конкурентной среде глобального мира. Подобные национальные корпорации (в понимании этого термина в категориях эпохи Модернити) правили миром последние 300-400 лет, но в XX веке мир существенно изменился.

Глобальная трансформация. Две основные тенденции наших дней – глобализация и индивидуация. С одной стороны, на планете происходит «глобализация корпораций», финансовое объединение мира, информационное единение мира, прорисовывается возможность властной проекции силы в любую точку мира. А с другой, не менее бурно, но возможно менее отчетливо, протекает иной процесс – развитие индивидуации, суверенизации личности, вольной в своих действиях, свободной от национальных и прочих внешних по отношению к ней сил и границ, однако наделенной при этом впечатляющим инструментарием, отражающим, практически, весь спектр могущества цивилизации. Предоставляя тем самым, в числе прочих, также возможность смертельно поразить транснационального Голиафа.

Но возможно ли человеку или свободно самоорганизующимся группам элит действовать в этом мире в качестве сюзерена, суверенного организма, не вступая в безнадежный конфликт с прежними системами и способами проекции власти? В современном обществе мы наблюдаем сейчас обостренную коллизию между двумя типами ментальности – культурой, стремящейся удержать прежний порядок вещей, пусть и в серьезно трансформированных формах, и новым миром со своими органичными аксиомами и закономерностями, столь отличными от прежних и привычных для нас законов социального бытия.

Нынешнее форсированное, подчас силовое продвижение «локомотива Модернити» совпало по времени с новой диверсификацией мира, уже в русле иной социальной парадигмы. Сейчас в действующей механике мира, наряду с процессом частичной деактуализации политического пространства национальных государств и формированием некой наднациональной глобальной конструкции, интенсивно и деятельно развивается также другой фундаментальный процесс. Не только личность, но и элитные группы становятся все менее и менее связаны с привычными формами их социализации – и

мультикультурные корпорации были, возможно, всего лишь «фазой динозавров, становящихся птицами», переходной эпохой в этой головокружительной гонке все более гибких и все более организованных сущностей, перехватывающих эстафетную палочку бытия.

По ту сторону совершающегося на наших глазах Большого взрыва, мы начинаем прозревать образ некой «новой земли и нового неба» - социального космоса, парадоксальным образом ***совмещающего в себе черты цивилизации, варварства и архаики***. Происходит единение в социальном калейдоскопе образа восточного карнавала на фоне Эйфелевой башни, глинобитных хижин, ощерившихся спутниковыми антеннами, караванов верблюдов, начиненных «Стингерами», и орд новых кочевников в пыльных одеждах, но с ноутбуками в руках и автоматами Калашникова за спиной.

Полифоничные перспективы лишь разворачиваются перед нами в своей грандиозной полноте: от неоархаики до сетевого сообщества, но это – первые прогоны, бета-версии совершающегося драматичного действа. Однако, рациональный ум человека XX века способен уже сейчас создавать из разрозненных фрагментов постисторического паззла некий значимый для себя образ.

На протяжении прошлых столетий тяга к новому миропорядку принимала самые разнообразные формы. Так, данная тенденция отчетливо проявляется, к примеру, в становлении коммунистического проекта, в манифесте III Интернационала прямо провозглашалось: «…национальное государство, дав мощный импульс капиталистическому развитию, стало слишком тесным для развития производительных сил. …Перед нами, коммунистами, стоит задача облегчить и ускорить победу коммунистической революции во всем мире». Проект нового миропорядка прорастал в XX веке также в дизайне Лиги наций, в мрачной невнятности Ordnung'a и в конструкциях Организации Объединенных Наций. Отметим также присутствие в энергиях эпохи идей мирового гражданского общества, контура альтернативной глобализации, которая не исчерпывается ее прочтением антиглобалистами и самим движением за альтернативную глобализацию.

Конкуренция глобализаций. Глобальная геоэкономическая конструкция, последовательно выстраиваемая на протяжении прошлого столетия, не может устойчиво существовать вне собственной системы властной регуляции. Даже такие внушительные и могущественные организации, как «Большая семерка» и Организация североатлантического договора, возможно, оказались на этом пути лишь промежуточными этапами строительства новой политической культуры и среды.

Международные отношения перестают быть пространством, где формально равные и суверенные субъекты выстраивают изменчивые, уравновешивающие друг друга коалиции и конкурентную среду их взаимоотношений. В последние годы, независимо

от конкретных целей, преследуемых в той или иной кризисной ситуации, на планете складывается устойчивая властная вертикаль, специфическая глобальная иерархия, институт международных регулирующих органов («глобальная держава», Большая семерка, НАТО и т.п.), а на противоположном полюсе - отверженное племя государств-париев. Подобная инерция международных отношений заметно подрывает логику модернизации, сам менталитет Нового времени - поскольку фактически означает ***рецидив конструкций, характерных, скорее, для сословного, «феодального» мира***. При этом наметилось расхождение между европейской и американской трактовками целей и форм современного политического процесса - различия в оценке дизайна возводимой глобальной конструкции, в реестре основных проблем и угроз; между правилами игры, утвердившимися на планете после окончания холодной войны в 90-е годы (коллективные действия, «гуманитарная интервенция», отсутствие острой идеологической конфронтации), и новыми идео-политическими конструктами (такими как идеологизированная «ось зла», перспектива многолетней «войны с террором», односторонние действия глобальной державы, некоторые ключевые положения новой доктрины национальной безопасности США и т.п.).[1]

Другое характерное свойство складывающейся поствестфальской системы – ее принципиальная нестационарность, предполагающая активный, турбулентный характер процессов и перманентное управление хаотизированной средой. В свою очередь это приводит к становлению новых технологий управления - «матричных», нацеленных не столько на контроль над тем или иным проектом, сколько на формирование самого контекста действия, осуществление контроля над средой, обустройство ситуации, в рамках которой проект реализуется. Стабильность при этом начинает все более пониматься не как статичная, но как динамичная категория, определяющее свойство которой – способность к опережению негативного развития событий, их превентивное регулирование (т.е. скорее *crisis management*, нежели *crisis resolution*).

Сценарий геоэкономической реконструкции включает в себя, с одной стороны, логическую траекторию, чей дизайн достаточно внятен, – мирное окончание строительства каркаса Нового мира или, проще говоря, универсальной эмиссионно-налоговой системы. Однако если каталогизация мира все-таки споткнется о ряд возникающих проти-

---

[1] Реальная разделительная линия в дискуссиях о глобализации, конечно же, более сложна и прихотлива, нежели деление на европейцев и американцев. Так, бывший президент США Дж.Картер, выступая на церемонии вручения ему Нобелевской премии мира за 2002 г., заявил, что «одобрение принципа превентивной войны сильными странами создает прецедент, чреватый катастрофическими последствиями». С другой стороны, политика администрации Дж.Буша встречает понимание и поддержку со сторо-

воречий, то произойдет нечто иное: введение в качестве нормы нестационарной, динамичной системы управления социальными процессами вместо прежних, статичных схем международных отношений.

Результатом становятся перманентный силовой контроль, появление новых форм конфликтов и путей их урегулирования, выстраивание трансграничной системы силовых модулей – опорных пунктов с не слишком определенным международно-правовым статусом. И с присутствием боеспособных частей, находящихся в перманентно отмобилизованном состоянии, отрабатывающих новые способы обеспечения господства и безопасности, ведения боевых действий, применения экспериментальных военных технологий и различных типов оружия. А также других властных комбинаций и конфигураций для управления новым динамичным миром – и, в частности, таким турбулентным регионом, как Большой Ближний Восток, протянувшийся от Косова до Афганистана.

Страна-империя. На сегодняшний день внимание мира сконцентрировалось на трансформации Соединенных Штатов в квази-имперскую структуру, предложившей миру свою версию «глобальной доктрины Монро». В частности, в форме «Национальной стратегии безопасности», подписанной президентом Бушем 21 сентября 2002 г. И хотя Вудро Вильсон в свое время видел в подобных интенциях основную историческую миссию своей страны, провозглашая: «Мы создали эту нацию, чтобы сделать людей свободными, и мы, с точки зрения концепции и целей, не ограничиваемся Америкой, и теперь мы сделаем людей свободными. А если мы этого не сделаем, то слава Америки улетучится, а вся ее мощь испарится», прочтение подобных кодов власти не слишком укладывается в политическую семантику эпохи Модернити.

Речь при этом, в сущности, идет не о мире, которым будет управлять такое национальное государство, как США. В «новом американском веке» (как охарактеризовал наступившее столетие 42-ой американский президент У. Клинтон) ***Соединенные Штаты уже не являются национальным государством в том смысле, как это понятие было сформулировано в рамках и категориях вестфальской системы***. Америка обретает особый статус (с его последующей прямой или косвенной легитимизацией), становясь своеобразной страной-системой, чьи рубежи – не административно-политические границы национальной территории, а зона жизненных интересов, которая имеет выраженную тенденцию к глобальному охвату.

ны премьер-министра Великобритании Тони Блэра. Тем не менее, водораздел, кажется, очевиден.

Процесс трансформации в квази-имперские состояния – явление, характерное не только для Соединенных Штатов. Подобные мутации в различающихся между собою формах (порой существенно) происходят в различных уголках мира. Квази-государство «Шенген», по сути дела, тоже страна-система. Призрак возрожденного халифата, который все чаще бродит по планете, равно как и Большой Китай, постепенно вбирающий в себя Гонконг, Макао, Тайвань и связанный тысячью нитей с диаспорой хуа-цяо – это также специфические модификации феномена страны-системы. Наконец Россия, лежащая во всклокоченном и неприбранном постсоветском пространстве СНГ, слишком часто рассматривается то ли как реликт, то ли рудимент, то ли зародыш некоего имперского организма, имеющего целеполагание, которое все никак не укладывается в конструкты «национального государства».

При этом в рамках современной международной системы Россия переходит сейчас из одной страты в другую, и процесс этот носит инволюционный характер. К концу XX века Россия принадлежала к «технологическому сообществу», то есть была близка к тому, что принято называть постиндустриальным состоянием. На уровень ее статусной капитализации, при всех издержках и недочетах ситуации, также позитивно повлиял, пусть и формальный, прием в члены клуба «Большой семерки». В настоящий момент, однако, она явно мигрирует в другой типологический класс, в котором состоят такие государства, как, скажем, Индия или Бразилия, но вряд и в нем зафиксируется и удержится. Потому что реально вырисовывающий международный статус России – это статус не Нового Востока, а, скорее, сырьевых государств Юга. Постепенно начинает дискутироваться вопрос не только об уместности присутствия России в членах элитного клуба G-7, но и о занятии ее места в качестве постоянного члена Совета Безопасности Германией или Японией.

Данная негативная статусная динамика отчетливо проявилась на рубеже нового века. В наиболее отчетливом виде она была обозначена фразой известного американского политолога о том, что «нам пора начать думать о мире без России». Тогда же была произнесена и другая фраза, о том, что «существование России есть не данность, а проблема». На время, по ряду причин – в частности, в результате тесного геоэкономического и геополитического сотрудничества России с Америкой, – указанный процесс приостановился. Но и тогда симптоматично менялось отношение к российским предпринимателям, государственным чиновникам, представителям страны в международных организациях на официальном и неофициальном уровне, а также к простым гражданам.

Конец цивилизации или зигзаг истории?

Процесс глобализации заметным образом влиял на социальную мысль конца XX века, выдвинув идею новой композиции мирового контекста, его пределов и ориентиров[1]. Вектор динамики – переживаемая человечеством социокультурная революция, развернувшаяся в последней трети прошлого века, революция, равно меняющая как идеалы мироустройства, так и механизмы практической политики.

«Времена, в которые мы живем, полны угроз и опасностей. Но мы настолько заняты собственными делами, что, в конце концов, утратили представление о сложности окружающего нас мира... В истории трудно найти другой период, когда люди смотрели бы в будущее с такой неподдельной тревогой. В самом деле, это похоже на возврат к Средним векам, когда разум человека был объят страхом перед наступлением нового тысячелетия...».[2]

Слова, процитированные выше, принадлежат Аурелио Печчеи, основателю и первому президенту «Римского клуба». Они были написаны им еще в середине 60-х годов прошлого века, как раз накануне «вступления в фазу новой метаморфозы всей человеческой истории» (З. Бжезинский), «великого перелома» (Р. Диес-Хохлайтнер) или даже «мировой революции» (И. Валлерстайн). Это время (конец 60-х – начало 70-х гг.) стало рубежом социокультурной революции, обозначив границу траекторий взлета и падения протестантской версии мира. И одновременно – выхода на поверхность, социальной реабилитации ее многочисленных подспудных течений. Уже тогда разгорались дискус-

---

[1] Toffler A., Toffler H. *Creating a New Civilization: The Politics of the Third Wave.* Atlanta, 1995; Galbraith J.K. *The Good Society. The Human Agenda.* Boston-N.Y., 1996; Hopkins T., Wallerstein I., Casparis J. *The Age of Transition: Trajectory of the World-System, 1945-2025.* N.Y., 1996; Castells M. *The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol.1: The Rise of the Network Society.* Malden (Ma.)-Oxford (UK), 1996; *idem. The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol.2: The Power of Identity.* Malden (Ma.)-Oxford (UK), 1997; *idem. The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol.3: End of Millennium.* Malden (Ma.)-Oxford (UK), 1998; Chomsky N. *World Orders, Old and New.* L., 1997; Touraine A. *Pourrons-nous vivre ensemble? Egaux et differents.* P., 1997; Brzezinsky Z. *The Grand Chessboard. American Primacy and Its Geostrategic Imperatives.* N.Y., 1997; *idem. The Geostrategic Triad: Living with China, Europe, and Russia.* Wash., 2000; Naisbitt J. *Megachallenges: A Compass for the 21st Century.* N.Y., 1998; Luttwak E. *Turbo-Capitalism. Winners and Losers in the Global Economy.* L., 1998; Thurow L.C. *Creating Wealth. The New Rules for Individuals, Companies and Countries in a Knowledge-Based Economy.* L., 1999; Etzioni A. *The End of Privacy.* N.Y., 1999; Fukuyama F. *The Great Disruption: Human Nature and the Reconstitution of Social Order.* N.Y., 1999; Drucker P.F. *Managing Challenges for the 21st Century.* N.Y., 1999; Giddens A., Hutton W. (eds.). *On the Edge.* L., 2000; Negri A., Hardt M. *Empire.* Harvard., 2000; Giddens A. (ed.). *The Global Third Way Debate.* N.Y., 2001; Kissinger H. *Does America Need a Foreign Policy? Toward a Diplomacy for the 21st Century.* N.Y., 2001; Buchanan P. *The Death of the West.* N.Y., 2001.

[2] А. Печчеи. Вызов 70-х годов современному миру // Римский клуб. История создания, избранные доклады и выступления, официальные материалы. М., 1997. – С.319.

сии о горизонтах цивилизации, о необходимости внесения корректив в стратегию ее развития, о стоящих перед человечеством глобальных проблемах, о конфигурации социального космоса и типологии грядущего мироустройства.

В постпротестантском космосе стерилизованная секулярность, светскость *per se*, предстает не оболочкой, но наследницей идеалов протестантизма, культурной основой цивилизации, ее своеобразной осью и пределом. Вместе с тем, будучи носительницей политически корректной, внеинституциональной, индивидуализированной версии христианской культуры и соответствующего цивилизационного содержания (если не идеала), секулярность оказывается – на очертившихся глобальных просторах – мировоззрением, так сказать, неосновательным, синкретичным и по-своему хрупким. Пребывая в состоянии фактической утраты своих оригинальных начал, полу-добровольно наложенного на них «эмбарго», она подвергается интенсивному размыванию со стороны разнообразных модификаций неоязычества и традиционализма, «нового невежества», не имея при этом ни соответствующего иммунитета, ни энтузиазма прежних эпох. Параллельно в секулярном космосе все явственнее ощущается также присутствие бродильного элемента какого-то иного, подавленного в прошлом универсализма, претендующего стать творческим ферментом нового мира. И как суммарный результат, на планете обнаруживаются ростки иной, уже и не христианской, и не секулярной версии цивилизации.

После политической и культурной деколонизации Не-Запада, образования эклектичного пространства Третьего мира, семантика глобальной революции реализует себя как нарастающая «социокультурная деколонизация» самого Запада, отмеченная, в числе других черт, элементами прямого и косвенного демонтажа прежней культурной конструкции, де-христианизации и квази-ориентализации. При этом двусмысленная, киплинговско-сталинская, культурно-политическая и «горизонтальная» оппозиция Запад – Восток дополнилась во второй половине столетия социальной вертикалью Север – Юг с последующим расширением семантики этих пространств за пределы их условной географической локализации, очерчивая планетарные, взаимопроникающие, но все же раздельно, словно слоеный пирог, сосуществующие ареалы «мирового Севера» и «мирового Юга».

К концу века стала очевидной трансформация прежнего Севера. В результате распада СССР и сопряженных с его существованием внешнеполитических конструкций обозначилось пестрое, атомизированное пространство «стран с переходной экономикой», а Соединенные Штаты превратились в уникальную «глобальную державу» с неясными пока полномочиями, сферой компетенции и кругом ответственности. К концу века совершилось также радикальное преобразование Третьего мира: его разделение на динамичное пространство тихоокеанского Нового Востока и «потерянное поколение»

стагнирующего Юга, к которому принадлежит большинство стран Африки. Параллельно начал прорисовываться контур принципиально иных, трансгеографических социоконструктов: транснациональных сетей Квази-Севера и «мирового андеграунда» Глубокого Юга, обладающих разным социальным горизонтом, но постепенно сливающихся в единый «диффузный архипелаг», дестабилизируя прежние скрепы цивилизации.

Наметившаяся инфернализация подобного социально-культурного разделения, введение в общественное сознание образов «золотого миллиарда» и противостоящему пространства «стран-изгоев», объединенных «осью зла», заставляет вспомнить известные слова Сергея Булгакова о «переложении иудейского хилиазма... на язык политической экономии»[1]. Но ситуация сейчас прочитывается несколько иначе, нежели в начале XX столетия. Почти фарсовое сближение эсхатологического противостояния избранного народа миру зла со «священной борьбой прогрессивного пролетариата и ретроградной буржуазии» в наши дни заменяется другой, более актуальной оппозицией: противопоставлением «рыцарского союза демократий Севера мировому плебейству Юга» (квинтэссенция коего – идея финального для истории конфликта со странами-изгоями и последующее связывание, либо развязывание угрозы мировой анархии). Семантическая схожесть между собой в значимых деталях обоих мотивов, параллельных христианской апокалиптике, порой просто поразительна.

На данной, не вполне еще четкой основе шаг за шагом выстраивается достаточно новая система внешних отношений – поствестфальская структура мировых связей, включающая в себя иное, изменившееся прочтение кодов поведения и картографии планетарного сообщества, его номенклатуры и иерархии действующих субъектов. Интерес вызывают как перспективы отчетливо монополярной, «имперской» структуры социума, так и другие возможности, включая ту или иную форму биполярности/многополярности, либо горизонты экспансии сетевой схемы социальной регуляции, ее метаморфозы, отношения с более привычными системами управления, возникающие при этом взаимозависимости, симбиозные формы и т.п. Наконец, актуальной темой исследований становится феномен системного терроризма, представляющий органичную часть культуры сетевых организаций.

Феномен «11 сентября» продемонстрировал, что трансграничное теневое сообщество в наступившем столетии может стать реальной и перманентной угрозой. Однако определение его характера, внутренних механизмов, движущих сил ставит порой в тупик не только практических политиков, но и опытных исследователей исторической перспективы. Новый терроризм учитывает взаимосвязанность глобального мира, сис-

[1] С.Н. Булгаков Соч. Т.2. М., 1993. – С.259.

темный характер протекающих в нем процессов – предъявляя соответствующую стратегию угроз. Его акции строятся на принципе домино, а менталитет организаторов напоминает стиль мышления опытных шахматистов. Планетарный контекст повышает значение символических объектов, жестов и процедур при реализации данной концепции действий. В глобализированном сообществе возникает «эффект бабочки», когда событие в одном месте способно вызвать лавинообразные последствия в другом, к примеру, в сфере общественной психологии или финансово-экономических операций, хотя и хорошо управляемых, но достаточно уязвимых для подобного рода системных влияний.

Несмотря на очевидную трагичность, события 11 сентября 2001 г. важны все-таки не сами по себе. Они послужили, во-первых, прожектором, высветившим новую глобальную ситуацию, формирующуюся систему мировых связей. И, во-вторых, – стали триггером для определенных действий в сфере мировой политики.

Социокультурная революция, разворачивающаяся на планете, проявляет себя в разнообразных процессах и феноменах, меняющих как общественное сознание, так и привычные формы социальной организации, среду обитания человека. Некоторым из этих изменений, однако, до последнего времени явно не уделялось достаточного внимания. Так, параллельно с широко обсуждаемой глобализацией (складывание системы мирового управления, штабной экономики, единого информационного пространства и т.д.) в социальном универсуме не менее интенсивно развивается другой драматичный, и, быть может, более социально значимый процесс, привлекавший, однако же, до поры гораздо меньше внимания. Процесс этот – **индивидуация**, формирование активных, влиятельных личностей, обладающих доступом к значительным финансовым, экономическим, техническим ресурсам и рычагам действия. Конечно, следует сразу же оговориться, что под влиянием массовой культуры и всей прочей феноменологии массового общества модель поведения большинства людей на планете заметно унифицируется, стереотипизируется, уплощается, объединяя субъекта с исполняемой им социальной функцией (ролью). Но одновременно ресурсы и пространства глобализации, вкупе с порожденными цивилизацией могучими инструментами, создают уникальные условия для социально значимой экспансии пассионарного индивида в современном мире.

Новые формы социальной организации, возникающие на этой основе, расщепляют прежний социальный текст, рождая различные конфигурации амбициозных групп и индивидов. Прежняя социальная гравитация, устойчиво объединявшая элитные группировки в «планеты», под названием «национальное государство», «национальные корпорации» теряет прежнюю эффективность, порождая своеобразные **«астероидные группы», транснациональные не только по пространству приложения сил, но также и по своему составу и целеполаганию**. Складывается механизм эффективной

частной власти, новый класс неформальных организаций (как публичных, так и непубличных), способных совершать политические действия и другие акции подчас планетарного значения и пропорций. Именно в контексте подобного полифоничного политического пространства, его глобальной развертки «одиннадцатое сентября» прозвучало особенно эффектно и сыграло свою специфическую роль. Как бы мы ни расценивали внутреннее содержание «феномена бен Ладена», само появление данного стереотипа («гиперличность», «личность противостоящая миру», «человек против цивилизации», «враг мирового сообщества») свидетельствует о многом.

Я бы даже обострил подобную постановку вопроса, предположив, что не сам мир, не порядок вещей изменились в тот роковой день, но качественную трансформацию претерпели его прочтение и интерпретация, сама общественная психология, усомнившаяся в привычных устоях бытия. И изменились они, судя по многочисленным признакам, весьма ощутимо. Что, в свою очередь, сказалось на деятельности мирового аналитического сообщества, на приоритетах в его повседневной работе, на задачах концептуального порядка. А, кроме того, на интересе различных кругов к тем или иным интеллектуальным достижениям в сфере стратегического анализа и прогноза.

Диапазон прочтений картографии формирующегося миропорядка необычайно широк (что отражает возросшую полифонию человеческой свободы), и с порога XXI века можно разглядеть ландшафты, ранее неведомые историческому взору [1]. Отвергнув патернализм религии и традиционного общества ради обретения совершеннолетия и личной свободы, современное массовое общество, напротив, теперь, кажется, склонно обменять завоеванную, но оказавшуюся столь обременительной и связанной со смертельным риском свободу на изрядную толику иллюзий, персональный комфорт и безопасность. Транснациональная культура «комфорта и безопасности» отчетливо заявила о себе в последние десятилетия. И, как несколько неожиданный ответ на данный культурный вызов, на мировую арену выходит «системный терроризм»: система точечных, но высокоэффективных акций, обладающих могучим эффектом резонанса – долговременного, хорошо просчитанного последействия, значимо проявляющегося именно в данной культуре. Речь, таким образом, идет о весьма специфичном инструменте частного (непубличного) управления современным обществом со стороны влиятельных, но

---

[1] Подробную библиографию зарубежных работ по данной проблематике см. в статьях автора «Осмысление Нового мира» («Восток», 2000, №4) и «A la carte» («Полис», 2001, №4). Теме социокультурных революций и глобальной трансформации современного мира посвящена трилогия автора, опубликованная в журнале «Новый мир»: «Эпилог истории, или Пакс Экономикана» (1999, №9), «Глобальный город: творение и разрушение» (2001, №3), «Трансформация истории» (2002, №9).

безликих организаций – этой аморфной и эклектичной «власти без государства», оперирующей транснациональными эскадронами смерти.

На сегодняшний день можно выделить три ключевых аспекта формирующейся реальности Нового мира:

- цивилизационная динамика на рубеже тысячелетий;
- трансформации, происходящие в сфере международных отношений;
- изменения в области структур управления и генезис новых оргструктур.

Если попытаться обобщить разнообразные мнения, которые высказываются в интеллектуальном сообществе о сути процессов, происходящих в мире, то они, пожалуй, могут быть сведены к трем концептуальным позициям.

Первая из них достаточно проста. Она сводится к тому, что в мире, по большому счету, ничего принципиально нового не происходит. К примеру, после событий 11 сентября появилась статья Фрэнсиса Фукуямы «Началась ли история опять?», суть которой в том, что трагические и турбулентные события последнего времени, в конечном счете, отражают последовательное продвижение в будущее локомотива Модернити. И те негативные явления, с которыми мы сталкиваемся, – это лишь своего рода издержки процесса модернизации, который по-прежнему развивается, хотя и не в простых условиях. И развивается весьма интенсивно[1].

Вторая точка зрения заключается в том, что на планете происходят серьезные и, прежде всего, качественные изменения. Что процесс модернизации в его фундаментальном смысле – в первоначальном и основном значении этого понятия – зашел в тупик. В мире же набирает силы принципиально иной процесс – чаще всего определяемый как «социальный постмодерн» – проявляющийся, то как культурно-цивилизационная полифония, то как более-менее завуалированная демодернизация, а в своем экстремальном аспекте – как процесс неоархаизации мира. Эта же точка зрения отражена, в частности, в концепции Хантингтона, поскольку речь в ней идет о конфликте различных систем ценностей (культура Модернити – лишь одна из них), о планетарном, «горизонтальном» столкновении существующих культурно-исторических типов общества (цивилизаций).

Данной позиции, однако, свойственна некоторая неполнота. Дело в том, что новая социально-культурная феноменология и демонстрируемая система ценностей не сво-

---

[1] «…несмотря на события 11 сентября, Модернити, представленная США и другими развитыми демократиями, осталась доминирующей силой в мировой политике, а институты, олицетворяющие основные западные принципы свободы и равенства, продолжают распространяться по всему миру. Атаки 11 сентября – удар отчаяния против современного мира, который представляется скоростным грузовым поездом тем, кто не хочет на него попасть».

димы к какой-либо одной, хорошо известной и исторически реализованной цивилизации, культурно-историческому типу или идеологической системе. В драматичных событиях последнего времени проступает контур какой-то иной, целостной, хотя и не слишком внятной пока культурной и социальной семантики. То есть, не исключено, что, находясь на самой кромке ветшающей исторической конструкции, мы присутствуем при зарождении некой цивилизационной альтернативы, со своими законами и логикой социальных институтов.

Но в таком случае – и это составляет суть третьей точки зрения, которой я придерживаюсь, – происходящие в настоящее время события есть не что иное как «вертикальное», диахронное столкновение цивилизаций. Иначе говоря, происходит столкновение современного мира не с теми культурами, которые хорошо известны и существуют на планете в проявленном виде, но с некой тенью, с неким призраком цивилизации, нависающей из будущего [1].

Поствестфальский мир

Актуальный аспект происходящих перемен – трансформация самой среды, номенклатуры международных отношений. То, что мир уже никогда не будет таким, каким он был или казался в прошлом столетии, становится очевидным. Однако реальный дизайн существующих на сегодняшний день социополитических карт XXI века весьма неточен, расплывчат, порой – двусмысленен. На их виртуальных листах видны одновременно и контуры «великой суши» Четвертого Рима – грандиозной системы глобальной безопасности, ориентированной на новый орган всемирно-политической власти, и волнистые линии «мирового океана» – нестационарной, турбулентной системы международных связей.

Чтобы не быть голословным перечислю некоторые актуальные проблемы, связанные с происходящей трансформацией мирового контекста:

- перераспределение властных полномочий с национального на глобальный уровень;
- появление новых субъектов власти, таких как глобальная держава, международные регулирующие органы, неформальные центры влияния чрезвычайно высокого уровня компетенции;
- феномен страны-системы;

---

[1] Подробнее о цивилизационной и культурной трансформации см.: Неклесса А.И. Неопознанная культура. Гностические корни постсовременности // Глобальное сообщество. Картография постсовременного мира. – М.: Восточная литература, 2002.

- деформализация власти, снижение роли публичной политики и представительных органов, тенденция к расширению зоны компетенции неформальных процедур принятия решений, заключения устных, консенсусных «договоренностей» вместо полноценных договоров;
- наметившиеся горизонты «судейской власти»;
- транснационализация элит и появление новой социальной общности – мирового Севера при параллельной глобализации альтернативного пространства мирового Юга (включая «варваризацию Севера»);
- слияние политических и экономических функций в современном мире, формирование на данном базисе системы стратегических взаимодействий и основ глобального управления;
- пространственная локализация (географическая и трансгеографическая) различных видов хозяйственной деятельности, появление новой формы мирового разделения труда, перераспределение мирового дохода и взимание «глобальной ренты», выстраивание геоэкономического универсума;
- развитие транснациональных сетей сотрудничества и сетевой культуры в целом.

Если подвести предварительный итог многочисленным изменениям, то можно, пожалуй, утверждать, что в мире выстраивается динамичная и иерархичная система международных связей, и то, что понималось под международными отношениями лет десять назад, в настоящий момент фактически не существует.

Смена актуальных кодов управления – один из важнейших аспектов перемен. Новые организационные схемы и технологии подчас просто взрывают прежние институции, меняя привычный облик власти. Начинает просматриваться тенденция маргинализации всего корпуса легальной власти, основанной на национальной публичной политике и международном праве, ее отчуждение от решения ряда ключевых вопросов, подмена альтернативной системой социальной регуляции – властью «неформальной», консенсусной, транснациональной, геоэкономической. Параллельно происходит естественная в этих условиях экспансия сетевых структур – пестрого конгломерата «амбициозных корпораций», социальных, политических, экономических, культурных организмов. В их числе присутствуют клубы различного уровня влияния и компетенции, разнообразные религиозные и квазирелигиозные организации, глобалистские и антиглобалистские структуры, наконец, разного рода асоциальные, террористические организации, весь пестрый и эклектичный мировой андеграунд.

Новая культура, подобно вирусам, может соприсутствовать во плоти прежних социальных организмов, в недрах которых прочерчиваются границы новоявленного

«столкновения цивилизаций» – конфликта между централизованной иерархией и гибкой сетевой культурой, между администратором и творцом, между центростремительными и центробежными тенденциями. Сетевая организация лучше приспособлена к динамичному, турбулентному состоянию социальной среды, где вместо непрерывной функции она реализует дискретные проекты. (При этом в современных условиях эта проектная культура «взнуздывается» кластерным характером матричного управления.) Сетевая культура и возникает-то с особой интенсивностью именно на разломах, в моменты социального кризиса или взлета. Проектная логика способна в этих непростых условиях минимизировать влияние долгосрочных, инерционных воздействий и связанных с ними принципиальных ошибок.

У всех данных образований единая основа – деятельный человек. Энергичные, пассионарные личности существовали в мире всегда. Но, как уже отмечалось выше, никогда прежде они не имели такой свободы в оперировании финансовыми, информационными потоками, не обладали такими широкими техническими и экономическими возможностями. Сетевые сообщества (и террористические, в частности) формируются из личностей, которые творят концептуальное целеполагание, создавая под свои проекты временные виртуальные организации. Если выдвинутая идея (или финансовая цель) содержит вызов и перспективу, то определенный класс людей собирается в кластер. Эти коллективы могут действовать совместно, не сливаясь при этом в единую организацию, но автономно, присутствуя в общем русле разделяемых целей и идеалов. Подобная среда в глобализирующемся мире становится все более действенной и влиятельной.

К сожалению, осознание глубины и радикальности всех этих перемен явно запаздывало, их стандартная оценка не выходила за определенные психологические, интеллектуальные или политкорректные рамки. Хотя нельзя сказать, чтобы будущее представлялось безоблачным, особенно в последние годы: проскальзывало предчувствие драматичных событий, в числе которых ожидался и некий особый террористический акт (предполагалось, правда, что, он будет связан с локальным применением средств массового поражения). Но в любом случае, такого рода событие должно было изменить общественное сознание, высветить новизну ситуации, ускорить социальное время. Именно это и произошло.

Многое в настоящий момент видится яснее, очевидней становится масштаб произошедших за последнее десятилетие перемен и более внятной сама логика глобальной трансформации. Наверное, не ошибусь, если скажу, что совершившиеся за короткий по историческим меркам срок изменения коснулись буквально всех сторон социальной реальности. Сломалась не только ось социополитических координат Восток – Запад, но заметно трансформировалась и альтернативная ось Север – Юг. Одно из неизбежных

следствий подобной трансформации – проявление дефектности привычного интеллектуального инструментария, что порождает конъюнктурную суету и множащиеся ошибки. В обычных условиях тема полноценных социокультурных штудий, развернутый семантический анализ картины мира не представляет непосредственного практического интереса для органов государственного управления и задвигается ими на второй, если не на третий план. Однако в условиях серьезного искажения стратегической перспективы императив удержания контакта с реальностью вынуждает производить болезненную смену языка анализа, без чего равно затруднительны и концептуальная разведка, и сценарный анализ, и нормативное прогнозирование (планирование), а порой даже простое понимание и выстраивание нового реестра событий[1].

Горизонт прагматичного, технологического прогноза в последние годы заметно сжимается - это явно не та сценарная схема, которая может результативно функционировать в радикально меняющемся мире. Человеческое сообщество и процессы, в нем протекающие, не принадлежат миру мертвой материи, социальная же среда не только изменчива сама по себе, но – что серьезно усложняет анализ – изменчивыми оказываются ее познанные ранее закономерности и стандарты. Сегодня многие проверенные временем социальные алгоритмы не работают или работают «недолжным образом», хотя это уже тема для отдельного разговора. Социальное проектирование вступает сейчас в эру доминирования быстро сменяющих друг друга креативных социомоделей, имеющих весьма короткий срок эффективного действия, выстроенных *ad hoc* – применительно к той или иной ситуации (т.е. вне привычных канонов социодизайна).

Лучше всех новое положение вещей понимают, по-видимому, США, что подтверждается их действиями, которые, если обобщить происходящее, являются преадаптацией – т.е. активной политикой, нацеленной на опережение событий, частично отраженной теперь в концепции нанесения превентивных ударов по странам, угрожающим Америке. Однако фактическое применение данного алгоритма преадаптации началось заметно раньше 2002 г. Мозаика неурегулированных до конца конфликтов с внешним участием, – а тут можно вспомнить и Ирак, и Боснию, и Косово, и Македонию, и Афганистан, и другие, менее заметные ситуации, – выстраивается в единый типологический ряд. Умножаясь в числе и расширяясь в пропорциях, динамичная патина социальных вывихов и пришедших извне властных компенсаций постепенно сливается в оригинальный социально-топологический синтез – сложный рельеф повсеместно контролируемого и управляемого хаоса.

---

[1] Подробнее о проблеме стратегического планирования см.: Неклесса А.И. Интеллект, элита и управление // Россия XXI. – М., 2002, №1.

Соединенные Штаты на сегодняшний день самая мощная страна (страна-система) в мире, источник глобальной стратегической инициативы, «господствующая мировая держава», по выражению госсекретаря США Колина Пауэлла. Это своего рода Новый Рим, «мировой город», окруженный концентрическими кругами «провинций» и зависимых стран.[1] С каждым годом аллюзии на данную тему становятся более яркими, емкими: принятие ключевых решений в сфере мировой политики, позиция защиты цивилизации и противостояния мировому варварству, реализуемое подчас при участии варварских армий, союзников и наемников, императорские полномочия консула-президента, зона национальных интересов, простирающаяся на всю доступную Ойкумену... Но Америка, вместе с тем, видит для себя и определенный критический горизонт. В качестве конкретных сроков называются 2015-2020 годы (но подчас и более ранние, и более поздние рубежи), когда положение США может стать менее благоприятным, нежели оно является на сегодняшний день. При одном условии: если не действовать на опережение негативных тенденций и событий, но именно поэтому, если действовать, то – сейчас.

Таким образом, акции, осуществляемые Соединенными Штатами в Афганистане и других горячих точках планеты, в определенном смысле вообще не имеют временной границы[2]. Они скорее вписываются в некий стратегический рисунок, представляя звенья, «опорные площадки» выстраиваемой гибкой, динамичной системы управления турбулентными процессами на планете (контроль над ключевыми/критическими зонами и образуемые вокруг них оперативно-тактические коалиции), которая идет на смену прежней, вестфальской системе статичных международных связей. Одновременно с этим привычная стратегия сдерживания (устрашения) заменяется доктриной упреждающих ударов.

Представляется, что для США сейчас важна все-таки не полная и окончательная победа в том или ином конфликте, а нечто иное: перед Америкой стоит масштабная задача, которая и решается на практике – перехват и удержание стратегической инициативы, создание, апробация и утверждение новой схемы мирового управления. Я бы

---

[1] Это уже несколько иная версия глобализации, отходящая от недавних прописей. США, несколько парадоксальным на первый взгляд образом, начинают выступать с позиций своего рода «глобального неоизоляционизма», выводя себя за пределы общего круга глобализации («коллективные действия», «международные организации», «движение людей», «Киотский протокол», «создание международных судебных органов» и т.п.). В этом смысле можно, пожалуй, даже говорить о своеобразном «глобалистском антиглобализме» США.

[2] «…война не закончится до тех пор, пока не будут обнаружены, схвачены и обезврежены все до единой террористические группировки на земле» («Обращение к нации» Дж. Буша-младшего 20.11.2001).

охарактеризовал ее как динамичную, глобальную **систему мировых связей** (*intra-global relations*), чтобы отличить от прежней сбалансированной и стационарной **системы международных отношений** (*inter-national relations*). Особенно если учесть происходящее делегирование современным национальным государством своих компетенций сразу по трем векторам: глобальному, федеральному, субсидиарному, а также увеличение числа и типологии иных влиятельных участников мировых событий.

Серьезный вопрос – формы реализации подобного курса: будет ли он воплощаться единолично или же как некая коллективная позиция мирового сообщества (т.е. вкупе с другими его влиятельными членами), преимущественно мирными или военными средствами? И насколько перспективным на практике окажется вновь возрожденное манихейское прочтение международных отношений как сферы борьбы добра и зла (т.е. определение «оси зла» в качестве новой редакции идеи крестового похода против «империи зла»)?

Активно формируется также поствестфальская международно-правовая парадигма, закрепляющая в общественном сознании и в пространстве международных отношений «новый обычай» в качестве специфической нормы своеобразного протоправа. Его характерные черты – нечеткость законодательной базы, превалирование властной политической инициативы над юридически закрепленными полномочиями и сложившимися формами поведения государств на международной арене (важность этого фактора усиливается значением прецедента в англосаксонской правовой культуре), неформальный характер ряда влиятельных организаций, анонимность и принципиальная непубличность значительной части принимаемых решений и т.п.

Новацией последнего времени, в контексте господства норм международного права над национальным законодательством, является планомерно выстраиваемая практика судебного преследования со стороны международных и иностранных органов правосудия отставных и даже действующих глав государств, а также иных лиц, занимающих/занимавших высокие государственные посты. Кроме того, множатся попытки национальных судебных органов принимать решения, обязательные для исполнения иностранными государствами и международными организациями. Примером действий такого рода, воспринимаемым пока как курьез, является, в частности, принятие в начале 2001 г. одним из американских судов (если не ошибаюсь, судом штата Алабама) решения, запрещающего ОПЕК производить манипуляции с ценами на нефть. Со временем судебная ветвь власти может занять совершенно особое положение в Новом мире, трансформировавшись во власть транснациональную, в отличие от «провинциальных» институтов исполнительной и законодательной власти, тесно связанных с национальной территорией.

Геоэкономический и транснациональный универсум

Параллельно с возвышением Америки очерчиваются горизонты иного глобального субъекта – геоэкономического универсума Нового Севера, порождения универсальной «штабной экономики» и процесса транснационализации элит (как Севера, так и Юга), превращения их в своеобразную интернациональную метакорпорацию.

«Аналогия с империей в данном случае оправдана, потому что система мирового капитализма управляет теми, кто к ней принадлежит, и из нее нелегко выйти, – описывает создавшееся положение вещей хорошо разбирающейся в перипетиях финансово-экономического космоса интеллектуал-финансист Джордж Сорос. – Более того, она имеет центр и периферию как настоящая империя, и центр получает выгоды за счет периферии. Еще важнее то, что система мирового капитализма проявляет империалистические тенденции... Она не может быть спокойна, пока существуют какие-либо рынки или ресурсы, которые еще не вовлечены в ее орбиту. В этом отношении она мало чем отличается от империи Александра Великого или Аттилы Гунна, а ее экспансионистские тенденции могут стать началом ее гибели»[1]. Подобная схема имеет, однако, не только привычное социальное и географическое прочтение…

В 90-е годы многие исследователи прогнозировали смещение политических и силовых игр наступавшей эпохи из военно-политической сферы в экономическую вместе с эскалацией нового типа конфликтов – геоэкономических коллизий, развивающихся в широком контексте международных связей. Как писал один из влиятельных сторонников данного подхода, «геоэкономика основывается не только на логике, но и на синтаксисе геополитики и геостратегии, а в более широком смысле – и на всем существующем опыте конфликтных ситуаций»[2].

В новом веке экономика все более обретает политическую субъектность и соответствующий горизонт. Из процесса обустройства материального мира она трансформируется в полифоничное искусство стратегического действия и системных операций, происходит слияние политики с экономикой – проявляющееся особенно ярко в сфере международных отношений – формирование на данной основе системы глобальных взаимодействий и новых организованностей[3].

---

[1] Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. М., 1999. – С.114. См. также: Wittfogel K.A. *Die orientalische Despotie. Eine vergleichende Untersuchung totaler Macht*. Köln-Berlin, 1962.
[2] Карло Ж., Савона П. Геоэкономика. – М.: Ad Marginem, 1997. – С.42.
[3] «Глобализация драматически меняет природу власти. Демократически избранные правительства и их делегаты в международных организациях все более теряют власть, уступая влиянию международных бюрократий, транснациональных корпораций, собственников средств массовой информации и магнатов «глобального» финансового капи-

При этом частично стирается не только граница между внутренней и внешней политикой, между внутренним и внешним пространствами государства (доминирование глобального геоэкономического баланса над национальным), – экономическая деятельность прочитывается сейчас и как вполне самостоятельная субстанция, и, одновременно, как трансценденция любого сопутствующего ей материала, перманентное формирование новых предметных полей. Потенциал геоэкономического космоса представляется практически необъятным, здесь к некоторому логическому пределу подходит само развитие экономической практики, чей вектор устремлен от экстенсивного исчерпания материальных ресурсов цивилизации к интенсификации возможностей высокотехнологичного развития. (А в перспективе, с использованием возможностей виртуальной сферы, – к преодолению любых мыслимых пределов роста).

Стимулы же новой экономики, особенно в условиях дефицита радикальных технических инноваций и господства оптимизационных технологий, в возрастающей степени оказываются за пределами поля привычных операций. Иначе говоря, это уже не только хозяйственная сфера, но информационный, цифровой мир и с какого-то момента не только турбулентное пространство финансов, а, скорее, форма проекции политических и правовых норм. Еще один геоэкономический вектор XXI века – более тесная и более масштабная связь внешней политики с тем, что раньше являлось преимущественно экономической областью – стратегическими природными ресурсами, прежде всего с нефтью. Большая игра вокруг этого судьбоносного ресурса цивилизации, судя по всему, уже началась.

Явственнее становится неоднородный характер самой экономической среды, ее фактическая многоярусность. Экономическая история последнего времени весьма неоднозначна. Наряду с вектором либерализации в XX в. проявилась тенденция слияния политических проблем с экономическими, стремление установить перманентный контроль над хозяйственной деятельностью, реализовав в данной сфере тот или иной грандиозный управленческий проект. Методы при этом заметно разнились: от явных, грубых форм администрирования, свойственных социалистической и корпоративной моделям государственности, до гораздо более гибких – проклюнувшихся в административных амбициях международных институтов развития, в системах глобального финансового контроля или в некоторых типологических особенностях современной генерации ТНК. Так, параллельно с витринным конфликтом прошлого столетия между «со-

---

тала» (Послание правительствам и общественности участников консультации «Глобализация в Центральной и Восточной Европе: ответ на экологические, экономические и социальные последствия», Будапешт, 28 июня, 2001 г. Цит. по: "Независимая газета". 3.07.2001.)

циализмом» и «капитализмом», развивался гораздо менее очевидный, но более универсальный ***процесс подавления и маргинализации экономического многоголосья***, компрометации экономического либерализма, введения в эту область человеческой деятельности все более разнообразных «надстроек».

На этой же основе формируются сейчас модели глобальной налоговой системы и всемирного валютного регулирования (*currency board*), страхования национальных и региональных рисков, глобальной системы национальных банкротств, долгосрочного планирования динамики/географии ресурсных потоков, а также проекты конвертации виртуальных общепланетарных кредитов (образовавшихся на основе мировой резервной валюты) в реальные активы новых объектов собственности и последующего масштабного перераспределения основных фондов и т.п.

Аналогом и моделью архитектоники завершенной геоэкономической (трансэкономической и параполитической) конструкции может служить известный многоярусный «китайский шар». Геокон последовательно соединяет сопряженные виды деятельности в сложноподчиненную топологию экономистичного универсума. На нижнем, географически локализуемом уровне, это добыча природных ископаемых и их использование природозатратной экономикой; другой, более высокий локус – производство сырья интеллектуального и его освоение высокотехнологичным производством товаров и услуг. На транснациональном ярусе – производство финансовых ресурсов и применение технологий универсальной процентной дани в качестве механизма управления индустриальными объектами (в свою очередь плодящими потребность в данных ресурсах и услугах).

Но транснациональна также изнанка, «подполье» геоэкономического мироустройства – сдерживаемый цивилизацией порыв к инволюционному, хищническому использованию ее потенциала с целью извлечения краткосрочной прибыли, а также системный контроль над различными видами асоциальной практики. Отсюда в легальный сектор проникают правила игры, в которых правовой, а тем более, моральный контекст утрачивает былое значение. Наконец, на высшем этаже геокона – это ткущаяся сеть «штабной экономики», система глобального управления метаэкономикой, производство «правил игры», прямо и косвенно сочетающее экономику с политикой, предвосхищее унификацию источника легальных платежных средств, тотальный контроль над их движением и появление единой, диверсифицированной системы налоговых платежей.

Все это вместе взятое способно превратить пространства и «земли» геоэкономического универсума в плодородную ниву Нового мира – волшебный источник специфической квазиренты. Характер подобного геоэкономического социума, пожалуй, описывается следующей прозрачной формулой: ***то произведено, что продано, то капитал, что котируется на рынке, а бытие определяется правом на кредит***. Неосвоенной

пока что остается завершающая логический круг теза: ***тот не человек, кто не налогоплательщик***.

Особое качество постсовременного мира – не только его наметившаяся экономическая унификация, но также специфическая полифония, расширение диапазона возможностей. Новый транснациональный мир, имея подвижную систему координат, избирает для себя ту или иную форму реализации лишь как конъюнктурную фиксацию *status quo*. Подобный динамичный универсум начинает все более походить на «мир игры», где не все существующее достоверно и не все достоверное реально, где многие феномены устойчивы, но при этом не обязательно равновесны. Его парадоксальность, к примеру, проявляется в странном, на первый взгляд, сближении тенденций возрастания индивидуальной свободы и, одновременно, – социального контроля[1].

Что же касается нового поколения социальных институтов, то сейчас складывается особый тип корпоративной культуры, тесно связанный с постиндустриальным укладом и сетевой культурой в целом (который я называю феноменом «амбициозной корпорации»). Подобная организация в центр своей активности ставит некую нематериальную цель, серьезно понятую миссию, идею специфического типа развития. Если угодно – собственное прочтение реальности бытия, успешно решая при этом и чисто экономические задачи. По «модельной» шкале ранжируются прочие виды корпоративной активности. Вокруг данного смыслового центра выстраиваются различные комплементарные конфигурации, ассоциации, группы, причем решение ряда конкретных рабочих схем передается сопредельному «организационному рою». В целом действия такого агломерата тяготеют к совмещению интенсивной поисковой, «проектной» активности с системностью экстенсивных, пакетных действий в избранном направлении. Амбициозная корпорация активно применяет упомянутые выше «матричные» технологии, организующие, «топологизирующие» среду, создавая желательные для стратегических целей и текущей деятельности коллизии и ситуации.

Ориентация амбициозной корпорации на максимально гибкие организационные схемы хорошо защищает ее даже в случае весьма серьезных потрясений. Она вполне способна пожертвовать частью ради сохранения целого (тем более, что пути достижения желаемой цели формируются по сценарному, вариативному принципу). Кроме того, подобный тип организационной культуры позволяет реализовывать групповые действия в широком масштабе, одномоментно решая комплексные задачи, выстраивая системно-модульные схемы. Все это, впрочем, в той или иной мере делалось и раньше, но

---

[1] Сошлюсь на другую свою трилогию, опубликованную в журнале «Знамя»: «Контуры Нового мира и Россия (геоэкономический этюд)» (1995, №11), «Конец цивилизации, или Зигзаг истории» (1998, №1), «Конец эпохи Большого Модерна» (2000, №1).

темно-модульные схемы. Все это, впрочем, в той или иной мере делалось и раньше, но масштаб и оперативность действий были все-таки совершенно иные. Глобальный, кумулятивный эффект в нашем случае достигается за счет технических и технологических механизмов, освоенных цивилизацией совсем недавно. То есть полномасштабная реализация подобного феномена оказалась возможной лишь на основе постиндустриального уклада.

Пожалуй, главное отличительное свойство амбициозной корпорации – универсальность экспансии, расширение пределов собственной компетенции, неизбежно выводящее ее в пространства внешней политики, превращая, в частности, в институциональную основу и инструмент «астероидных групп». При этом синтетический подход к человеческой деятельности, решение экономических, политических, культурных задач «в одном флаконе» позволяет решать каждую из них в отдельности гораздо эффективнее за счет достигаемого синергетического эффекта. В сущности, речь идет уже не о хозяйственной деятельности, а об институционализации альтернативной транснациональной, трансэлитной системы управления, о решениях, касающихся стратегий развития человечества, о властных импульсах, формирующих сам контекст рассмотрения и принятия подобных решений. В своих различных модификациях это скорее социогуманитарные, а не экономические образования, объединяющие представителей самых разных направлений человеческой активности, членов транснационального «нового класса», действующих зачастую вне привычных структур власти. Здесь, кстати, само понятие «корпорация» приобретает прежний, основательно подзабытый смысловой оттенок.

В результате в динамичном и меняющемся мире возникает также новый класс угроз. Это борьба не только интеллекта, финансов, организационных принципов, технических возможностей, технологических решений, но, прежде всего, – борьба мировоззрений, борьба кодекса поведения прежней цивилизации и социальной семантики новой культуры. Постепенно на планете выстраивается глобальный и многоярусный *Undernet*, эксплуатирующий открывающиеся возможности для не ограниченных моральными препонами форм деятельности легальных и нелегальных организаций, где неформальный стиль и гибкость подобных организмов оказываются их существенными преимуществами. В новой, деформализованной международной среде сетевые конгломераты, прочерчивая границы собственной полифоничной и динамичной географии, выступают как, хотя и виртуальные, но, фактически, равнозначные партнеры более привычных государственных и корпоративных структур управления.

Что начинается после конца истории

То, что произошло 11 сентября 2001 г., меняет восприятие окружающего мира, но не сам мир. Дело даже не в том, что глобальная трансформация не осознавалась до «часа Х» во всей своей полноте, – бюрократический механизм в принципе плохо приспособлен к преадаптации, то есть в данном случае к реальному противостоянию еще не реализовавшимся угрозам. Прикладная политология также привыкла рассуждать, по-своему приспосабливаясь к логике административных структур, способных более-менее эффективно реагировать на угрозу лишь после ее реализации. Кроме того, из виду упускается, возможно, центральное обстоятельство – критическую роль сейчас играет не только совершенство процедур, но и статус личности, не только новые идеи, но и «старые» моральные и культурные ценности цивилизации.

Кризис культуры Большого Модерна назревал не одно десятилетие, весь XX век прошел под знаком поиска нового миропорядка. При этом триада социальных проектов века – коммунизм, фашизм, глобализм, – заменив собою религиозные ереси и конфликты былых столетий, по мере развертывания проявляли внутреннюю ущербность, на глазах современников преображаясь из утопий в антиутопии.

В нынешнем футурологическом сундуке «Пандора-21» постепенно накапливается критическая масса неприятных сюрпризов:

- умело сдерживаемая тенденция к развитию глобального финансово-экономического кризиса с последующим изменением социополитической конфигурации планеты;
- перспективы социального расслоения мира, автаркичной регионализации либо прямой неоархаизации его сегментов;
- возможность контрнаступления мобилизационных проектов и возникновения принципиально иных идеологических конструкций;
- формирование новой географии конфликтов и распространение «войн за ресурсы»;
- радикальный отход некоторых ядерных держав от существующих правил игры, более свободное применение современных военных средств, в том числе в качестве репрессалий;
- демонстрационное использование оружия массового поражения, прямая угроза его применения;
- растущая вероятность региональных ядерных конфликтов в странах Третьего мира, либо той или иной формы инцидента с оружием массового поражения (как ядерного, так и радиологического, химического, бактериологического) в странах Севера;

- превращение терроризма в международную систему, транснационализация и глобализация асоциальных и криминальных структур;
- центробежная, универсальная децентрализация международного сообщества.

Сейчас, по мере развертывания комплексной акции по установлению нового миропорядка и глобальной системы безопасности, можно также предвидеть появление новых форм развития кризисов и урегулирования конфликтов, связанных с трансформацией, взломом прежней системы социальной регуляции, с возросшей турбулентностью эклектичного пространства мирового андеграунда, с меняющейся логикой применения силы.

Профессор Йельского университета Пол Брекен в начале 2000 г. писал во влиятельном журнале *Foreign Affairs*: «Созданному Западом миру (уже) брошен вызов… в культурной и в философской сферах. Азия, которая стала утверждаться в экономическом плане в 60-70-х годах, утверждается сейчас также в военном аспекте».[1] Выдвигая тезис о наступлении «второго ядерного века» – т.е. ядерного противостояния вне прежней, биполярной конфигурации мира – американский политолог характеризовал его следующем образом: «Баллистические ракеты, несущие обычные боеголовки или оружие массового поражения, наряду с другими аналогичными технологиями сейчас доступны, по крайней мере, десятку азиатских стран – от Израиля до Северной Кореи, и это представляет собой важный сдвиг в мировом балансе сил. Рост азиатской военной мощи возвещает о начале второго ядерного века…».[2]

Еще более резко сформулировал свою позицию Международный институт стратегических исследований (IISS) в докладе о тенденциях мировой политики. Его вывод: главную угрозу для человечества представляют сейчас региональные конфликты в Азии с участием ядерных держав, в результате чего человечество «балансирует на грани между миром и войной».[3] Действительно, даже краткое перечисление основных субъектов азиатской военной силы – Китай, Япония, Тайвань, Северная и Южная Корея, Вьетнам, Индия, Пакистан, Иран, Израиль, Армения, Турция, арабский мир – несмотря на неполноту и явную эклектичность списка, а может быть, именно вследствие этой эклектичности, заставляет лишний раз задуматься над степенью безопасности и конфигурацией глобальной системы XXI века.

Однако при ближайшем ее рассмотрении проблема оказывается еще серьезнее. Геоэкономическому менталитету Запада противопоставлен цивилизационный вызов,

---

[1] *Foreign Affairs*. January-February 2000.
[2] *Ibid*.
[3] «Коммерсант». 5.5.2000.

включающий более свободное, нежели прежде, и что существенно – базирующееся на иной культурной платформе использование современных военных систем и различных форм оружия массового поражения. Человечество, по сути, вступает в эпоху «нецивилизованных войн» различной типологии и масштаба. Разработанные же ранее процедуры сдерживания, основанные на применения «оружия Судного Дня», и соответствующие системы безопасности явно или неявно ориентировались на вполне определенную систему ценностей и стереотипы поведения.

В начале 2001 г. мне довелось участвовать в совещании по безопасности Центрально-Азиатского региона, на котором, в частности, обсуждалась ситуация с наркотрафиком [1]. Ситуация, которая в привычной системе координат представляется практически безнадежной. Почему? Дело во многом именно в организационной асимметрии государственных органов и криминальных кланов. Высокая степень обратной связи и персональное разделение рисков внутри наркокартелей серьезно повышает их адаптивность, их эволюционные возможности к меняющимся условиям среды и принимаемым против них мерам. Кроме того, финансовое сверх-благополучие подобных организаций зиждется на иных, нежели у конвенциональной экономики принципах, а щедрое использование ресурсов не снижает конкурентоспособность. В результате борьба с наркотрафиком подчас напоминает усилия по локализации вирусных эпидемий, усилия, приводящие, в конечном счете, к возникновению все более изощренных и жизнестойких форм этой напасти.

Контуры глобальной нестабильности и специфической социальной динамики проявляются также в феномене **«диффузных войн»** – происходит транснационализация террористической деятельности, диффузия временных и пространственных границ военных и паравоенных конфликтов, их субъектов и объектов, применяемых средств и методов ведения боевых действий. В условиях трансформации миропорядка, когда «родовые признаки» прежнего цивилизационного контекста и государственности деформированы или ослаблены, современные военные системы становятся менее эффективными - вспомним конфуз Америки в распавшемся на кланы Сомали или вязкость, зыбкость ситуации в Косово и Македонии, когда вектор активности смещался от конфронтации с Сербией на «Албанскую армию освобождения». США, обладающие огромной мощью, столкнулись с безликим противником и анонимной агрессией.

Цивилизация, переходя в иное качество, сталкивается с новым типом угроз всерьез и надолго. И хотя сейчас разрабатываются и апробируются многообразные средства и

---

[1] Отчет о Бишкекской встрече, на которой в феврале 2001 г. обсуждалась тема «Преодоление афганского синдрома в Центральной Азии: моделирование безопасности», см. в журнале «Восток» (*Oriens*), 2001, №5.

технологии безопасности, тем не менее, все чаще приходится задумываться не столько о повышении эффективности существующих систем и подходов, сколько о принципиально иных путях обеспечения стратегической стабильности, об альтернативной концепции глобальной безопасности и радикальном обновлении реестра соответствующих действий, об изменении самой логики борьбы с аномизацией общества и международным терроризмом как явлением в целом. Новое поколение социальных технологий нельзя выстраивать по лекалам прежней схемы мироустройства.

Существующие системы обеспечения национальной безопасности, прежде всего, вооруженные силы, оказались настроенными на иную типологию угроз. В новых конфликтах их мощь, внутренне ориентированная на принцип пассивной эскалации устрашения, а не активной диверсификации форм противодействия (и одновременно – локализации новых пространств борьбы), словно уходит в песок. Эти системы были созданы, прежде всего, для борьбы с системами нападения таких же государств или их коалиций. По крайней мере, – с агрессией отчетливо выраженных институтов, с чем-то, что, как минимум, имеет географически локализуемую структуру. А против новых типологических субъектов, против финансовых, экономических, информационных, террористических и иных транснациональных структур действия, «не имеющих отечества», прежние системы безопасности оказываются гораздо менее эффективными [1].

На упоминавшейся выше Бишкекской встрече по безопасности в Центральной Азии автором была предложена к обсуждению квазиэкологическая методология противодействия негативным социальным явлениям. Суть концептуальной схемы – отход от рефлекторной политики («борьба с симптомами») и переход к системным действиям, типологически схожим со стратегией противостояния вирусным эпидемиям или экспансии нежелательных популяций («преадаптация», «разрушение потенциала антисистемы», «финансовая стерилизация», «подрыв патогенной среды обитания», «обеспечение определенного стандарта социально-экономического благополучия населения»). Надо сказать, новый терроризм, нанеся удар, также претерпел определенный ущерб, утратив, отчасти, потенциал внезапности и потеряв как феномен свою прежнюю безликость.

Отсутствие стратегического мышления проявляется между тем не в дефиците значимых целей, а, скорее, в непонимании контекста и логики событий, их семантики и внутреннего смысла. И, соответственно, – в мистифицировании реальности. К сожале-

---

[1] Ср.: «устрашение как угроза массированного удара возмездия по странам-агрессорам пустой звук для тайных террористических группировок, не имеющих ни страны, ни граждан, которых следует защищать» (из речи Дж. Буша-младшего перед выпускниками военной академии Вест-Пойнта 1 июня 2002 г.).

нию, в поисках чаемой панацеи от новых угроз нередко приходится сталкиваться с гипертрофией прежней логики обеспечения безопасности: надежды возлагаются на совершенствование уже существующих методов и технологий, но на новом уровне. Так, постепенно начинают обретать плоть модели, в рамках которых социальное пространство уподобляется цифровому[1].

Действительно, специалисты по безопасности признают, что, скажем, выследить компьютерного взломщика в Интернете значительно легче, чем преступника в обычном мире: компьютерные сети, набор серверов и протоколов, представляют собой среду, где варианты действия ограничены и фиксируемы, процессы могут быть в любой момент раскодированы и, таким образом, проконтролированы. А вот вне сетей, в реальном, а не виртуальном сообществе, кодов поведения существует неограниченное множество при явном дефиците «протоколов». Если и дальше следовать данной логике, то ***задача состоит в том, чтобы сузить множество вариантов поведения человека и уверенно контролировать оставшиеся. Идеал такой среды – тотально контролируемое общество.*** Попытка создать «всеобщий каталог», ввести пожизненный личный код, систематизировать персональную информацию уже предпринималась и в странах Шенгена, и в США, сейчас специалистами разрабатываются универсальные (в данном смысле) системы Digital Angel и Aura. Все это, однако, есть ***коренная ревизия начал современной цивилизации***, путь к уплощению личности, превращению субъекта в объект.

В новой психологической атмосфере ведутся активные дебаты о жизненной необходимости ограничить некоторые ключевые свободы, о разрешении спецслужбам доступа к частной информации. Скачкообразное ужесточение специальных процедур уже получило в Соединенных Штатах ярлык «новая нормальность». И вновь надежды возлагаются на технологии – информатику, биометрику, цифровые коды, телекоммуникационные системы, – эволюция которых начинает угрожать основной ценности нашего мира – свободной личности. Тут возникает порочный круг. Подобный сценарий является на деле тупиком цивилизации, ее логическим концом. Это ответ охранительного механизма на растущий организм, стремление переломить, а не оздоровить логику развития. Возможно, с технологической точки зрения задача тотальной слежки и может быть решена, но приведет это к созданию еще большей угрозы. В конечном счете, получится, что основной источник опасности – сама свобода.

Свобода – обоюдоостра. В пространстве исторического действия возник новый субъект, творящий реальность, – свободно действующая личность, отсеченная от

---

[1] Кстати говоря, в настоящее время целенаправленная агрессия против национального

прежних культурных корней. Этот новый человек, ощущая себя элитой нового мира, независимо от форм включенности в прежнюю систему, способен безжалостно распорядиться своей и чужой свободой, действуя как «с той», так и «с другой» стороны социальной иерархии. Сейчас у него в руках могучие инструменты: финансовые, организационные, информационные, технические. При этом диалог подобных личностей и пассионарных групп ведется через головы других людей, психологически воспринимаемых как безликий хор статистов.

Мир столкнулся с активным проявлением новой психологии, с интенсивным процессом социального творчества, со сменой социальных и культурных ожиданий. Гибкость и неподконтрольность, принципиальная непубличность действий неформальной элиты, набирающей вес, но при этом не нуждающейся в институционализации своих социальных претензий (по крайней мере, в прежнем смысле этого понятия), проявляется во внешней иррациональности, анонимности, даже эзотеричности семантики актуальных социальных связей. Новые субъекты транснациональных связей, действующие поверх прежних социальных конструкций и взявшие на себя бремя формирования будущего, подвергаются обвинениям в произвольном толковании закона и прямом пренебрежении им, гегемонизме, терроризме. Однако они ***не столько подавляют, сколько игнорируют институты публичной политики и демократии***, утрачивающие прежнее значение и приобретающие оттенок маргинальности в меняющейся социальной среде.

Мировое сообщество оказывается, по сути, поставленным перед альтернативой создания комплексной системы глобальной безопасности, «ориентированной на новый орган всемирно-политической власти» (З. Бжезинский) - или переходом к явно неклассическим сценариям новой, нестационарной модели международных отношений. Сейчас прочерчиваются, пожалуй, два видимых сценария развития событий на планете. Одна логическая траектория, чей дизайн достаточно внятен, – завершение строительства геоэкономического каркаса Нового мира[1]. Однако, если наметившаяся каталогизация мира окажется своеобразной иллюзией (истоки которой, возможно, коренятся в механистичных представлениях эпохи Просвещения), и мир будет все чаще спотыкаться о возникающие противоречия, то усилится стратегия, связанная с реализацией доктрины упреждающих действий - с перспективой глобального силового контроля в том или ином виде.

информационного пространства признается в США как вполне законный *casus belli.*

[1] Подробнее см.: Неклесса А.И. Ordo quadro: пришествие постсовременного мира // Мегатренды мирового развития – М.: Экономика, 2001; он же. Четвертый Рим. Глобальное

Можно также предвидеть появление новых форм развития кризисов и урегулирования конфликтов, связанных со сломом прежней системы взаимоотношений государств, с турбулентностью эклектичного пространства мирового андеграунда, с новой логикой применения силы. При этом не исключена существенная модификация и самой геоэкономической реальности: отчуждение прав владения от режима пользования, масштабное перераспределение ресурсов, энергии и объектов собственности – и еще, пожалуй, радикальное изменение структуры цен (в том числе, за счет целенаправленно взорванного мыльного пузыря финансов).

Итак, вопросы все же остаются. Куда движется современный мир: к монополярной (имперской) типологии правления глобальной страны-системы либо к той или иной форме международной администрации? К новой биполярности США и Китая, к многополюсному или олигархическому социуму? К апофеозу модернизации и появлению на планете реалий глобального гражданского общества? К безбрежному, анонимному социальному пространству, управляемому и направляемому безликими сетевыми организациями? Или же к турбулентному, многоплановому столкновению цивилизаций, либо – распаду всякой устойчивой социальности и вселенскому хаосу?

Сложившаяся на планете ситуация, кстати, по-своему достаточно беспощадна по отношению к самим Соединенным Штатам, как национальному государству. Америка по разным причинам взяла на себя в настоящий момент бремя глобальной политической и экономической ответственности и регуляции. Но при этом, оказавшись перед необходимостью активно утверждать свой новый статус, она близка к состоянию фрустрации, ибо столкнулась внутри себя – с нарастающим конфликтом элит и признаками экономического кризиса, а вовне – с субъектами, для взаимодействия с которыми у нее, в сущности, нет ни соответствующих развитых институтов, ни отлаженных механизмов. США обладают впечатляющей силой, но при первой же серьезной неудаче может обозначиться существенная реконфигурация международной системы, сопровождаемая мутацией самого американского общества.

В современной, транзитной логике военно-политического действия, обладание новым качеством могущества предполагает его активное проецирование (создание прецедентов с их последующей легитимацией). Обратная же ситуация чревата дезориентацией и даже утратой, обессмысливанием обретенной силы. В свою очередь дальнейшая дестабилизация окружающего мира легитимизирует применение силы и введение все более жестких форм мирового управления.

мышление и стратегическое планирование в последней трети XX века // Российские стратегические исследования – М.: Логос, 2002.

Будущий миропорядок, его версии, по-разному прочитываемые различными субъектами глобального стратегирования, находятся в состоянии явной или тайной конкуренции. В этом контексте события, связанные с иракской войной, стали своего рода моментом истины для США, для той прописи мирового порядка, которую они предложили миру и воплощают в реальность. Кстати, одно из оригинальных определений Соединенных Штатов, возникших в последнее время, — «бегемот с совестью». США, при всех критикуемых сейчас недостатках, – государство, которое декларирует демократическую систему ценностей. И основная претензия к Америке – лицемерие при применении данной системы, чреватое внутренней мутацией могучего организма.

Возможно, однако, реальная проблема заключается все-таки не столько в гегемонизме Америки, а в том, что Соединенные Штаты с задачей по установлению нового мирового порядка в намеченной на сегодняшний день категории превентивных действий, в конце концов, не справятся. Но означает ли это непременно торжество иного конструктивного, цивилизационного проекта: европейского, исламского, конфуцианского или иного? Есть ли у них реальная возможность взять на себя бремя глобальной ответственности? И что видится в таком случае альтернативой различным версиям мирового порядка? Одна из возможностей – наряду с оптимистичным концептом глобального сетевого общества – мировой беспорядок, выход на поверхность трансграничного андеграунда, и выглядывающей из него – порой в самых неожиданных местах и обличьях – «цивилизации смерти». Мировой терроризм – лишь один из приметных ликов этой квазицивилизации.

Дмитрий Глинский

КОНВЕРГЕНЦИЯ ЭЛИТ
И ОРИЕНТАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ГЛОБАЛЬНОГО ЦЕНТРА

Dmitri Glinski. Transnational Convergence of Elites and the «Orientalization» of Political Culture in the U.S.

This article explores the qualitative changes in the global Center visible in particular since the advent of Bush Jr. to the US presidency. The conceptual purpose of the analysis is to counter the de-subjectivation of politics under the impact of structural / systemic determinism that dilutes the responsibility of peripheral players and that has paralyzed the imagination of antisystemic forces, particularly in Russia. In reality, changes in the US are at least partly attributable to the reverse influence of the post-Soviet Periphery upon the Center. The tools of this influence are seen in the diffusion of the Byzantine and neo-Bolshevik political culture represented by Russia's reformers and her ruling establishment as a whole. Their patterns of behavior have been spreading through socialization in the international elite clubs, thus destabilizing Western identity and value system. While reviewing some alternative explanations of US administrations' drastic shift toward neoimperialism and police state, the article emphasizes the convergence of American and Soviet / post-Soviet elites, entailing a mutual deformation of values and dating back to the era of detente (when it emerged as the alternative to the revolutionary convergence of the systems), or even to the engagement of the Bolsheviks by the West in the 1920s at the expense of Russia's democratic revolutionaries.

К числу особенностей переживаемого ныне времени относится предельное обесценение понятий «новизны» и «уникальности» применительно к определяющим его событиям и явлениям. В частности, в неолиберальной аксиоматике утверждение о небывалости сложившегося мирового порядка - экономической «глобализации» в сочетании с геополитической однополярностью - является столь же тривиальным, сколь и безапелляционным. Подобная убежденность исходит, во-первых, из представления об определяющем значении технологического развития для любых институциональных и геополитических конфигураций - иначе говоря, уникальность миропорядка представляется производной от беспрецедентности поддерживающих его технологий. Во-вторых - и в непосредственной связи с предыдущим - несмотря на все метаморфозы с представлениями о времени, происходившие на протяжении XX века в различных областях знания, линейная поступательность и кумулятивность исторического развития (понимаемого почти исключительно как технологическое и институциональное совершенствование) остаются основополагающей идеологемой «глобального общества» и его западоцентричной «фаустовской» культуры, - а представление о циклических или иных, более сложных, ритмах истории по-прежнему допускается в лучшем случае как не претендующая на точность метафора. Парадоксальным образом это сочетается с отказом от парадигмы социального прогресса или, по меньшей мере, с предельной релятивизацией этого понятия.

Жертвой этой техноцентрической линейности оказывается обывательское сознание, вынужденное судорожно хвататься за информационные поручни на убыстряющем свое движение вверх эскалаторе технологических новаций и порождаемых ими будто бы невиданных доселе перемен в конфигурации окружающего мира. При этом указание на «новизну» все чаще служит заменой качественному определению событий, а сама эпоха настойчиво ускользает от попыток позитивной самоидентификации по отношению к прошлому, спесиво отмахиваясь от вчерашнего дня сколь универсальной, столь и зачастую бессодержательной приставкой «пост-» (постмодерн, постиндустриализм, посткоммунизм - далее везде). В такой ситуации само разграничение старого и нового обессмысливается либо превращается в произвольный инструмент идеологических манипуляций, в то время как подлинно инновационные, творческие элементы - равно как и приобретающие новое качество силы энтропии и цивилизационной деструкции - скрыты от посторонних глаз в калейдоскопе безостановочного технологического «апгрейда».

Не менее проблематична задача установления субъектности и механизмов совершающихся глобальных перемен. Описанному выше характеру происходящего соответствует впечатление его некоей бессубъектности (подкрепляемое идеологемой о всевластии безличного и беспристрастного «рынка») - или же, напротив, приписывание всего концентрированной воле и стратегическому замыслу узкого слоя «мировой элиты». Обе эти крайности сходятся в том, что резко сужают поле личной ответственности других потенциальных действующих лиц совершающейся исторической драмы, растворяя в океане всеобщей маргинальности ситуативные - и зачастую значительные - возможности отдельных людей и небольших групп, участвующих на том или ином уровне в процессах принятия решений в государственных и международных институтах.[1]

С этой фаталистической идеологемой бессубъектности глобальных процессов (либо их моносубъектности - тотальной контролируемости из всевластного мондиалистского Центра, подталкивающей, в конечном счете, к тем же выводам) тесно связан и другой парадокс. В социальной и политической аналитике, особенно в англоязычной - и в ориентированном на нее периферийном сознании «статусных интеллектуалов» в таких зависимых странах, как Россия - в попытках объяснения происходящих перемен

---

[1] В данной работе более традиционное понятие субъекта, восходящее к континентальным европейским корням отечественной социальной мысли, применяется не просто как замена англоязычного «актора», но и как более обширная категория, основанная, в свою очередь, на ином, более всеобъемлющем представлении о природе и формах социального действия. См., напр., Т.И.Заславская, «О субъектно-деятельностном аспекте трансформационного процесса», в кн. «Кто и куда стремится вести Россию?.. Акторы

доминируют структурные схемы, которые так или иначе упираются в «неумолимую логику» уже сложившихся рыночных либо силовых взаимоотношений, а тем самым могут объяснить лишь частные новшества, технологическое совершенствование статус-кво, а не качественные сдвиги, изменения тенденций развития. Это относится не только к традиционным направлениям консервативного и либерального мейнстрима (таким как неореализм, в своей наиболее упрощенной форме являющийся одной из основополагающих идеологем администрации Дж.Буша-младшего, а также милая сердцам чиновников международных учреждений неоинституциональная школа), но и, в значительной мере, к их критически настроенным оппонентам - представителям миросистемного анализа и родственной ему теории зависимости.

Банкротство одной из основ марксистской парадигмы - классового анализа исторических процессов - и опирающейся на него глобальной стратегии формирования идентичности альтернативного исторического субъекта образовало своего рода *вакуум субъектности* в критических направлениях мысли, исповедующих телеологию радикальных общественных преобразований в интересах большинства. Современные аналитические конструкции западных «левых» в подавляющем большинстве изображают улицу с односторонним движением - где миросистемные закономерности, в сочетании с теми или иными заданными историко-географическими параметрами, жестко детерминируют развитие отдельных стран, а Центр предопределяет развитие (а вернее, его невозможность) на большей части Периферии. С этим связано в целом разделяемое с «правыми» неверие «академических левых» в перспективу качественного усовершенствования существующего общества и отсутствие у них аналитического инструментария, объясняющего, каким образом некогда слабые и обреченные становятся сильными на новых исторических поворотах.

Подобный интеллектуальный и психологический декаданс формирует пораженческий настрой как у многих традиционных критиков системы на Западе, так и у периферийных и полупериферийных элит (в том числе и в России), зачастую становясь самосбывающимся пророчеством.[1] В свою очередь, ведущие игроки на поле глобального диссидентства - западные антисистемные движения, строители низовых самоуправляющихся структур в Бразилии, Мексике и других периферийных странах, оппозиционные сетевые сообщества, последовательные правозащитники - лишены действенных аналитических инструментов, необходимых для долгосрочного целеполагания и само-

---

макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса. 2001. Международный симпозиум 19-20 января 2001 г.» Под ред. Т.И.Заславской. М., 2001, с. 6.

[1] Этим же в значительной степени объясняется пессимистический "реализм" некогда ведущих левых изданий на Западе, таких как «Нью лефт ревью».

организации, позволяющих сконструировать механизмы эффективного воздействия «маргиналов» на ядро системы.

В качестве одной из попыток преодолеть эту ситуацию, в настоящей статье читателю будет представлена аналитическая конструкция, демонстрирующая ***обратное влияние Периферии и Полупериферии на Центр***, в данном случае - постсоветских элит[1] на некоторые ключевые тенденции политического развития Соединенных Штатов в течение примерно десяти лет после окончания Холодной войны и распада Союза. Сама постановка этого вопроса, казалось бы, противоречит здравому смыслу - а в действительности, идеологической доминанте, утверждающей абсолютную слабость России по отношению к глобальному Центру, императив приспособления (адаптации) к структурно предопределенной реальности, неспособность России как субъекта выступать в каком-либо ином, более продуктивном качестве, чем в роли посредника в дипломатическом торге между уходящим миром провинциального национализма и торжествующими победителями в борьбе за мировое господство.

И в самом деле, в системе координат, задаваемой исключительно материальными факторами - рисунком силовых геополитических взаимоотношений, экономическими показателями и даже институциональными рамками - постсоветская Россия, находящаяся под властью ельцинско-путинской политической династии, является глубоко периферийным образованием, которое не располагает никакими международно-правовыми инструментами, уже не говоря об экономических и военных, для эффективного воздействия на американскую политику. Окончились ничем не только вялые и противоречивые попытки Кремля на протяжении последнего десятка лет обзавестись подобными инструментами - путем вступления в НАТО либо привилегированного партнерства с этой организацией, повышения статуса ОБСЕ, присоединения к «большой семерке», сохранения и развития двустороннего контроля над вооружениями и, наконец, сколачивания «антитеррористической коалиции». Под грохот бомбежек Югославии, а затем и Ирака обрушился и ранее имевшийся институциональный каркас, ограничивавший внешнеполитическую свободу действий США, включая институт добровольного консенсуса в рамках самого Североатлантического альянса и встроенные ограничители Совета безопасности ООН. Осуществились надежды, которые связывали с приходом команды Буша крайние «унилатералисты» - поборники неограниченного американского суверенитета, понимаемого как право затевать что угодно, не считаясь

[1] В данной работе понятие «элиты» употребляется применительно как к советскому / постсоветскому, так и к американскому высшему слою общества без ценностной окраски, которая обычно придается ему в отечественной литературе. Иными словами, опре-

ни с кем и порвав путы транснациональных ограничителей, отождествляемых ими с «клинтоновской» глобализацией. (Тем самым и Россия как бы уравнялась в правах со всеми остальными, в том числе и с традиционно относившимся к глобальному Центру союзниками США в континентальной Европе - поскольку явных и четко очерченных механизмов влияния на глобальную политику американцев лишились все остальные правительства, от мала до велика.) Тем временем, судя по ряду признаков, начала оседать и система внутриполитических сдержек и противовесов в самих Соединенных Штатах - прежде всего поствьетнамское ограничение возможностей исполнительной власти давать волю своим воинственным порывам без согласования с Конгрессом.

Между тем на фоне прогрессирующей деструкции международно-правовых институтов и последовательного отказа американских внешнеполитических элит от взятия на себя каких-либо связывающих руки правовых обязательств по отношению к кому бы то ни было, статус России в качестве ключевого партнера победителей в холодной войне парадоксальным образом укреплялся относительно других игроков, в том числе западноевропейцев.[1] Одновременно - и, как будет подробнее объяснено ниже, небезрезультатно: российская элита, периферийная во всех вышеуказанных смыслах, получила небывалую для себя возможность воздействовать на некоторые стратегические аспекты американской внешней политики (а тем самым, опосредованно, на связанные с ней элементы политики внутренней, включая такие стержневые для американской идентичности вопросы, как отношение исполнительной власти к гражданским правам и правам человека).

Какие же инструменты в принципе могут сделать возможным подобное влияние - при отсутствии экономических ресурсов, фиксированных союзнических обязательств и международно-правовых ограничителей американского суверенитета? Как выясняется, весьма эффективным инструментом влияния даже глубокой Периферии на Центр - особенно в случае России, с ее все еще мощными культурными импульсами - оказывается ***диффузия политической культуры***[2] ***и стереотипов поведения***, распространяемых посредством социализации в транснациональной элите и способных оказывать ***быстрое и притом глубинное влияние на идентичность, систему ценностей и целе-***

деление постсоветской олигархии как элиты не подразумевает признания за ней каких-либо объективно-положительных свойств или ее легитимности в этом качестве.

[1] В этой связи характерна формула, взятая на вооружение администрацией в отношениях с государствами, критиковавшими или не до конца поддержавшими действия американцев в Ираке: «Наказать Францию, проигнорировать Германию и простить Россию».

[2] В данном случае, «антикультуры» (поскольку в отечественной традиции в понятие «культуры», как и «элиты», в отличие от западной терминологии, зачастую вкладывается оценочное, положительное содержание).

полагающие установки, казалось бы, неприступного Центра. В данном случае, как будет видно в дальнейшем, речь идет о негативном, разлагающем влиянии, дестабилизирующем цивилизационную идентичность объекта и пробуждающем его агрессивные инстинкты. Однако подобные же каналы и механизмы культурного проникновения, даже при отсутствии каких-либо других возможностей воздействия, могут при определенных условиях послужить гуманистическому преобразованию глобального имперского ядра.

Меняющаяся Америка

«Я просыпаюсь и говорю самому себе: "В стране произошел военный переворот". Тогда все происходящее становится вполне объяснимым.»

Американский дипломат, пожелавший остаться неизвестным

(из газеты «Лос-Анджелес таймс», 8 мая 2003 г.)[1]

В отличие от своего не столь аккуратного предшественника глобальный XXI век наступил почти с календарной точностью. В декабре 2000 г., в результате наиболее спорных в американской истории президентских выборов, в единственной оставшейся сверхдержаве пришла к власти группа сил, полных решимости покончить с периодом инерционного развития однополярной системы и предпринять шаги, гарантирующие необратимость военно-геополитического разрыва между США и всеми остальными крупными государствами мира. При этом, как выяснилось, достижение этой цели оказалось связано с глубокой внутренней перегруппировкой сил и прерыванием преемственности по отношению к ряду существенных, возможно, основополагающих элементов американской политической системы. За короткий срок произошло несколько «знаковых» событий, на которые, к примеру, в России дежурные аналитики не обратили достаточно серьезного внимания, но которые, с нашей точки зрения, обозначили качественные перемены во внутренней организации глобального Центра:

- Президентские выборы 2000 г. в США отличались от всех предшествующих, во-первых, сдвигом на более ранний срок внутрипартийных первичных выборов (primaries) в нескольких крупнейших штатах, что означало необходимость гораздо более мощных, чем прежде, финансовых инъекций на самом раннем этапе кампании, и, во-вторых, предельной концентрацией финансовых ресурсов, направлявшихся только на поддержку ведущих кандидатов; то и другое позволило устранить

[1] "Diplomats on the Defensive", *Los Angeles Times*, 8 May 2003.

неопределенность и отсечь второстепенных конкурентов - прежде всего на лево-либеральном фланге Демократической партии (таких, как дружелюбно настроенный к России Билл Брэдли) - непривычно рано, уже в самом начале избирательного сезона.

- Оба ведущих кандидата, с самого начала далеко обогнавшие конкурентов по масштабам финансовых вливаний - Буш и Гор, а также их кандидаты в вице-президенты - были не просто связаны, подобно своим предшественникам, союзническими отношениями с крупным капиталом различных отраслей, но и сами являлись непосредственными получателями прибыли крупнейших компаний в двух секторах экономики - нефтяном («Халлибэртон», «Оксидентал петролеум») и военно-промышленном (через такие корпорации как «Локхид Мартин» и «Карлайл» - как выяснилось впоследствии, последняя была непосредственно связана и с семейством бин Ладенов).[1]
- Впервые в американской истории победивший кандидат не только набрал относительное меньшинство голосов в национальном масштабе, но и буквально выцарапал победу из рук собственной родни - решающими для него оказались крайне сомнительные итоги голосования в штате, чья избирательная комиссия контролировалась его братом-губернатором. Также впервые в американской истории сын бывшего президента был не только избран на ту же должность при живом отце, но и получил от него практически готовую администрацию почти в неизменном составе (те же лица, только расставленные на других должностях). Во главе единственной сверхдержавы оказался не просто человек, по собственному признанию в прошлом страдавший алкоголизмом, но и крайне зависимая политическая фигура, человек-функция управляющих им клановых и корпоративных интересов.
- Впервые за десятилетия исполнительная и законодательная власть в США сконцентрировались в руках одной партии - республиканской - и, более того, руководство этими институтами досталось представителям ее воинствующего правоконсервативного крыла.
- Также впервые в истории в течение первых двух с небольшим лет нового президентства были затеяны сразу две вооруженные наземные интервенции в странах Восточного полушария, увенчавшиеся свержением правительств этих стран и размещением в них оккупационных войск. При этом существенно изменилась идеоло-

---

[1] Совпадение обоих кандидатов по биографическим характеристикам (принадлежности к олигархическим семействам) и основным позициям, в сочетании с характерной риторикой, вызвали к жизни образ «президента Горбушова», введенный в оборот одним из аналитиков.

гическая упаковка - в отличие от прошлого, основные идеологи американской внешней политики не столько защищались от обвинений в империализме, сколько делали упор на положительное переосмысление этого понятия, по сути признавая имперский характер проводимой экспансии и настаивая на ее цивилизаторской и стабилизационной миссии. Одновременно ключевые фигуры министерства обороны - Д.Рамсфельд, П.Вольфовиц и их ближайший советник Р.Перл - с согласия Буша взяли на себя внешнеполитические функции, традиционно являвшиеся исключительной прерогативой профессиональных дипломатов в госдепартаменте.

- Наконец, впервые в истории США в отсутствие гражданской войны исполнительная и законодательная власти сообща предприняли столь далеко идущие ограничения прав и свобод американских граждан, прежде всего путем принятия Конгрессом осенью 2001 года «Патриотического акта» (*PATRIOT Act*) и создания трудно-представимого в эпоху классической либеральной демократии Департамента внутренней безопасности.

Разумеется, и обе войны, и наступление на гражданские права последовали за еще одним исторически беспрецедентным событием - терактами 11 сентября 2001 г., унесшими жизни более трех тысяч ни в чем не повинных американцев и граждан других стран, оказавшихся на американской земле. Действительно, и это тоже случилось впервые. И если хотя бы небольшая часть разоблачений, предпринятых французским автором Тьерри Мейссаном, будет неопровержимо доказана, то речь идет о столь же небывалой в современной истории одной из классических либеральных демократий готовности ряда элитных групп жертвовать жизнями тысяч собственных граждан в рамках многоходовой комбинации по достижению своих внутриполитических и глобальных целей. Однако достаточно имеющихся фактов для того, чтобы, не прибегая к недоказанным конспирологическим версиям, признать, что и стратегическое планирование военных действий на Среднем Востоке, и ревизия элементов либеральной демократии со стороны «силовых структур» исполнительной власти (прежде всего Генеральной прокуратуры, оказавшейся под началом ультраправого политика Дж.Эшкрофта, а также ФБР) *в основном предшествовали террористическим актам 11 сентября 2001 г.*[1], а потому не могут рассматриваться исключительно как реакция на них.

---

[1] Уже в середине 1990-х гг., после взрывов в здании Всемирного торгового центра и правительственном учреждении в Оклахоме, республиканский Конгресс внес изменения в один из основополагающих либерально-демократических документов - исторический закон 1878 г. (*Posse Comitatus Act*), воспрещавший привлечение армии к выполнению полицейских функций внутри США без специального разрешения Конгресса или президента. Теперь это разрешение в случае «катастрофических» обстоятельств мог давать Генеральный прокурор (что, с точки зрения правых, имело смысл при либераль-

Как нетрудно заключить из вышесказанного, речь идет о признаках ***качественной трансформации глобального Центра*** - в отличие как от распространенного мнения о том, будто бы сегодняшний воинственный настрой американской элиты и значительной части общества является лишь временной психологической реакцией на теракты, так и от представлений о некоем традиционном, экономически или, хуже того, метафизически («цивилизационно») заданном империализме американской внешней политики. Предлагаемая здесь постановка вопроса исходит из презумпции того, что для «классического» американского общества идеологемы либеральной демократии, включая представления о правах человека и гражданина, а также о правах наций на самоопределение (включая, соответственно, отрицательное содержание понятия «империализм»), о меритократической основе социальной мобильности, механизмах разделения властей, а также безоговорочного отделения общественного от частного, были ключевыми элементами национальной идентичности и доминирующей политической культуры, и лишь в последнюю очередь, лишь для части правящих элит - инструментами пропагандистской манипуляции. Более того, эти идеологические скрепы до сих пор обеспечивали цивилизационное единство американского «суперэтноса» - подобно тому, как социалистическая телеология обеспечивала до поры до времени суперэтническую идентичность «советского человека». Таким образом, *откровенная установка на сворачивание гражданских прав и свобод означает, по сути, ревизию ценностных основ национальной идентичности и политической культуры*. То же самое относится и к реабилитации понятий «империя» и «империализм»: для государства, которое родилось в борьбе с британской колониальной империей и было первым продуктом всемирной деколонизации, это - далеко идущий разрыв с собственными историческими корнями.

Разумеется, реальное функционирование демократии и в прошлом (к примеру, в эпоху маккартизма или вильсоновских гонений на прокоммунистическую интеллигенцию) зачастую расходилось с декларируемыми принципами, как это было с идеологией в Советском Союзе или любой другой «идеократической» системе - однако сами фундаментальные принципы при этом не подвергались сомнению. Точно так же американ-

---

ном президенте Клинтоне, учитывая значительную степень подконтрольности Генеральной прокуратуры Конгрессу). Проект же закона о создании ведомства национальной внутренней безопасности был внесен республиканским конгрессменом от штата Техас за три месяца до нью-йоркских терактов. Что касается войны в Персидском заливе, то еще в 1998 г. будущие ключевые деятели администрации Буша II - включая Р.Перла, Д.Рамсфелда, П.Волфовица и Р.Эрмитеджа - обратились к президенту Клинтону с настоятельным призывом организовать вооруженное свержение Хусейна с участием американских сухопутных войск; этот план был частью «интеллектуального капитала», инвестированного «партией войны» в администрацию Буша-младшего. С са-

ские войска и прежде вторгались на чужие земли - но подозрения в империалистических замыслах все же стремились развеять. Даже исторически наиболее сопоставимый с внешнеполитическим курсом Буша-младшего империализм Уильяма Маккинли (1897-1901) и Теодора Рузвельта (1901-09 гг.) - знаменовавший собой первое за более чем сто лет независимости геополитическое сближение с Великобританией и попытку построения англосаксонского атлантического альянса - существенно отличался по своей идеологической легитимации (его оправданием служила необходимость ответных мер в связи с колониальной экспансией континентальных европейских держав) и, что немаловажно, сопровождался далеко идущими демократическими и антимонополистическими преобразованиями внутри страны под руководством действительно сильной исполнительной власти, дистанцировавшейся от экономической элиты («прогрессивная эра», известная своим антитрестовским законодательством). На этом фоне особенно бросается в глаза беспрецедентное для Соединенных Штатов и знакомое скорее по истории европейских континентальных империй сочетание военной экспансии с ограничением гражданских свобод и одновременно с переделом социально-экономического пирога в пользу узкого слоя правящей элиты - что создает впечатление не только демодернизации, но и своего рода «деамериканизации» американской политической культуры.

Какова же историческая и социокультурная природа происходящих перемен в глобальном Центре, в результате которых, по наблюдению вполне ортодоксального глобалиста из «Нью-Йорк таймс» Т.Фридмана, даже традиционные союзники США в Европе приходят к выводу о том, что «контракт между Америкой и остальным миром оказался нарушен»?[1] Этим вопросом задаются и критически мыслящие американские наблюдатели. При этом национальной чертой американской аналитики остается тенденция искать объяснения происходящего в личных качествах и биографии исторических персонажей. Так, Майкл Линд - один из умеренных оппонентов «уклона в империю», выступающий с точки зрения американоцентричного традиционализма - в своей недавней книге уделяет основное внимание «техасскому фактору».[1] По его мнению, внешнеполитическая и экономическая идеология Буша-младшего определяется сочетанием архаического, «ветхозаветного» протестантизма белого меньшинства на расово и этнически пестрой окраине с экономической ориентацией техасской элиты на извлечение сверхприбылей из сырьевой ренты и дешевого труда ущемленных в своих правах этно-

---

мого начала правления новой администрации США усилили бомбардировки северной части иракской территории и к концу августа 2001 г. бомбили ее по три раза в неделю.

[1] Thomas L. Friedman, "The Western Front", *New York Times*, 23 March 2003.

культурных групп (негров и мексиканцев). Отсюда - и недоверие к высокотехнологичной «новой экономике», сближающее техасских сырьевых олигархов с малообразованной и неподготовленной к постиндустриальному миру континентальной глубинкой, оказавшейся в положении внутренней периферии в условиях глобализации, технологического бума и наплыва конкурентоспособных иммигрантов. Таким образом, социокультурная опора нынешней администрации и ее устойчивой популярности представляет собой архаическую реакцию в различных слоях общества на техноцентричную и нивелирующую идентичности «экономику знаний», которая в перспективе угрожает размыванием прежних критериев центро-периферичности и социального статуса. В этом смысле подобная реакция сродни европейской правонационалистической волне, представленной политиками от Жан-Мари Ле Пена до Йорга Хайдера.

Однако в этой связи возникают новые вопросы. Во-первых, роль нынешнего президента в разработке стратегических направлений внутренней и внешней политики не столь значительна - по причинам, о которых говорилось выше. Основные инициативы исходят от других членов администрации, многие из которых пребывают в правящей элите не первый десяток лет, и в том числе занимали посты при Буше-старшем, чьи действия внутри и вовне отличались как раз осторожным традиционализмом в таких сферах, как демократические права и свободы, координация политики с европейскими союзниками, обращение с институтами международного права и собственным Конгрессом, а также риторика благородного «интернационализма» в отношениях с глобальной периферией. В руководстве нынешнего Конгресса, проголосовавшего за PATRIOT Act, также нет новичков, вышедших из политических прерий. Что же происходило с ментальностью традиционных американских элит на протяжении последнего десятка лет? Каким образом чиновники, считавшиеся в администрации Буша-старшего неуравновешенными экстремистами, от которых при первом удобном случае норовили избавиться (например, П.Вольфовиц, потерявший свой пост в министерстве обороны вследствие публикации в марте 1992 г. составленного им скандального по тем временам меморандума, в котором целью американской внешней политики объявлялось недопущение конкуренции со стороны новых кандидатов в сверхдержавы), оказались ведущими идеологами второго издания той же администрации и смогли без труда воплотить свои буйные фантазии начала 90-х в новой Стратегии национальной безопасности? Почему традиционалисты, ориентированные на международное сотрудничество и консенсус в отношениях с союзниками, в том числе и такие, как К.Пауэлл, обладавший на протяжении 90-х годов мощной политической и медийной поддержкой, оказались в

---

[1] Michael Lind. *Made in Texas*, 2002. (Концепция книги изложена в серии статей, опуб-

меньшинстве? Вопросов становится еще больше, если учесть, что сдвиг по социокультурной оси координат в американской элите начался еще до смены власти в Вашингтоне, о чем свидетельствует уже сам механизм выдвижения на ключевые роли представителей вчерашней политико-идеологической периферии - особенно на фоне тех действий, которые «международное сообщество» и традиционалистские западные элиты предпринимают для недопущения во власть типологически близких персонажей в других странах (от уже упомянутых Ле Пена и Хайдера до В.Мечьяра и К.В.Тудора, не говоря об их хорошо известных российских аналогах).

Представляется, что ответ на эти вопросы следует искать прежде всего в плоскости глобальных изменений. Основной же институциональной средой и механизмом передачи глобальных тенденций на уровень внутриэлитных процессов в отдельной стране выступает ***транснациональное сообщество элит***. Именно американские участники транснациональных элитных клубов с американской стороны - таких, как давосский Всемирный экономический форум, структуры «большой семерки», связанные с ними подразделения международных финансовых институтов - принимали основные решения о концентрированной финансовой поддержке и продвижении на ключевые посты людей, способных на решительный разрыв с либерально-демократическими устоями американского общества, с традицией многостороннего дипломатического консенсуса, с контролем над вооружениями и с другими ограничителями произвола отдельных игроков в мировой политике. И если Буш-младший и был извлечен ими из техасской глубинки почти перед самым началом избирательной кампании, то ключевые фигуры администрации, проведшие десятки лет в Вашингтоне и других центрах мировой политики, никак не могут считаться провинциалами. Стало быть, хотя линия на ослабление традиционных внутренних и международно-правовых ограничителей исполнительной власти - под прикрытием националистической риторики, взывающей к наиболее архаичным и косным элементам внутренней периферии - и не была сознательно санкционирована каким-либо мифическим общим собранием мировой элиты, однако она и не встретила в этой среде сколь-нибудь значительного противодействия, а правило «молчание - знак согласия» представляется применимым на подобных исторических поворотах. Причем это сочетание готовности агрессивного меньшинства к радикальным сдвигам с благожелательным нейтралитетом большинства глобальной элиты сложилось не тогда, когда с точки зрения голого прагматизма, игнорирующего социокультурные и идеологические факторы, подобные сдвиги были бы наиболее легко осуществимы - т.е. в 1991-93 годах - а лишь в следующей фазе исторического цикла, после то-

---

ликованных на сайте http://www.theglobalist.org.)

го, как само транснациональное элитное сообщество претерпело глубокую внутреннюю трансформацию. Основные же изменения в составе мировой элиты в 90-е годы, хотя бы с чисто статистической точки зрения, ***были связаны с притоком в глобальные институты представителей посткоммунистической номенклатуры и производного от нее политико-предпринимательского слоя*** - в первую очередь из России, а также, в меньшей степени, из других стран бывшего СССР и Варшавского блока.

Конвергенция элит

В сравнительной политологии понятие «конвергенция элит» описывает процесс постепенного сближения руководящих верхушек враждебных партий, который позволяет свести к минимуму угрозу гражданской войны или иных насильственных действий. Тем самым обеспечивается предсказуемость и рутинность политической жизни в стране - зачастую вопреки непримиримой враждебности друг другу рядовых обывателей, чьи интересы, как предполагается, взялись представлять упомянутые элиты. Процессы, связанные с примирением конфликтующих элит и их уподоблением друг другу поверх представляемых ими партий, пользовались особенной популярностью в так называемой «транзитологической» школе, которая поставила внутриэлитные отношения в центр своего анализа успехов демократизации в странах Южной Европы и Латинской Америки, а затем пыталась использовать эти же аналитические конструкции для моделирования (и стандартизации) демократических процессов в постсоветских и постсоциалистических обществах.[1]

В настоящей работе этот термин используется в контексте международной политики как инструмент для объяснения происходившего в последние десятилетия в отношениях между элитами глобального Центра и постсоветской периферии в рамках формирования транснационального сообщества элит «Севера». Думается, что подобное использование данного понятия соответствует и сути описываемых процессов, и представлению их участников о собственной субъектности и роли в них. Ключевым элементом понятия конвергенции элит является представление об их «встречной деформации», изначально сформулированное применительно к конвергенции систем.

Глобальная конвергенция элит и стала в определенном смысле слова ***заменой (а точнее, подменой) нереализованного проекта конвергенции систем***. Собственно, именно революционно-демократическая составляющая этого проекта, проявившаяся в пражской и парижской весне 1968 года и благополучно нейтрализованная элитами За-

---

[1] John Higley, Richard Gunther, eds. *Elites and Democratic Consolidation in Latin America and Eastern Europe* (Cambridge University Press, 1992).

пада и Востока, и стала отправной точкой для выдвижения ***проекта глобальной контрреформы***, основанного на осознании общих интересов этих элит - как по отношению к наиболее творческим, инновационным (а значит, по определению «дестабилизирующим») силам в собственных обществах, так и перед лицом растущих государств и иных субъектов политики в странах «третьего мира». В создавшейся в конце 1960-х годов ситуации национально-освободительные, антиколониальные силы Третьего мира, движение за гражданские права в Соединенных Штатах и гуманистическая доминанта внутри диссидентского движения в «соцстранах», несмотря на иногда подлинные, а зачастую иллюзорные доктринальные различия, ***социокультурно*** были близки друг другу и могли сомкнуться при наличии глобальной идеологии (контуры которой прорисовывались в проекте конвергенции систем), а также глобальных лидеров подобного движения.

В этом смысле первым этапом конвергенции элит стала эпоха разрядки - с ее отказом от «освободительной» риторики с обеих сторон и подспудным взаимопониманием по вопросу о том, чтобы не способствовать укреплению позиций наиболее глобально мысливших диссидентов из противоложного лагеря и уж тем более их институциональному или идейному сближению друг с другом, чреватому возникновением революционного «диссидентского интернационала». Исходным элементом конвергенции на этом этапе - *конвергенции интересов* - была приверженность приоритету глобальной стабильности и управляемости мировыми процессами. (О *конвергенции политической культуры* применительно к этому периоду, по-видимому, говорить еще рано, несмотря на «византийскую» составляющую поведения Никсона по отношению к своим внутриполитическим оппонентам, которая была исключением, подтверждающим правило, поскольку в конечном счете стоила ему президентства.) Международная конструкция разрядки, рожденная умами высокопоставленных восточноевропейских иммигрантов в США, таких как Генри Киссинджер, позволила *выстроить над видимой биполярностью незримый до поры до времени однополярный купол* - в виде транснационального сообщества элит «от Ванкувера до Владивостока», ориентированных на стабильность и высокую управляемость вверенного им мира. Под этим куполом образовалась та самая теплица, в которой произросла финансовая глобализация, подменившая свободу перемещения рядовых граждан планеты (т.е. рабочей силы) свободой перемещения спекулятивных капиталов и в конце концов позволившая советской элите остаться «при своих» и на развалинах советской системы - при помощи и с согласия своих западных партнеров. При этом основой конвергенции элит стала экспансия «западных» потребительских стандартов и втягивания в нее на периферийных основаниях части советской номенклатуры и представителей правящего слоя стран, находившихся в сфере ее влияния. (Одновременно в своем глобальном контрнаступлении элиты эпохи разрядки ис-

пользовали в собственных интересах такие массовые устремления 60-х и 70-х годов на Западе и Востоке, как антивоенный настрой и стремление к минимизации межгосударственных барьеров.)

Наступление разрядки в 1970-71 гг., как известно, совпало с решением администрации Никсона об одностороннем отказе от привязки доллара к золотому стандарту и, тем самым, с ликвидацией основанной на фиксированных курсах валют системы Бреттон-Вудса, а также с глобальным замедлением экономического роста и роста производительности труда. Замедление роста, сопровождавшееся на идеологическом уровне отказом значительной части западных элит от доктрины неограниченного экономического прогресса (см. труды Римского клуба и прежде всего доклад «Пределы роста»), блокировало угрожающую перспективу «революции ожиданий», связанную с технологическими сдвигами 60-х. В отношениях подспудно складывавшейся транснациональной элиты Северного полушария («зоны СБСЕ») с «третьим миром» рубежным событием стало введение в 1969 г. по согласованию великих держав договорного режима нераспространения ядерного оружия, целью которого было исключить (или, по крайней мере, затормозить) появление вслед за Китаем новых ядерных держав за пределами «биполярного» Севера. Вместо выборочной поддержки антиколониальных движений в рамках конкурентной биполярности происходил частичный раздел «третьего мира» на сферы влияния. Кремль давал возможность республиканским администрациям уйти из Индокитая с минимальными потерями и ликвидировать последствия несостоявшейся революции 60-х и Уотергейта, не допустив при этом до власти радикальных реформаторов типа Дж.Макговерна. В свою очередь, администрации Никсона и Форда не препятствовали брежневской номенклатуре разделываться с диссидентским движением в СССР и Варшавском блоке, последовательно отказывая его лидерам в легитимности в качестве самостоятельных субъектов международной политики. При этом, в силу решаемых обеими сторонами задач уже в этом первом эксперименте по конвергенции ключевую функциональную роль играли высшие чины советских и американских спецслужб - в том числе «андроповцы» с советской стороны и люди будущего президента Дж.Буша-старшего, возглавлявшего ЦРУ при администрации Форда.

В условиях заведомого неравновесия сил между достигшими глобального *modus vivendi* элитами «Севера» и остальной частью мирового сообщества дальнейшее движение по этому пути сулило глобальный экономический застой, нарастание политического монополизма, нравственный и культурный декаданс. Однако в течение нескольких лет намечавшаяся модель отношений была взорвана - изнутри Соединенных Штатов. Строители транснационального элитного сообщества были вынуждены отступить перед лицом избирательного бунта демократических низов (поддержанных влиятельными элитными группами) - на президентских выборах, завершившихся победой спер-

ва Дж.Картера (1976), а затем и Р.Рейгана (1980 и 1984 гг.). Избрание того и другого означало, хотя и в разных смыслах, ***попытку различных сил американского общества переставить акценты в политике с глобализма на возвращение к национальным интересам и ценностям***. В 1976 г. речь шла о возврате к истокам либеральной демократии в ее правозащитном аспекте, в 1980-м и 1984-м - к низовой частнопредпринимательской стихии, скованной не только наследием рузвельтовского «нового курса», но и возникавшими элементами международно-правового регулирования. Одним из самых устойчивых носителей этой «антиконвергентной» тенденции оказалась наиболее способная к мобилизации в защиту своих интересов новая внутриамериканская периферия - свежая волна восточноевропейских иммигрантов. Одновременно начавшиеся на общей мобилизационной волне экономические преобразования (после того, как Пол Волкер в 1979 г. возглавил Федеральную резервную систему) позволили преодолеть наметившуюся стагнацию и совершить рывок в направлении нового технологического уклада. Вашингтонским «византийцам» пришлось отойти на второй план - хотя и ненадолго. Если в период правления Картера киссинджерианская премудрость считалась полностью дискредитированной и аморальной, то уже при выдвижении Рейгана кандидатом от республиканской партии в 1980 г. им удалось продавить на вице-президентскую должность относительно «своего» человека - Дж.Буша, уже обогащенного опытом первого эксперимента по конвергенции элит.

Что же касается Советского Союза, то, как известно, отсутствие демократических механизмов обратной связи между правителями и обществом и, соответственно, притока свежих сил в политический истеблишмент исключило из числа возможных сценарий, при котором соблазн конвергенции элит, ведущий к их отрыву от породившей их системы и основ национальной идентичности, был бы если не преодолен, то по крайней мере ограничен и маргинализован внутри самого правящего класса в ходе открытой и конкурентной политической борьбы. По сути, ни один из двух альтернативных глобалистских проектов 60-70-х годов - конвергенции систем и конвергенции элит - не прошел свой естественный путь развития в Советском Союзе именно в силу политических ограничений. Носители первого проекта были лишены реальных политических прав и все больше радикализовались, убеждаясь в невозможности эволюционного развития советской системы в направлении либеральной демократии. Одновременно заинтересованные в конвергенции элит номенклатурные группы не были стеснены политической конкуренцией, которая побуждала бы их к критическому переосмыслению и корректировке своих действий. Поэтому не удивительно, что стратегия конвергенции элит (в рамках американоцентричного мирового порядка) оказалась и идеологической, и культурной доминантой конца 1980-х годов - в момент, когда перед советскими при-

вилегированными слоями открылись обширные возможности выбора как собственной модели поведения, так и сценариев дальнейшего развития общества.

«Бросок на Запад»

На первый взгляд, само слово «конвергенция» не очень-то и подходит для описания отношений посткоммунистической номенклатуры с «высшим обществом» Соединенных Штатов с конца 1980-х годов - прежде всего в силу кажущейся однонаправленности совершавшихся процессов. Старая и новая номенклатура «послойно», вместе со своими многочисленными клиентами на более низких ярусах постсоветского общества, по доброй воле и даже с некоторым сладострастием втягивалась в состояние финансовой и психологической зависимости от глобального Центра, добровольно предавалась ей, в решающие моменты и не пытаясь добиться от своих американских партнеров движения навстречу по каким-либо существенным параметрам. Готовность не только представителей частных экономических интересов, но и, прежде всего, государственных мужей, обремененных по крайней мере формальной ответственностью перед избиравшими их гражданами России, идти по пути ее геополитического и экономического разрушения, осуществляя при этом прежде невообразимые (и порой даже не высказанные вслух) пожелания американских партнеров зафиксирована - зачастую заодно с неподдельным изумлением самих американцев - во многочисленных западных источниках.[1]

Тем не менее, как представляется, именно в этот период предельной утраты Россией рычагов *материального* (экономического и силового) влияния на действия своих западных партнеров ее новый правящий класс оказал наибольшее влияние на трансформацию их *идеологии и политической культуры*. ***В том, что действие конвергентных процессов деформации оказалось взаимным, решающую роль сыграла чисто прагматическая готовность западных элит*** (сперва лишь немногих и не без драматической внутренней борьбы) ***принять в свой состав новый, «византийский» слой постсоветских глобалистов*** с его криминально-нигилистическим, грабительским са-

---

[1] Хрестоматийный для американцев пример - обращение А.Козырева к Р.Никсону во время встречи в 1992 году с просьбой помочь сформулировать национальные интересы России (о чем оставили свои свидетельства как экс-президент, так и его помощник в описываемый период Д.Саймс). Другой частью американского фольклора стало поразившее С.Тэлбота согласие Москвы в 1995 г. на то, чтобы ее миротворческий контингент в Боснии служил под командованием американского генерала - согласие, по мнению ряда западных наблюдателей, психологически предопределившее дальнейшую логику российско-американского взаимодействия на Балканах. Об экономических и правовых аспектах «игры в поддавки»с глобальным Центром уже в самой России см. Ю.Болдырев, «Похищение Евразии», М., 2003.

мосознанием, придав тем самым легитимность итогам и, следовательно, методам «Большого Хапка» - а тем самым поступиться рядом неписаных критериев своей корпоративной и (при всей заведомой спорности этого термина) цивилизационной идентичности.

Многие сегодня удивятся, если сказать им о том, что в 1992 и даже 1993 году образ России в «виртуальной реальности» мировой политики был гораздо более положительным, чем за весь последующий период вплоть до сегодняшнего дня. Тем не менее, западные источники свидетельствуют: Россия воспринималась *значительной, если не подавляющей* частью мирового общественного мнения в качестве великой державы, по собственной воле отошедшей от биполярного соперничества, а утверждения «ястребов» холодной войны (если воспользоваться американским же клише) об их исторической победе выглядели как предвыборный пиар с целью обыграть либералов - за который американские избиратели так и не наградили Дж.Буша-старшего вторым президентским сроком. В начале 1990-х, когда одной из самых популярных тем в американской внутриполитической риторике была возможность воспользоваться «мирным дивидендом» - полученной экономией военных расходов, направив эти средства на обеспечение по-европейски дешевого доступа к медицине и образованию для большинства американцев, а редактор более чем умеренного журнала «Тайм» Строб Тэлбот рассуждал на его страницах о вероятном роспуске НАТО, возможности России влиять - в качестве партнера *по совместному выходу из холодной войны* - на состояние умов и соотношение сил в американской элите были существенно выше, чем за все последующее десятилетие и чем это возможно, на наш взгляд, в обозримом будущем. Рассмотрение альтернативных стратегий, которые позволили бы эти упущенные возможности реализовать и направить на пользу дела, выходит далеко за рамки этой статьи (заметим лишь, что подобные стратегии требовали совершенно иного уровня подготовки и понимания окружающего мира как со стороны людей, принимавших решения в Москве, так и со стороны мобилизованной ими на тот момент демократической интеллигенции и советского среднего класса).[1]

Разумеется, в процессы конвергенции и формирования транснационального сообщества элит были вовлечены далеко не все группы и интересы, имевшие основания претендовать на участие в *национальной* элите каждой из двух стран по отдельности. В огромном большинстве не вписались в глобальное сообщество эпохи «второго детанта» *как раз те, кто на том или ином этапе больше других соблазнялся проектом кон-*

[1] Более подробно обо всем этом говорится в моей неопубликованной работе «Проблема расширения НАТО во внутриполитическом процессе в США и России (1990-1998 гг.)», ИМЭМО, 2000.

вергенции систем - последовательные правозащитники, демократы-антикоррупционеры, создатели низовых движений и протопартий конца 1980-х-начала 1990-х годов, точно так же, как и их нераспознанные партнеры в американском и других обществах глобального Центра - леволиберальные интернационалисты, пацифисты, экологи, иначе говоря, все наследники антисистемной волны 1968 года (несмотря на то, что те и другие в 1990-92 гг. были как никогда прежде или после того близки к высшим этажам государственной власти - руководству российского парламента и конгресса США, а также американской Демпартии). Субъектами конвергенции элит стали совершенно иные силы: с позднесоветской / российской стороны - привилегированная верхушка посткоммунистических реформаторов, полукриминальный и (зачастую одновременно) номенклатурный капитал, чиновники средней руки и, разумеется, представители спецслужб, пересекавшиеся или напрямую связанные с тремя вышеперечисленными группами. Что касается их западных партнеров, то втянувшиеся в «русскую рулетку» 1990-98 годов представляли, как и следовало ожидать, гораздо более широкий срез американского общества. Эпопея участия «простых и наивных американских парней» - представителей среднего класса и мелкого по западным меркам бизнеса - в постсоветской «золотой» (приватизационной, нефтяной и иной) лихорадке, в целом завершившаяся августовским крахом 1998 г., еще ждет своего бытописателя на уровне Марка Твена. Но, как известно, тех из них, кто пытался играть в России по либеральным правилам, не признавая решающей роли силовых инструментов и статусной организации туземного общества, рано или поздно ждала печальная участь. В деле же проникновения в новую периферию и в «решении вопросов» с ее новыми правителями больше всех преуспели группы сил, стоявшие в 1969-76 за проектом разрядки, и их прямые наследники - прежде всего те же спецслужбы, консервативные финансовые и сырьевые магнаты, представители киссинджеровской школы геополитических комбинаций, использовавшие в свое время декадентские страхи кремлевской геронтократии перед «желтой», «зеленой» и другими угрозами с юга для того, чтобы лишить антиколониальные движения в Третьем мире (и уж тем более потенциальных демократических преобразователей в западных обществах) реальной поддержки с советской стороны. Как раз эти, зачастую откровенно традиционалистские группы, всегда предпочитавшие статус-кво и закулисные сделки проектам демократизации СССР или стран Варшавского блока, отсиживавшиеся на заднем плане в период, когда совершенно иные силы при администрациях Картера и Рейгана совершали сперва идейный, а затем военно-технологический прорыв в пользу Запада, тем не менее, сумели объявить себя «по факту» победителями в холодной войне - не в последнюю очередь потому, что их рассматривали в качестве своих главных контрагентов и с ними повели дела взращенные разрядкой 70-х советские номенклатурные и околономенклатурные кадры.

Процессы социализации и конвергенции элит Запада и Востока в 1990-е годы были наполнены конфликтами и драматизмом, взаимными разочарованиями и примирениями, образующими пестрое историческое полотно и представляющими обильный материал как для аналитика, так и для художника.[1] Институциональными площадками этих перипетий были не только прославленные и достаточно рутинные в процедурном отношении клубы (Всемирный экономический форум, МВФ и Всемирный банк, многоярусные структуры «большой семерки», несколько поколений институтов «евроатлантической интеграции» - от созданного в 1991 г. Совета североатлантического сотрудничества до нынешнего, второго по счету издания Совета «Россия-НАТО»[2]), но также и ситуативные, одноразовые и именно в силу этого малопредсказуемые по своим последствиям «тусовки».[3]

При этом ощущение взаимной неуютности, культурной и ценностной несовместимости элит нередко давало о себе знать, в особенности с американской стороны. В ряде случаев слишком несдержанные в своем пренебрежении «протестантской этикой» претенденты на членство в институтах «мирового правительства» демонстративно из них изгонялись и даже подвергались преследованию (относительно недавние примеры - объявление О.Дерипаски персоной нон грата в Давосском клубе и, конечно же, исторический арест П.Бородина в нью-йоркском аэропорту). Наконец, в течение достаточно длительного времени - начиная с финансового краха августа 1998 г. и примерно до июня 1999 г., когда российская дипломатия пришла на помощь Североатлантическому альянсу в качестве посредника для ускорения капитуляции Югославии - казалось, что вся стратегия институционального встраивания правящего класса новой России в транснациональное элитное сообщество грозила пойти ко дну (вследствие публичной атаки на эту стратегию со стороны погоревших на дефолте мелких, средних и части крупных западных финансистов, заодно с противниками «глобализации по Клинтону» слева и справа, а также вследствие ослабления позиций реформаторов и ельцинской «семьи» в период премьерства Е.М.Примакова). И тем не менее, несмотря на все эти вынужденные отступления и зигзаги, наблюдаемые изменения в политической мен-

---

[1] Особенно богаты описательным материалом еще не изданные по-русски воспоминания С.Тэлбота, небывалые (во всяком случае, для еще недавно высокопоставленного чиновника) по той неприглядной откровенности, с которой изображены обе стороны российско-американского «партнерства»1990-х годов.

[2] Об этом см. подробнее в моей статье, «Между утопизмом и фатализмом: российская элита как субъект евроатлантической экспансии», «Россия-XXI», № 1, 2000, с. 4-41.

[3] Известен скандал с фотографией на белодомовской вечеринке, запечатлевшей в то время вице-президента А.Гора в компании с пользовавшимся криминальной славой хозяином фирмы «Нордэкс»Г.Лучанским - шумиха, вызванная этим свиданием, преследовала Гора до последних дней президентской гонки 2000 года.

тальности, идеологии и культуре критически значимой части американских элит позволяют говорить о том, что интуитивная установка постсоветской олигархии на встраивание в глобальное элитное сообщество «византийскими» способами (в добровольно принятой на себя маске услужливого периферийного партнера, играющего в поддавки и ненавязчиво подталкивающего наиболее агрессивные элементы западной элиты к самоутверждению и экспансии[1]) и, тем самым, на деформацию этого сообщества по собственному образу и подобию, в целом увенчалась успехом.[2]

Взаимоуподобление по отрицательным признакам

Один из наиболее парадоксальных теоретиков модернизации в американской политической мысли - и, по совпадению, один из первых и самых язвительных критиков навязанного России в 1990-е гг. проекта реформ - К.Джовитт (из Калифорнийского университета в Беркли) в своих обобщениях применительно к Восточной Европе начала XX века, пожалуй, ближе всех подошел к модели центро-периферических отношений, объясняющей, каким образом периферия может играть активную, структурообразующую роль в отношении системы в целом, при этом не противопоставляя себя центру (в силу невозможности или нежелания это делать, либо того и другого).[3] По Джовитту, зависимая от внешнего патрона элита архаического периферийного общества, построенного по статусному принципу, путем своего добровольного вхождения в орбиту неявным образом навязывает даже высокоразвитому Центру свою - архаически-статусную - вертикаль и логику отношений. Что у Джовитта остается за кадром, так это долговременные последствия для идентичности того патрона, к которому поступает в услужение подобный клиент.

Идеологической отмычкой постсоветской олигархии к пультам управления кодами западной политической культуры было декларирование задачи превратить Россию в «нормальную» страну путем максимального сближения с американскими образцами - одновременно связывая это с недопущением революции, т.е. смены самих элит. Тем самым, на место многообразия культурных и экономических норм и трагической кон-

---

[1] О поощрении хищнических интенций «победителей в холодной войне» со стороны евразийских элит убедительно рассказано в книге Jeffrey Surovell, *Capitalist Russia and the West* (Burlington, VT: Ashgate, 2000).

[2] Более подробно о «путинской», уже гораздо более активной и осознанной, фазе этого воздействия на Запад, см. в моей статье "Suffocation By Embrace: The Putin-Bush Alliance and the Cultural Threat to Western Democracy", *PONARS Policy Conference: Policy Memo Nos. 210-242* (Washington, 2002), p. 97-102, URL: <http://www.csis.org/ruseura/ponars/policymemos/pm_0226.pdf>.

[3] Kenneth Jowitt. *The Leninist Response to National Dependency* (Berkeley, 1978).

фликтности современного мира, в котором благополучие глобального Центра является аномалией даже на фоне внутриамериканской и европейской периферии, был водворен статичный эталон материального благополучия - обманчивый суррогат подлинного универсализма. Одновременно большинство населения постсоветского «мира миров», далекое от субкультуры и экономической рациональности московских квазиэлит, а потому опасное для них в условиях даже классической либеральной («буржуазной») демократии (не говоря о той радикальной и социально справедливой демократии участия, на которую многие рассчитывали в конце 80-х годов), было во всеуслышание, *urbi et orbi*, объявлено ненормальным. Сама же элита объявила себя международным гарантом «нормализации» данной географической зоны и ее обитателей, а применяемые ею для этого меры экономического и внеэкономического насилия - экспроприацию советского среднего класса и других социальных слоев, разгон парламента и ликвидацию демократических завоеваний 1989-91 годов, две чеченские войны и формирование полицейского государства, использование провокаций с массовыми человеческими жертвами в пропагандистско-психологической войне с внутренней оппозицией - неизбежной платой за сохранение управляемости и необратимости победы «нормальных» над «ненормальными» в отечественном и глобальном масштабе.

Легитимация итогов подобного насилия через внешнее признание и вхождение в круг «цивилизованных» элит в течение столетий остается традиционной установкой внешней политики российских авторитарных модернизаторов - «усовершенствователей» человеческого материала (а результатом их деятельности, *наряду с частичной модернизацией экономических и иногда политических форм*, как правило, оказывалась *архаизация социальной структуры и политической культуры* общества). Стандартным же инструментом подобной легитимации становилось периодическое запугивание Запада - и нередко служившей «приводным ремнем» в этом деле западнической интеллигенции в самой России - непредсказуемостью и варварством, иными словами, ненормальностью низов, не позволяющей модернизировать страну неавторитарными методами. Необходимость беспрестанно укреплять колеблющиеся западные элиты в их поддержке авторитарно-модернизаторских режимов в России вынуждала отечественных правителей периодически создавать и стимулировать массовую ксенофобию, якобы идущее или хотя бы поддерживаемое «снизу» антизападничество. Напротив, антиавторитарные силы и политики, искавшие подлинные источники собственной легитимности в осознанном выборе народа, при всей критичности в восприятии Запада и понимании его внутренней конфликтности, никогда не занимались разжиганием массовых националистических кампаний. Достаточно сопоставить подчеркнутое, нередко фанатичное западничество большевиков с куда более гибкой цивилизационной и культурной ориентацией народнических течений в революции. В 1917-18 годах целенаправ-

ленный раскол партии эсеров (пользовавшейся в октябре 1917 г., по признанию горячо ненавидевшего их В.И.Ленина, поддержкой большинства населения страны), тактическая коалиция с ее ультрарадикальным крылом и весьма искусное провоцирование воинственно-антизападных, «скифских» настроений на массовом уровне - с последующим их подавлением железной рукой ВЧК - создали основу для вынужденной легитимации большевизма правящими элитами Запада в 1920-е годы именно в качестве охранительной, стабилизирующей силы, блокирующей наиболее опасные для них стихийные проявления русского максимализма и глобального мессианства. Не случайно и то, что победа сталинской авторитарно-модернизаторской тенденции в ВКП(б) обернулась для западных элит новыми дивидендами - исчезновением даже «виртуальной» угрозы экспорта революции, поэтапной ликвидацией Коминтерна, все более активной агитацией Москвы против неподконтрольных ей левых течений и партий, отказом от сколь-нибудь существенной поддержки антиколониальных движений. Типологически близкими решениями, о которых уже сказано выше, были как разрядка, устранившая призрак «диссидентского интернационала», так и повторный запуск механизмов конвергенции и интеграции элит в конце 1980-х - начале 1990-х годов, с одновременной экспроприацией непривилегированных слоев в качестве превентивной меры для недопущения глобальной демократической революции с эпицентром в Евразии. Между тем, расплатой Запада за цепь подобных фаустовских сделок на протяжении XX века стали «ялтинский синдром», нарастание глобального политического монополизма в ущерб традиционной для Запада полифонии и исторической креативности, а также иссякание «левой», т.е. эгалитарной, а за ней, возможно, и либертарной составляющей общегуманистического цивилизационно-культурного ядра западного мира.

Страна Амерзия

Иначе говоря, ***изнанкой обманчивой и краткосрочной стабилизации Востока оказалась глубинная дестабилизация Запада.*** На сегодняшний день это в первую очередь проявляется на уровне наиболее вовлеченных в глобальные процессы и транснациональное элитное сообщество центров принятия решений «единственной сверхдержавы», пораженных инфильтратами византийства. Главные направления нынешнего этапа этой дестабилизации - размывание ценностных норм и основополагающих практик американского капитализма, в том числе пресловутой протестантской этики, а также расшатывание институтов либеральной демократии. К числу непосредственных проявлений этих тенденций, помимо уже отмеченных выше, относятся:

- признаки «приватизации государства» частнокорпоративными и отраслевыми интересами, резко возросшие при нынешней администрации, чьи руководите-

ли, подобно сегодняшним российским правителям, нередко позиционируют себя как менеджеры крупной корпорации, отличающейся от остальных исключительным по своей мощи силовым прикрытием;

- эрозия полномочий представительной власти на фоне укрепления «исполнительной вертикали», сопровождающаяся нарушениями прав человека, процессуальных норм и международно-правовых ограничений (таких, как Женевские конвенции) под предлогом «чрезвычайных обстоятельств»;
- превращение «силовых структур» в основные «профильные» подразделения государственной бюрократии - на фоне атрофии функций и институтов экономического госрегулирования и соцобеспечения; осуществление маркетинговой стратегии с применением спецэффектов с целью повышения политического спроса на услуги этих структур (что связано с рыночными функциями приватизированного государства-корпорации как эксклюзивного производителя и поставщика «безопасности»);
- смещение акцентов в политической риторике с рациональной аргументации, апеллирующей к универсальным нормам, вплоть до открытого утверждения иррационализма и права силы в политике, культивирование не подверженного рефлексии «языческого этоса»;[1]
- непосредственно связанное с этим экспериментирование с фундаменталистской «внутренней периферией» всех мировых религий в ущерб как экуменическим интенциям в рамках каждой из них, так и ценностному ядру всего авраамического единобожия.

Десятилетия назад в полемике П.Н.Милюкова с евразийцами впервые проступили очертания российской «Азиопы», истолкованной последующими авторами как образ контрпродуктивного синтеза культур, ложно понятых или деформированных друг другом, - синтеза, оставляющего за скобками наиболее творческие и уже потому наиболее трудносочетаемые элементы ядра «европейской» и «азиатской» культуры.[2] Сегодня впору подбирать подобающее название уже *вторичному* продукту такого межкультурного синтеза: между постимперской Евразией, подвергшейся насильственной псевдомодернизации по неолиберальному шаблону, - и американской деевропеизированной, сырьевой континентальной периферией, наспех примеряющей экзотические для нее византийские регалии, которые вверены ей представителями ликвидационной комис-

---

[1] Термин взят из программной книги одного из радикальных идеологов неоконсерватизма: Robert D. Kaplan. *Warrior Politics: Why Leadership Requires a Pagan Ethos* (Vintage Books, 2003).
[2] В частности, в работах А.А.Кара-Мурзы.

сии «Третьего Рима». Излишне уточнять, что речь идет не о сближении народов и культур Америки и постсоветского пространства, а о конвергенции евразийской олигархии, *глубоко периферийной* в социальном и культурном плане по отношению к пасомым ею народам, с *периферийными же* по отношению к американской историко-культурной и внешнеполитической традиции элитными группами, взгромоздившимися на вершину глобальной «вертикали власти» при активном содействии своих восточных «стратегических партнеров». Думается, в завершение уместно ввести и рабочий термин - ***«Амерзия»*** - для обозначения этого американо-евразийского симбиоза: взаимоуподобления элит по отрицательным признакам. Следствием этого феномена, по-видимому, оказывается все большее расхождение логики дальнейшего развития самодостаточного глобального Центра - транснационального сообщества элит, прикрывающегося американской военной и финансовой мощью - с императивом цивилизованного выживания остального человечества.

НОВАЯ ПЕРИФЕРИЯ И ЕВРО-АТЛАНТИЧЕСКОЕ СОРЕВНОВАНИЕ

Boris Kagarlitsky. The New Periphery and the Euro-Atlantic Competition

The last decade of the 20th century witnessed Russia's precipitous integration into the global economy, that however originates in to the 1970s when the USSR joined the international division of labor as a raw materials exporter. After the Soviet collapse, Russia's rulers continued along the same path, themselves being a part of the Soviet nomenklatura that turned into bourgeoisie. Soviet demise turned out to be one of the key preconditions of what became known as globalization.Russia has gone from being a superpower to a peripheral dependence upon developments outside of her borders, including world commodity prices and the international financial markets. This dependence fully manifested itself during the 1997-98 financial crisis. The present inflationary hike of oil prices, symptomatic of the new stage of the global crisis, is favorable for Russia but is not sustainable over the long term. The increasing competition between the West European and North American centers of global accumulation threatens to destabilize Russia whose finances are tied to the dollar but who is also subordinated to the «Euro-Core» within the EU through the international division of labor. Meanwhile, in spite of the ideas and efforts of individuals like Sergei Glazyev, there is no political force in sight capable of formulating and implementing an effective anticrisis strategy.

Последнее десятилетие XX века было временем стремительной интеграции России в глобальную экономику. На идеологическом уровне это воспринималось как преодоление изоляции, «присоединение к цивилизованному миру» или попытка найти своё место в «общеевропейском доме». На самом деле Советский Союз вовсе не был изолирован от мировой экономики. В полной мере «закрытой» системой народное хозяйство СССР было лишь в 1936-38 годах (что, видимо, не случайно совпадает с пиком сталинских репрессий). Другое дело, что на протяжении большей части советского периода экономика СССР была более или менее самодостаточной, ориентированной, прежде всего, на внутренний рынок. Однако это было характерно и для ряда западных экономик, в том числе и для Соединенных Штатов на протяжении значительной части XX века.

С другой стороны, активное включение Советского Союза в мировое разделение труда наблюдается уже в начале 1970-х годов. Именно в это время международный нефтяной кризис привел к резкому росту цен на топливо. В свою очередь советская экономика, постепенно снижавшая темпы роста, нуждалась в дополнительных средствах и новых технологиях. Эти средства были получены за счет развертывания экспорта нефти, газа и других сырьевых ресурсов – прежде всего в Западную Германию, Францию и другие европейские страны. Вопреки расхожим представлениям, согласно которым интеграция в мировой рынок автоматически ведет к демократическим реформам, в Советском Союзе 1970-х годов наблюдался обратный процесс. Свертывание реформ в

экономической и политической областях стало возможно именно благодаря тому, что возникавшие при этом проблемы решались с помощью экспорта сырья. Можно сказать, что ***интеграция в мировой рынок стала одним из условий поддержания «застоя» в СССР***. Другим источником средств для СССР стали внешние займы. Платежеспособность страны обеспечивалась нефтяными доходами, но устойчивый рост суммы совокупного долга делал неизбежным возникновение серьезного кризиса в будущем.

После СССР

Разумеется, эта модель развития имела свои пределы и даже за счет притока нефтедолларов невозможно было бесконечно компенсировать снижающуюся эффективность отечественной экономики, нарастающие внутренние проблемы и технологическое отставание. Именно эти факторы подтолкнули руководство СССР к «перестройке», которая завершилась распадом Союза и крахом коммунистической системы.

После распада СССР российское руководство продолжало процесс интеграции в мировую экономику по тому же сценарию, который сложился ещё в годы «застоя». Точно так же, как элита «новой России» представляла собой обуржуазившуюся советскую номенклатуру, избранная модель интеграции в мировую систему являлась развитием «сырьевой ориентации» позднесоветского времени, которая вполне органично была дополнена неолиберальными реформами внутри страны и массовой приватизацией. Демонтаж системы социальных гарантий, распад хозяйственных связей в рамках бывшего СССР, отсутствие инвестиций в долгосрочные программы развития и резкое снижение покупательной способности населения привели в 1990-е годы к коллапсу внутреннего рынка и деиндустриализации. Высвободившиеся сырьевые ресурсы были выброшены на мировой рынок. Если в 1970-1980-е годы можно было говорить о колониальном типе интеграции России в мировой рынок, то на протяжении 1990-х годов внутренняя структура общества стала приближаться к «периферийной» модели (малочисленный средний класс, низкооплачиваемая масса трудящихся, растущее число социальных «маргиналов» и узкий слой «передовой элиты», интегрирующейся в транснациональный правящий класс).

В отличие от ряда бывших советских республик, не сумевших создать даже подобия национальной буржуазии и передавших все наиболее ценные производственные ресурсы в руки иностранных предпринимателей, российская элита сохранила основные источники сырья в собственных руках, что и стало основой для формирования отечественной олигархии.

Кризис 1998 года и мировая экономика

Распад СССР сам по себе оказался одним из ключевых условий процесса, получившего название «глобализации». Капитализм стал единственной мировой системой. Общества, прежде находившиеся за пределами мировой капиталистической экономики, стремительно вовлекались в неё, создавая новые рынки, источники ресурсов для глобального процесса накопления капитала. Россия в течение десяти лет из сверхдержавы превратилась в периферийное общество, зависимое от процессов, происходящих далеко за её пределами. Экономика страны оказалась целиком зависима от колебаний мировых цен на нефть и другие энергоносители, а судьба рубля - от международных финансовых рынков. Эта зависимость в полной мере проявилась во время финансового кризиса 1997-1998 годов.

Кризисы необходимы капитализму для поддержания конкурентной динамики и периодического «очищения» хозяйственного организма. Принцип «выживает сильнейший» в полной мере реализуется именно во время депрессии. Когда в странах Южной Азии рухнули местные валюты, а затем столь же стремительно стали снижаться объемы производства, все ожидали, что это начало мирового кризиса. Дальнейшие события, казалось бы, подтверждали это предположение. Кризис стал разрастаться. Вслед за Южной Азией он охватил Россию. После того, как рухнул рубль, финансовые неприятности охватили Латинскую Америку. В этом плане крах 1998 года был доказательством того, что экономика России не просто стала открытой, но и в полной мере «глобализирована». С другой стороны, она явно выявила периферийное положение России.

Показательно, что от кризиса 1997-98 годов пострадали наиболее развитые страны периферии, которые в силу своего положения оказались и наиболее привлекательны для финансовых спекуляций, - но, в отличие от западных государств, их финансовая система была недостаточно сильна и защищена, чтобы справиться с негативными последствиями этих спекуляций. Был дважды девальвирован бразильский реал, который являлся не просто крупнейшей региональной валютой, но и символом нового экономического подъема на континенте. Международные финансовые центры в этот момент запаниковали: раздались голоса в пользу возврата к регулированию и контроля за глобальным движением капиталов.

Однако спад 1997-98 года не стал общемировым. Огромные средства были брошены на спасение от банкротства попавших в беду финансовых монстров; правительства начали печатать деньги. Многомиллиардные кредиты были выделены на всевозможные стабилизационные программы, подчас противоречившие друг другу. Неважно, хороши или плохи применяемые методы, но ситуация стабилизировалась. Как мы знаем, после

девальвации национальной валюты положение дел стало улучшаться и в России, и в Бразилии.

Начавшийся в 1999 г. подъем российской экономики был вызван счастливым сочетанием двух факторов. С одной стороны, правительство Евгения Примакова и Юрия Маслюкова, благодаря радикальному применению кейнсианских методов, откровенному поощрению инфляции и стимулированию спроса, дало толчок для подъема промышленности. С другой стороны, рост цен на нефть, последовавший за стабилизацией экономического положения в Азии, позволил поддержать экономический рост даже после того, как этот первоначальный толчок исчерпал себя, а правительство Примакова-Маслюкова было разогнано.

Динамика нефтяных цен нуждается в отдельном анализе. Когда в 1999 году, в связи с возобновившимся экономическим подъемом в Азии, мировые цены на нефть начали бурно расти, никто не ожидал, что этот рост продлится долго. Однако этот скачок цен вызван был не только возросшим спросом, но и более глубокими процессами, происходившими в экономиках стран Запада, прежде всего – в США. Нарастание кредитной и биржевой инфляции в Америке привело к тому, что огромные средства на протяжении последних 15 лет во всем мире были изъяты из «реальной экономики» и перекочевали в сферу финансовых спекуляций, главным образом международных. Россия в данном случае не только не была исключением, но, напротив, находилась в первых рядах, двигаясь в ту же сторону, что и остальной «цивилизованный» (т.е. буржуазный) мир. Правительства искренне верили монетаристским теориям, утверждавшим, что единственным источником инфляции являются «неоправданные» государственные расходы, толкающие правительства к печатанию бумажных денег. А потому мер для сдерживания кредитной и биржевой инфляции не предпринимал никто, более того, ее считали благом и всячески стимулировали. Дело не только в том, что американские фирмы имеют завышенную биржевую стоимость. Происходит это в условиях, когда почти на протяжении 10 лет бумажные деньги не дешевели. Американский экономист и историк Боб Бреннер называет это «частным кейнсианизмом». С того самого момента, как правительства перешли к «жесткой» финансовой политики, частный сектор начал максимально повышать стоимость акций, брать кредиты и весьма свободно использовать другие финансовые инструменты, находившиеся в его распоряжении. Результат был точно такой же, что и при накачивании спроса по рецептам Дж.М.Кейнса, только финансировалось это не за счет бюджетного дефицита, а за счет роста частного и корпоративного долга и надувания биржевого «пузыря».

Вакханалия «биржевой» и «кредитной» инфляции сопровождалась «жесткой» политикой центральных банков, поддерживавших стабильность наличных денег. Иными словами, единственным игроком на рынке, действительно проявлявшим сдержанность

и добросовестность, было государство. В итоге спекулятивный финансовый капитал возрастал совершенно непропорционально росту производства, а обесцененные «безналичные» деньги можно было до поры до времени свободно конвертировать в полновесную наличность. Нужен был только механизм, который позволил бы это сделать, не обрушив биржу немедленно (если бы все начали продавать акции, на Уолл-стрит начался бы кошмар). Тот, кто первым найдет решение подобной проблемы, оказывается в выигрыше.

Взвинчивание нефтяных цен обеспечило такой механизм перераспределения. В экономике Запада возник своего рода «инфляционный навес», по-своему похожий на советскую «законсервированную инфляцию» (когда у всех еще росли накопления на сберкнижках, а цены были стабильны). В советской экономике «лишние» деньги рано или поздно создали непреодолимую проблему «дефицита». На сей раз «лишние» деньги, в конечном счете, обрушились на нефтяной рынок.

Рост цен на нефть не стал причиной мировой депрессии, но оказался своего рода пусковым механизмом, подтолкнувшим её. Биржевые индексы пошли вниз, «пузырь» лопнул. Началось сокращение спроса и спад производства в развитых западных странах. Поскольку долларовый «навес» рухнул, инфляция понемногу начала выходить из-под контроля; «лишние» деньги, вырвавшись на свободу, начали распространяться по всем секторам экономики. Доллар стал дешеветь. Доллар на протяжении второй половины 1990-х постоянно укреплялся по отношению к немецкой марке и японской йене. Теперь европейцы и японцы смогли взять реванш. Другой вопрос, что цена этой победы может оказаться слишком дорогой для всех.

Парадоксальным образом Россия оказалась одной из немногих стран, выигравших от этой ситуации. Во-первых, приток долларов в экономику начался раньше, чем американские деньги обесценились. Во-вторых, страна отчаянно нуждалась в средствах. Поэтому приток денег был позитивным фактором, даже если сами деньги теряли свою стоимость. Увеличение инфляции происходило в России за счет притока иностранных средств, тем самым обеспечивая «алиби» руководству Центрального Банка. Если в США 1990-х можно было говорить о «частном кейнсианизме», то в России кейнсианизм оказался «импортированным». Механизм накачивания инфляционного спроса, который в классических схемах Дж.М.Кейнса обеспечивает государство, был реализован с помощью «стихийного» притока нефтедолларов.

Беда в том, что подобное положение дел не может быть ни стабильным, ни долговечным. Более того, поскольку сохраняется фундаментальная зависимость России от внешних факторов, рост или упадок экономики лишь в небольшой степени зависят от отечественного правительства и даже бизнеса. А общемировая ситуация на фоне затяжной депрессии будет становиться всё менее стабильной.

Ирония истории состоит в том, что первый нефтяной шок дезорганизовал систему государственного регулирования и подорвал господствовавший на Западе «социализм распределения». Напротив, второй нефтяной шок дезорганизует систему рыночно-корпоративного регулирования и наносит удар по неолиберальному капитализму. Если ответом на нефтяной шок 1973 года был начавшийся, пусть и с некоторым отставанием, сдвиг мировой экономики «вправо», к либеральной модели, то на сей раз наиболее вероятным ответом будет (тоже после некоторой паузы) аналогичное движение «влево». Круг замкнулся.

Нас эти процессы не обойдут стороной. Сегодняшняя Россия демонстрирует, с одной стороны, невероятную открытость, вписанность в мировую экономику. А с другой стороны, все более очевидным станет именно несоответствие избранного российской элитой неолиберального подхода нарастающей новой глобальной динамике.

После Ирака

Война в Ираке и сопровождавшее её столкновение между США и франко-германо-русским триумвиратом выявили долгосрочные перспективы мирового развития.

Английский экономист Алан Фриман сравнивает ситуацию начала XXI века с процессами, происходившими в конце XIX столетия. Именно тогда, на фоне затяжной «поздне-викторианской депрессии» возникло явление, получившее в литературе наименование «империализма». Сравнение с викторианской эпохой не случайно. Империализм и колониализм в том виде, как мы их знаем из советских учебников, сложились в 1870-е годы. К тому времени в Европе и США была в основном завершена начальная фаза индустриальной революции. Эйфорию и бурный рост сменила затяжная депрессия. Утопические представления о том, что машины решат все проблемы, сменились трезвым пониманием драматизма новой реальности. Однако капитал требовал выхода, нуждался в новых рынках. Идеология свободной торговли, в отличие от времен «Великой депрессии» XX века, сомнению не подвергалась, Кейнс ещё не родился. Но что-то надо было делать. И «цивилизованный мир», который на протяжении полувека не только не захватывал новых колоний, но и предоставлял независимость своим владениям в Северной и Южной Америках, неожиданно ринулся воевать с варварами. Африка, которая раньше никому не была нужна, вдруг становится сплошным полем боя. Походы англичан против короля зулусов или суданских дервишей обосновывались практически теми же словами, что и кампании против Ирака или Афганистана. Недавно в британской прессе была приведена подборка цитат из речей британских политиков, посвященных зулусской и иракской войнам. Совпадение поразительное, вплоть до конкретных формулировок, оборотов речи. Зулусов весьма успешно освободили от

деспотизма местного царька, накапливавшего подозрительные арсеналы современного оружия и создававшего угрозу для всего региона. Страшных арсеналов не нашли (туземцы сражались в основном копьями и луками). Но независимость зулусы потеряли навсегда.

Итак, совпадения не случайны. Исчерпание первой фазы информационной революции сегодня такой же факт, как и завершение первоначальной индустриализации в Европе 1870-х годов. Ясное дело, новации будут продолжены, техника будет совершенствоваться. Но раньше введение новой технологии автоматически создавало новый рынок, порождало массу новых специальностей и лавину дополнительного спроса. Теперь этого уже нет. Эволюция приходит на смену революции. А это означает и конец сверхвысоких прибылей.

Новые рынки, которые раньше создавали с помощью изобретений, теперь приходится завоевывать огнем и мечом. Тормозящая экономика начинает испытывать дефицит ресурсов. В условиях бурного роста цены на сырье казались мелочью, неспособной серьезно сдержать развитие. Но как только начинается депрессия, выясняется, что сырье слишком дорого, поставки ненадежны. Нужен контроль над источниками сырья и ценами.

В XIX веке это назвали «гонкой завоеваний». В XXI веке просто так завоевать чужую страну уже нельзя - нужно найти повод, чтобы туда войти и основания, чтобы остаться. Но сделать это становится всё проще. Ирак оказывается важным призом для Соединенных Штатов не только потому, что там много нефти. Контролируя Ирак, американский наместник или его ставленник будет участвовать в решениях ОПЕК, влиять на других экспортеров нефти. Восстановление страны после двенадцати лет блокады, организованной теми же США – настоящая золотая жила для американских компаний. Ирак, не имевший системы мобильной связи, станет единственной в регионе страной, где вместо европейского стандарта GSM будет внедрен американский стандарт. Модернизация всевозможных служб и технологических систем даст многомиллионные прибыли, которые будут оплачены иракской нефтью. Короче, оккупация создает новые рынки. Другое дело, насколько удачно все сложится. Нестабильность, сопротивление, саботаж могут сильно испортить картину. А в том, чтобы у американцев в Ираке ничего не получалось, заинтересованы слишком многие.

Однако США – лишь одна из сторон в новом глобальном соревновании. То, что Франция, Германия и примкнувшие к ним Бельгия с Люксембургом выступили против американского похода на Ирак – не случайность, не просто уступка общественному мнению. Тем более, что и после окончания войны «четверка» не торопится мириться с американцами, объявляет о создании военного альянса, настаивает на введении экономических санкций против США в рамках Всемирной торговой организации. Алан

Фриман и Уолден Белло говорят о новом европейском центре, вступающем в конкуренцию с Америкой. Речь не идет о Евросоюзе в целом. Органы европейской интеграции оказались слишком слабы, а союз – слишком большим и разношерстным. Единая европейская валюта может успешно состязаться с долларом лишь в том случае, если за ней – консолидированная политическая и экономическая сила. А потому, вопреки прогнозам десятилетней давности, мы видим перед собой ***не столько консолидацию Европы в рамках единого Союза, сколько выделение в этом союзе собственного «ядра» и «периферии»***. Ядро – страны, наиболее сблизившиеся в экономическом, технологическом, политическом и военном отношении, это как раз «четверка».

В эпоху новых технологий география не то чтобы теряет смысл, но, безусловно, меняет своё экономическое значение. Как заметил Алан Фриман, нет ничего удивительного в позиции английской элиты, если учесть, что Сити является просто продолжением Уолл-стрита в Европе, и деловая связь между Лондоном и Нью-Йорком многократно интенсивнее, чем связь Лондона с Парижем или Франкфуртом.

ООН, НАТО, Евросоюз, даже Международный валютный фонд, Мировой банк и Всемирная торговая организация, все эти структуры глобального управления, казавшиеся в 1990-е годы основой нового мирового порядка, находятся в кризисе. Национальное государство снова выдвигается на передний план, ибо только оно обладает необходимым «ресурсом насилия» и легитимностью. Объявить защиту европейской культуры от американского варварства призывают французские интеллектуалы. Покарать «неблагодарную Францию» грозятся американские обыватели.

Если этот прогноз верен, то какова роль России в «пост-глобальном» мире? Увы, краткосрочные перспективы не выглядят вдохновляющими. Мы нужны внешнему миру именно своими ресурсами. Перспективы российских постиндустриальных технологий, наш научный и интеллектуальный потенциал не слишком интересны участникам новой большой гонки. Другое дело – российская нефть и газ. После того, как Ирак превращается в американский протекторат, доступ к российским ресурсам становится особенно важен для стран «евро-ядра». Это надежный тыл европейского проекта, к тому же большая страна, которая вооружена до зубов и вряд ли подвергнется внешнему нападению в ближайшем будущем. Но чем более «евро-ядро» нуждается в наших ресурсах, тем больше радости будут испытывать серьезные начальники в Вашингтоне от любой неприятности, происходящей здесь.

У России и без внешнего влияния достаточно причин для нестабильности. И в этом смысле никакие иностранные заговоры нам не помешают - у нас и без них дела будут идти весьма плохо. Но будущее открыто. Глобальные конфликты и нестабильность открывают новые возможности. В начале XX века «межимпериалистические конфликты» закончились тем, чего меньше всего ожидали глобальные игроки: больше-

вистской революцией в Петрограде. В современной России ожидать революции не приходится. Но перемены становятся неизбежны. И совершенно не очевидно, что это окажутся перемены к худшему.

Периферия и глобальный процесс накопления капитала

Разделение капиталистической миросистемы на «центр» и «периферию» было предметом анализа на протяжении длительного времени (начиная с работ Розы Люксембург, заканчивая не только трудами Иммануила Валлерстайна, Самира Амина и др., но и книгами Джорджа Сороса). Статистические данные, собранные на протяжении XIX-XX веков показывают, что соотношение экономических сил между зонами «периферии» и «центра» останется достаточно стабильным, хотя разрыв между «передовыми» и «отсталыми» странами по большинству показателей неуклонно увеличивается. Разрыв между «центром» и «периферией» великолепно иллюстрирован региональной экономической статистикой. Однако гораздо менее понятно, что именно порождает и воспроизводит подчинение «периферии» по отношению к «центру» - несмотря на то, что не только капитализм меняет свою форму, но и отношения между странами подвержены изменениям.

Первоначально марксистские авторы склонны были объяснять положение в странах периферии колониальной зависимостью от Запада. Соответственно, это предопределило стратегию деколонизации, которая, покончив с политическим контролем, должна была гарантировать и экономическую независимость. Однако опыт Латинской Америки показал уже в XIX столетии, что политическая независимость не позволяет странам периферии радикально изменить свое положение в мировой системе. Аналогичным образом царская Россия демонстрировала явные черты периферийного общества, будучи не только независимым государством, но и влиятельной европейской державой.

Позднее доминирующее положение «центра» объясняли тем, что здесь сосредоточено индустриальное производство, в то время как периферия в мировом разделении труда берет на себя роль поставщика ресурсов. В свою очередь, освободительные движения выдвинули задачу индустриализации и модернизации (вдохновляющим примером здесь послужили первые советские пятилетние планы). Увы, индустриализация, несмотря на многие очевидные успехи, не решила проблемы. Тогда на первый план стала выдвигаться технологическая зависимость и способность Запада сосредоточить в своих руках стратегические монополии (на высокие технологии, оружие массового поражения, средства массовой информации и т.д.). Между тем, даже создание индийской и пакистанской атомных бомб или арабской телекомпании Аль-Джазира не изменило

глобальной экономической иерархии. Более того, на протяжении 1990-х годов Россия и Украина, с их весьма развитыми индустриальными экономиками и унаследованными от СССР мощными вооруженными силами, всё более приобретали классические черты периферийных обществ. Наконец, экономисты указывают на явные признаки финансовой эксплуатации «периферии» через систему внешнего долга.

Дело в том, что, хотя по ходу истории глобальное разделение труда неоднократно менялось, неизменной оставалась тенденция к накоплению, концентрации и централизации капитала, лежащая в основе буржуазного способа производства. Централизация капитала в мировом масштабе приводит к формированию нескольких центров накопления, зачастую соперничающих между собой. Именно логика накопления и концентрации капитала ведет к тому, что он систематически перераспределяется в пользу мировых «лидеров». Даже резкий рост экономики на периферии не меняет положение дел радикальным образом. При известных обстоятельствах подъем производства в этих странах может даже ослабить их положение. Чем лучше страна работает, тем больше там возникает «свободный» или «избыточный» капитал, перераспределяющийся в пользу основных центров накопления. Конкретные формы международного разделения труда являются уже следствием этого глобального процесса. Эти формы меняются, а логика накопления остается.

Россия 1990-х годов в этом отношении демонстрирует весьма яркую картину, ибо на фоне масштабного кризиса, страна оказалась одним из финансовых «доноров» мировой экономики. Огромные средства были переведены в западную валюту, главным образом – в американские доллары, и вывезены из страны. Показательно, что подъем 1990-х годов не изменил тенденцию – в относительно благополучный период 2000-2003 годов прямой и косвенный вывоз капитала оставался достаточно значительным.

Начиная с конца 1990-х годов, однако, обостряется соперничество между основными центрами глобального накопления – западноевропейским и североамериканским. Россия оказывается в сложной ситуации, ибо её экономика в финансовом отношении привязана к доллару, но международное разделение труда, напротив, подчиняет её западноевропейскому ядру. Другой вопрос, насколько экономические и политические стратегии, избранные российской элитой в начале 2000-х годов, могут привести к постепенной дедолларизации экономики страны и переориентации на евро. Пока можно констатировать, что сколько-нибудь заметных успехов (и даже особой решимости) не наблюдается. Но принципиально не это. Даже если дедолларизация реально произойдет, это отнюдь не будет означать радикального изменения места России в международном разделении труда. Независимо от того, привязана страна к доллару или к евро, или даже достигла «внешней конвертируемости рубля», о которой с таким вожделени-

ем говорил Владимир Путин в президентском послании 2003 года, мы будем оставаться периферией.

Альтернативные стратегии

Между тем периферийное развитие чревато для России серьезными катастрофами в будущем. На протяжении большей части XX века Советский Союз развивался не совсем отдельно от мировой системы, но всё же автономно по отношению к ней. Это позволило, несмотря на огромные материальные и моральные жертвы, обеспечить модернизацию страны и достичь такого уровня развития, какой не был возможен ни для одной из периферийных экономик XX столетия.

Возвращение России на путь периферийного развития означает, что все эти жертвы могут оказаться напрасными. Наша страна оказывается слишком развитой, а население слишком образованным для того типа экономики, который у нас складывается. Более того, население России, вопреки общему мнению, «слишком богато» для периферийной страны. Речь идет, разумеется, не о мизерных зарплатах трудящихся, а об обеспечении большинства граждан жильем, медицинскими услугами, образованием и т.д. В этом смысле правы неолибералы, обвиняющие нас в том, что мы живем не по средствам. При средней зарплате в 120-150 долларов в месяц абсурдом является то, что большинство людей всё ещё живет в отдельных квартирах, в тепле, с горячей водой и т.д. Смысл новой волны неолиберальных реформ в том и состоит, чтобы заставить страну жить по средствам, ***опустив бытовые и социальные условия большинства до уровня зарплаты***. Это, однако, будет означать социально-культурный регресс беспрецедентного со времен крушения Рима масштаба. Понятно, что страна, переживающая подобную социо-культурную катастрофу, просто не может сохранить себя в неизменном виде.

Если неолиберальная реформа, доведенная до логического конца, чревата национальной катастрофой (второй при жизни нынешнего поколения после 1991-93 годов), то надежды на «присоединение к Европе» на основе либеральной модернизации или классических рецептов социал-демократических реформ – утопичны. Ни то ни другое не работает в условиях периферии.

Непригодность классических западных схем в условиях периферийного развития была обнаружена ещё во время русских революций 1905 и 1917 годов. Не случайно большевики и народники - два течения, отказавшиеся от следования западным рецептам - оказались наиболее эффективными политическими проектами того времени. Современная ситуация также требует выработки новых стратегий, адекватных российской реальности. Однако эти стратегии не могут строиться на основе «почвеннических» утопий и идеологий «национальной избранности» просто потому, что все эти идеи не

дают нам ровно никакого знания ни о современном мире, ни о проблемах, которые надлежит решать в экономической или социальной сферах. Почвеннические утопии являются не более чем реакцией бессилия в условиях периферийного развития.

Выход из тупика может быть найден лишь в таком самостоятельном развитии, которое одновременно способствовало бы изменению миросистемы в целом. ***Россия не может измениться, не изменив мир*** (что, впрочем, точно так же относится к любому из действующих и потенциальных лидеров периферии – Китаю, Бразилии, Индии, Мексике или Южной Африке)

Выдающийся арабский экономист Самир Амин говорил о выходе из периферийного развития на основе «отключения» своей экономики от миросистемы. Он назвал это «*de-linking*». Проблематичность подхода Амина состоит в том, что он вызывает ассоциации со сталинской стратегией экономической автаркии и холодной войны. Разумеется, Амин постоянно подчеркивал, что под *de-linking* он понимает не самоизоляцию и войну с внешним миром. Однако эта концепция явно нуждается в уточнении, прежде чем мы пойдем дальше.

Механический разрыв с мировой системой на уровне хозяйственных связей, а тем более – на уровне технологического и информационного обмена был бы катастрофой. Но сохранение нынешней системы связей также ведет к катастрофе. Выход состоит в том, чтобы, во-первых, осуществить постепенную переориентацию хозяйственных связей за счет ***усиления кооперации со странами «Третьего мира», таким образом увеличивая их коллективную автономию по отношению к Западу***. Главное, однако, - ***прекращение обслуживания глобального процесса накопления капитала***. Именно отключение от этого процесса (при сохранении товарного, информационного и технологического обмена) означало бы эффективное использование стратегии *de-linking*.

Современная Россия страдает от массового износа оборудования и дефицита инвестиций. Однако, как и Германия после Второй мировой войны, она сохраняет человеческий потенциал, который позволил бы стране сделать резкий рывок вперед, если будут преодолен инвестиционный голод. В этом смысл главной проблемой является даже не ориентация на экспорт энергоносителей сама по себе, а то, что при сложившейся модели доходы от этого экспорта не могут успешно использоваться для модернизации страны.

Наша страна могла бы изменить свое положение, если бы реализовалась своего рода стратегия **российского «Нового курса»** (*New Deal*), предполагающая массовое и комплексное инвестирование в программы модернизации через общественный сектор. Однако при нынешних политических и административных порядках такая стратегия тоже вряд ли возможна. Во-первых, общественный сектор деградировал до крайности,

неэффективен и недееспособен. Во-вторых, вся идеология и структура нынешнего государства ориентирована на обслуживание олигархических интересов.

Показательно, что Сергей Глазьев завоевал широкую популярность в обществе, доказывая, что натуральная рента, которую ныне присваивают олигархические структуры, должна идти на общие нужды. Очевидно, что «гладко» подобный сценарий пройти не может. ***Эффективный общественный сектор может быть создан лишь на основе экспроприации основных олигархических структур и преобразования государства.*** Такая политика получит поддержку (судя по социологическим опросам) не только большинства наемных работников, но и значительной части неолигархического бизнеса.

Беда лишь в том, что в российской политической системе нет ни одной силы, которая серьезно была бы готова не то, чтобы осуществить подобный сценарий, на даже сделать какие-либо шаги в этом направлении.

IV. ФОРМЫ ПЕРИФЕРИЙНОСТИ И СТРАТЕГИИ ЕЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Виктор Красильщиков*

«МОДЕРНИЗАЦИОННАЯ ЛОВУШКА» В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНУЮ ЭПОХУ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИИ И АЗИАТСКИХ «ТИГРОВ»

Victor Krassilshchikov. «Modernization Trap» in the Post-Industrial Era: A Comparative Analysis of Russia and the Asian «Tigers».

The paper focuses on a comparison of Russia and the newly industrializing countries (NICs, or «tigers»), of East / Southeast Asia. Despite obvious and well known differences, the author finds similarities between the two. In particular, both Russia and the NICs had fallen into the modernisation trap when their past achievements became obstacles to further development under conditions of post-industrialism in the West. The author evaluates the concept of «Asian capitalism» that has been treated by Russian liberals as a dangerous model of Russia's own future. Meanwhile, if Russia could follow the example of the «tigers» - that is, maintaining the manufacturing and high-tech industries, investing into human resources' development, and awakening the sense of social responsibility within its ruling elite, it would be a rather promising scenario of her development. Moreover, under present circumstances this strategy looks as the real alternative to Russia's peripheralization within the world system.

Вместо введения: модернизация Не-Запада

Чтобы определить и оценить место России в центро-периферической структуре современного мира, на наш взгляд, нужно провести двойное исследование. Во-первых, осмыслить исторические особенности развития России в контексте мировых процессов, которые оказали огромное влияние на её судьбы. Без учёта этого общемирового контекста вряд ли можно понять историю Россию и тем более сделать какие-либо прогнозы касательно её будущего. Во-вторых, и это составляет предмет настоящей статьи, стоит сравнить достижения и проблемы России с динамикой и достижениями других стран. Причём имеет смысл сравнивать Россию не только и не столько со странами За-

---

* *Виктор Александрович Красильщиков – доктор экономических наук, заведующий сектором Центра проблем развития и модернизации ИМЭМО. Окончил экономический факультет МГУ. Автор ряда работ, в том числе книг «Превращения доктора Фауста» (1994), «Вдогонку за прошедшим веком» (1998), руководитель авторского коллектива сборника «Модернизация: Зарубежный опыт и Россия» (1994), соредактор коллективной монографии «Постиндустриальный мир и Россия» (2001; совместно с В.Г.Хоросом), автор серии статей, посвященных сопоставительному анализу России и стран Латинской Америки. Координатор рабочей группы Европейской ассоциации исследовательских и учебных институтов по проблемам развития (EADI).*

пада, хотя такие сравнения вполне оправданы, сколько с теми странами и регионами, которые изначально находились за пределами исторического ядра капитализма, т.е. центра мировой системы, принадлежали к ареалу Не-Запада или «не совсем Запада», если принимать во внимание и страны Восточной Европы, включая Балканы.

В связи с этим можно вспомнить первого бундесканцлера ФРГ Конрада Аденауэра, который считал, что к востоку от Эльбы простираются азиатские степи – в том смысле, что по этой реке проходит цивилизационная граница между Западом и Не-Западом. По существу? Аденауэр относил к Не-Западу в том числе и большую часть территории бывшей Пруссии. И в этом, казалось бы, эпатажном суждении содержалось немало исторической правды. Ведь на заре капитализма Пруссия оказалась на положении периферии Европы, аграрного придатка западноевропейских стран и пережила второе издание крепостничества, ибо прусским и прибалтийским помещикам, как позже и русскому барину времён Екатерины II, для покупки предметов роскоши и мануфактуры был нужен на продажу хлеб, а обеспечить его поставку в большом количестве и по обеспечивающей конкурентоспособность цене лучше всего можно было за счёт нещадной эксплуатации крестьян, для чего и потребовалось восстановить крепостнические порядки.

Именно характер развития России и других стран и регионов, лежащих за пределами исторического ядра мирового капитализма, дает основания сравнивать Россию с этими странами, особенно в контексте минувшего XX века. Речь идёт о проведении ускоренной модернизации на базе форсированного роста индустрии с целью догнать лидеров мировой экономики, преодолеть или, по меньшей мере, сократить отставание от Запада, которое так или иначе составляло угрозу независимому существованию данной страны.

В XX столетии попытки осуществить такую модернизацию были последовательно предприняты тремя регионами: Большой Россией (СССР), Латинской Америкой и Восточной /Юго-Восточной Азией (В/ЮВА).[1] В известной мере к ним можно добавить также Индию и Китай, относительный успех которых приходится уже на конец XX века. (Разумеется, попытки модернизационного прорыва, пусть порой и «усечённого», предпринимались и отдельными странами: Турцией, Тунисом, Ираном, Саудовской

---

[1] Конкретно речь идёт о Южной Корее, Сингапуре, Гонконге и китайской провинции Тайвань (Тайбэй), которые образуют первую группу НИСов, а также о Малайзии, Таиланде и Индонезии, составляющих их второй эшелон. Строго говоря, к Восточной Азии следует отнести и Японию – в силу как ее географического местоположения, так и своеобразной модели догоняющего развития, во многом заимствованной впоследствии её соседями по региону. Однако развитие Японии, которой удалось прорваться в центр мировой системы, здесь не рассматривается.

Аравией и др., но они носили в большей мере локальный, нежели региональный характер.) На разных отрезках времени каждому из этих регионов удавалось совершить рывок в своём социальном и промышленном развитии, приблизившись к странам Запада по основным социально-экономическим показателям, будь то валовой национальный продукт на душу населения, грамотность и продолжительность жизни людей или технические параметры индустрии.

При этом можно выделить ряд общих черт, которые были присущи их модернизации: ведущая роль государства в процессе экономического развития, имитация в той или иной степени научно-технических достижений, быстрый рост индустрии на основе высокой нормы накопления, развитие массового образования, хотя бы частичное решение наиболее острых социальных проблем, изменение социально-классовой и профессиональной структуры общества, возрастание социальной мобильности, секуляризация и рационализация (далеко не полная) общественного сознания, политическая демократизация и/или социальная мобилизация масс на преобразования, нередко проводившаяся модернизаторскими авторитарными режимами.

Очень часто в процессе догоняющих модернизаций происходила взаимная адаптация старых общественно-экономических структур и/или традиций, с одной стороны, и новаций, – с другой, что на деле порой означало *консервативную модернизацию*,[1] т.е. частичное обновление ради сохранения старого. С этим во многом была связана незавершённость преобразований, которая позже, в свою очередь, обусловила уязвимость и России/СССР, и стран Латинской Америки, и стран В/ЮВА, и даже Японии перед лицом глобальных вызовов последней четверти XX века. Более того, трудности и кризисные явления, с которыми столкнулись и Россия, и страны Латинской Америки, и азиатские НИСы в конце прошлого столетия, свидетельствовали об исчерпании возможностей догоняющего развития. Можно даже сказать, что они свидетельствовали и о конце самого XX века – больше, чем простая смена цифр на календаре.

В качестве отступления заметим, что родившиеся в 50-60-е гг. XX в. теории модернизации были законным ребёнком своего времени. Очевидный провал попыток воплощения в жизнь на первый взгляд различных, а по сути одинаково ***экономикоцентричных***, технократических теорий развития бывшего Третьего мира, сначала в Африке, а затем в Латинской Америке и на территории бывшего СССР, знаменовал собой закат целой эпохи – эпохи современности. Своеобразным символом этого заката явилась исламская революция в Иране (1979 г.) – как выражение протеста традиционного

---

[1] См. об этом, в частности: Вишневский А.Г. Консервативная революция в СССР //Мир России, 1996, № 4; он же. «Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР». М: ОГИ, 1998.

общества против Запада и его моделей развития, насаждавшихся шахом. Можно привести и примеры того, как в 80-е годы захлебнулась советская модернизация в Центральной Азии. Это подтверждается, в частности, тем, что к 1990 году, по сравнению с 1980-м, в этом регионе ухудшились некоторые важные социальные показатели. Так, увеличилась детская смертность (на 1000 родившихся живыми): в Туркмении – с 54 до 56, Киргизии – с 43 до 69, Казахстане – с 33 до 54, Азербайджане – с 30 до 74; в Узбекистане она осталась на том же уровне – 47 детских смертей на 1000 родившихся живыми – и лишь в Таджикистане уменьшилась с 58 до… 57, тогда как с 1970 по 1980 год динамика этого показателя во всех названных республиках бывшего СССР была положительная.[1]

Правда, на фоне общей безрадостной картины в развивающемся мире и кризисных явлений в СССР, долго считавшемся примером успешного догоняющего развития, Восточная Азия выглядела чуть ли не единственным регионом Третьего мира, который мог гордиться реальными успехами по части модернизации. Однако именно эти успехи в большой степени стали причиной трудностей и неудач, с которыми азиатские «тигры» столкнулись в конце 90-х годов. Это позволяет утверждать, что они, хотя и в меньших масштабах, без столь катастрофических последствий, как в СССР, повторили судьбу второй сверхдержавы, оказавшись в ситуации *модернизационной ловушки*, когда методы управления, социально-экономические структуры и общественно-политические институты, в прошлом обеспечившие успех, пришли в противоречие с новыми задачами развития и начали препятствовать дальнейшему продвижению вперёд.

В то же время, признавая общую основу для сравнения России и НИСов Азии – проведение в XX веке догоняющей индустриальной модернизации, следует заметить, что любая попытка сравнительного анализа предполагает ответ на вопрос о том, насколько уместно проводимое сравнение разных стран друг с другом, каковы его пределы. Без такого ответа сравнение может просто потерять смысл, как, например, часто происходит со сравнительными исследованиями рыночных реформ в России и Китае. Очень часто эти исследования представляют собой идеологическую спекуляцию, схоластическое умствование, ибо, как правило, игнорируют исходные условия и побудительные причины рыночных трансформаций в обеих странах.

В Китае, где общество до сих пор в целом остаётся крестьянским, а община – по крайней мере, на уровне местного (само)управления – играет по-прежнему большую роль, развитие рынка шло снизу, в привычных для крестьян формах, произрастая из

---

[1] *Human Development Report 2001: Making New Technologies Work for Human Development.* N.Y.: UN, 2001, p. 167-168; Naya S.F. *The Asian Development Experience: Overcoming Crises and Adjusting to Change.* Hong Kong, Manila: ADB, 2002, p. 152-153.

сельского базара. Рыночные отношения в Китае были адекватны *развитию* и решению одной из главных социальных задач, которые издавна стояли перед китайским обществом, – искоренению голода и нищеты в деревне. В России же развитие рыночных отношений было вызвано *разложением* системы власти-собственности, которая в условиях усложняющихся экономических и технологических связей между предприятиями и отраслями, да ещё и хронических дефицитов, при засилии военно-промышленного комплекса, оказалась просто не в состоянии управлять огромной махиной из одного центра и должна была делиться на отраслевые ведомства-монополии. Эта система, запутываясь в собственных противоречиях и не выдерживая соревнования с Западом, стала разрушаться под грузом порождённых ею же проблем. (Здесь мы оставляем в стороне деструктивные процессы в социальной сфере и в области морали позднего советского социума.) И рыночные отношения в России порождены прежде всего этим разложением, трансформацией (сиречь мимикрией) власти-собственности, которая «выделила» частнику кое-какие ниши, делянки, абсолютно не интересные ей. Но ***при этом сохраняется главная сущностная черта старой системы – слитность власти и собственности, а сама власть по-прежнему остаётся основным, в том числе экономическим, ресурсом***.

Реформы в Китае не сопровождались приватизацией государства, его правоприменительных и правоохранительных функций. А вот в России суть приватизации состояла не только в растаскивании наиболее лакомых кусков хозяйства по ведомствам (в латентной форме этот процесс начался ещё в 70-е годы), частным корпорациям и воровским «малинам», но и в приватизации власти, функций государства, причём обе стороны приватизации в российских условиях неотделимы друг от друга. В Китае перед обществом и властью не стоит дилемма «рынок или государство», что, конечно, не означает, будто государство там по мере усложнения рыночных отношений и экономики не сталкивается с новыми вызовами. В России такая дилемма есть, во всяком случае по отношению к существующему ныне государству,[1] поэтому последнее, будучи по сути квази-государством, и не может допустить развития полноценных рыночных отношений. Сама власть и приближённые к ней группы заинтересованы в сохранении сегодняшнего состояния переходности, полураспада, которое, разумеется, не может длиться слишком долго. Между тем, власть, стремясь сохранить его, по существу загоняет себя в тупик.

---

[1] Впрочем, остаётся открытым вопрос, может ли в нынешней России существовать какое-либо иное государство, точнее, система власти, вместо родившегося в 1989-1993 гг. мутанта.

Таким образом, прежде чем пускаться в рассуждения о том, как хорошо получается в Китае и как плохо вышло в России с рыночными реформами (а для кого, впрочем, вышло плохо?), следовало бы разобраться в причинах и генезисе самих реформ в каждом случае. Иначе в результате сравнительного анализа можно, как говорят на Руси, попасть пальцем в небо.

Что касается допустимости сравнения России со странами Восточной и Юго-Восточной Азии, то, при всей очевидной несопоставимости России и любой из стран В/ЮВА, России и региона в целом, такое сравнение всё же уместно в силу нескольких обстоятельств – помимо того, что, как уже отмечалось, в XX веке и Россия, и НИСы провели свои индустриальные модернизации, которые в конце концов исчерпали себя.

Россия и НИСы Азии: сходство на основе различий

Что же конкретно сближает Россию и новые индустриальные страны Азии, позволяет сопоставлять их друг с другом?

Во-первых, с одной стороны, феноменальный индустриальный взлёт и прорыв стран В/ЮВА к новым технологиям за последние два-три десятилетия показывает, что теоретически нельзя исключать возможность подобного прорыва и для России, хотя на деле он представляется маловероятным. С другой стороны, этот же прорыв побуждает задуматься о его пределах, о том, сколь долго он мог продолжаться, не ожидают ли Россию – даже в случае гипотетического успеха – трудности наподобие тех, с которыми столкнулись НИСы в конце 90-х годов, не приготовила ли, в свою очередь, судьба азиатским «тиграм» те же неприятности, которые в 80-90-е годы испытала Россия. Иными словами, опыт В/ЮВА показывает, что даже на качественно иной, отличной от российской технико-экономической основе развития, не исключено возникновение ситуации новой модернизационной ловушки.

Во-вторых, сравнение России и НИСов Азии побуждает по-новому взглянуть на проблему соотношения стадиально-формационных и цивилизационных аспектов развития, на проблему соотношения, с одной стороны, тех или иных стадий капитализма, с другой стороны, – социокультурных традиций.

В своё время в СССР система власти-собственности сумела, используя *русский мир* – имевшийся под рукой человеческий материал, традиции крестьянского общества, провести индустриализацию и создать благодаря ей огромную военно-техническую мощь. Но Большой России в виде СССР в целом так и не удалось перейти к позднеиндустриальной стадии – наладить массовое производство качественных потребительских товаров длительного пользования на основе инженерной организации труда и технологических инноваций. (На самом деле, такой переход наверняка оказался бы

смертельным для советской системы.) Правда, кое-какие попытки такого перехода предпринимались, о чём, в частности, свидетельствовало строительство Волжского автозавода в Тольятти. Но широкого развития они не получили – и не только потому, что этому препятствовали и сама система власти-собственности, и догмы малограмотных вождей, и дисбалансы в экономике, связанные с чрезмерной милитаризацией хозяйства, из-за которой качественные ресурсы и толковые работники сосредоточивались в ВПК, а на гражданскую промышленность их уже не хватало. Помимо существовавших структур власти был ещё *русский мир* – российское полутрадиционное, полусовременное общество, в целом адекватное власти-собственности (не говоря уже о мире Закавказья и Средней Азии, который оказался вообще не совместим с какой-либо модернизацией, тем более позднеиндустриального типа). Ведь последняя – это в первую очередь рациональная организация труда ради роста потребления и приумножения собственности, сжатие времени, тогда как в *русском мире* с его ограниченными потребностями (пресловутая русская расточительность и удаль по части потребления –оборотная сторона этой ограниченности) главным было пространство, причём безотносительно затрат времени, человеческих сил и ресурсов на его освоение. И характер власти-собственности, проявившийся сначала в сталинском терроре, а затем в тотальном разгильдяйстве и потрясающей бесхозяйственности, к сожалению, соответствовал этому *миру*. *Русскость*, особенно благодаря сознательной ориентации власти на отсталые слои населения, на «народ», брала верх над императивами развития общества и экономической рациональностью, даже над необходимостью сохранить и укрепить Великую Россию. И в конце концов победила, проявившись в разгуле своеволия и демодернизации страны. То, что произошло с нашей страной после 1991 года, можно, в частности, истолковать как победу *русскости* над модернизацией, над Великой Россией – несмотря на страшный удар, который был нанесен самому русскому народу, как запоздалую реакцию *мира* на ускоренную и крайне несбалансированную индустриализацию.

В то же время традиции восточноазиатских народов – привычка к напряжённому труду («цивилизация риса»!), аккуратность в работе, приверженность общине, бережливость, почитание старших и начальников – оказались созвучными задачам их догоняющей модернизации. О положительной роли этих традиций в ходе японского бума 1950-1980-х гг., а также модернизации Кореи, Тайваня, Сингапура написано множество книг и статей. Однако эти же традиции, которые помогли странам В/ЮВА превратиться в «тигров» мировой экономики, оказались препятствиями в условиях постиндустриального мира, когда на первый план выдвигаются инициативность индивида, его способность к индивидуальному творчеству, готовность нарушить привычный порядок вещей и независимость от иерархических структур. Сегодня в В/ЮВА необходимостью стало углубление модернизации, её проникновение в ткань общества, причём эта зада-

ча уже осознаётся большой частью политической и деловой элиты в Сингапуре, на Тайване и даже в более традиционной Малайзии.[1]

К сожалению, российская власть и бизнес-«элита» не задумываются о том, как совместить российские традиции, русскую культуру в широком смысле слова с перспективами экономики России.[2] А без решения этой проблемы говорить о какой-либо стратегии развития страны просто бессмысленно.

В-третьих, опыт НИСов Азии ставит вопрос: можно ли провести догоняющую модернизацию в начале XXI века (в смысле преодоления периферийности), или такая попытка обречена на неудачу?

Безусловно, как показали последние два десятилетия минувшего века, догоняющее развитие имеет свои исторические пределы. Однако проблема сокращения разрыва между Россией и Западом по-прежнему существует - особенно если Россия хочет интегрироваться в Европу и стать полноценной державой не столько в военно-техническом и политическом, сколько в социальном плане - и от решения этой проблемы зависит судьба не только самой России, но и Европы в целом.

В-четвёртых, сопоставление России и азиатских НИСов позволяет спрогнозировать, что может ожидать Россию даже в случае успешного догоняющего развития, имея в виду характер сложившегося в ней социально-экономического и политического строя.

В последние годы либеральные политики и публицисты пугают нас призраком *азиатского капитализма*, угрозой «*чеболизации*» российской экономики по примеру Южной Кореи, где большая часть экономического потенциала сосредоточена в руках чеболей – гигантских промышленно-финансовых конгломератов.[3] При этом под азиатским капитализмом подразумеваются в первую очередь авторитарные, иерархические структуры как в промышленных корпорациях, так и в системе государственного регулирования экономики. Действительно, следуя японскому опыту, в Корее министры и

---

[1] Представляет интерес концепция перестройки университетов, принятая Министерством образования Сингапура, и стратегия реформы образования в Малайзии, включённая, между прочим, в программу перехода к экономике, основанной на знаниях, в этой стране. См.: *Restructuring the University Sector – More Opportunities, Better Quality.* Singapore: Ministry of Education, 2003, p. 12-14; *Knowledge-Based Economy. Master Plan.* Kuala Lumpur: ISIS, 2002, p. 31-36.

[2] См.: Шкаратан О.И., Карачаровский В.В. Русская трудовая и управленческая культура: Опыт исследования в контексте перспектив экономического развития //Мир России, 2002, № 1, с. 3-56, особ. с. 42-51.

[3] См., например, интервью В.А. Рыжкова «Независимой газете», в котором он говорил об опасности установления в России режима «крепких хозяйственников», подобного авторитарным режимам в Азии (Независимая газета, 1999, 17 июля), а также: Немцов

их заместители систематически приглашали хозяев и высших управляющих чеболей на совещания, где давали рекомендации касательно инвестиций, торговой и экономической политики, задач технологической модернизации и т.д. Подобная практика существовала и в других странах региона. Конечно, можно было не следовать этим рекомендациям. Но тогда возникал риск лишиться налоговых льгот, импортных преференций, выгодных кредитов со стороны банков и вообще нарваться на всякие неприятности.

Очевидно, в долгосрочной перспективе такой капитализм ("*crony capitalism*") проигрывает по своей эффективности и способностям к инновациям западному капитализму. Но он оказывается очень эффективным на стадии индустриализации, начального освоения новых, хотя и заимствованных технологий. Другими словами, он помог странам В/ЮВА стать тем, кем они стали. Без него эти страны скорее всего до сих пор прозябали бы в бедности на периферии мировой экономики, поставляя кадры для компартий маоистского толка.

Что же касается России, то дело заключается не в том, угрожает или не угрожает ей «чеболизация» экономики – она давно уже стала реальностью. И не в том, что в России тесно переплетены бизнес и власть, а чиновники либо сами занимаются бизнесом (незаконно), либо делают это через своих родственников и приятелей (что внешне выглядит вполне законно). Суть состоит в том, что российские «чеболи», в отличие от корейских, экспортируют не технически сложные промышленные товары типа автомобилей, телевизоров, компьютеров, станков, измерительных и оптических приборов, а сырьё, топливо, металлы и продукцию химической промышленности. (Экспорт продукции обрабатывающей промышленности из России в СНГ – это скорее отголосок советской эпохи и результат низкого платежеспособного спроса со стороны бывших «братьев» и «сестёр» по Союзу, которым не по карману покупать в другом месте.) Даже объем экспорта вооружений, которыми всегда славилась Россия (а это единственный российский высокотехнологичный экспорт!), почти на порядок уступает объёму корейского экспорта машин, транспортного и телекоммуникационного оборудования.[1] И беда России состоит не в том, что ей суждено идти по пути «чеболизации» и формирования государственно-бюрократического капитализма азиатского типа – этого невозможно избежать, если учесть почти полное отсутствие политического гражданского общества,

---

Б., Кара-Мурза В. Путинский курс – прорыв или тупик? //Независимая газета, 2003, 23 мая.

[1] В 2001 г. Корея экспортировала названных товаров на сумму более 97 млрд. долларов, тогда как российский экспорт транспортных средств, машин и военных самолётов - правда, годом раньше, в 2000 г., - по данным Госкомстата в общей сложности не превышал 15 миллиардов долларов (Asian Development Bank. *Key Indicators of Developing*

массовую бедность населения, экономическую и политическую слабость российской «люмпен-буржуазии», помноженную на её интеллектуальное убожество, и одновременно – роль власти как главного субъекта и ресурса в России. Беда в том, что такой вариант развития страны скорее всего не будет модернизаторским, как в НИСах Азии, ибо ***сегодня в России нет социального субъекта модернизации ни в лице власти, ни в лице общества***.

Теперь, выявив наряду с различиями ряд сходных черт в развитии России и азиатских «тигров», можно попытаться оценить некоторые конкретные результаты *азиатского капитализма* и его подходы к будущему.

«Азиатский капитализм» в действии: некоторые итоги и видение будущего

О результатах, достигнутых НИСами в сравнении с Россией, лучше всего говорят данные о динамике валового внутреннего продукта (ВВП) на душу населения, исчисляемого по паритету покупательной способности (ППС) валют, и индекса человеческого развития (ИЧР), рассчитываемого ООН с учётом среднедушевого ВВП, уровня образования населения и средней ожидаемой продолжительности жизни (см. соответственно таблицы 1 и 2).

Таблица 1. ВВП на душу населения в США, Японии, СССР и России, новых индустриальных странах Восточной и Юго-Восточной Азии, 1960-2000 гг. (по паритету покупательной способности валют в долл. 1990 г.)

Страна	Годы				
	1960	***1970***	***1980***	***1990***	***2000 **)***
Гонконг	3 134	5 695	10 503	17 491	25 153
Сингапур	2 310	4 438	9 058	14 258	23 356
Тайвань (территория КНР)	1 499	2 987	5 938	9 910	Нет данных
Южная Корея	1 105	1 954	4 114	8 704	17 380
Индонезия	1 019	1 194	1 870	2 516	3 043
Малайзия	1 530	2 079	3 657	5 131	9 068
Таиланд	1 078	1 694	2 554	4 645	6 402

Asian and Pacific Countries 2002, Volume XXXIII. Manila: ADB, 2002 ,p. 208-209; Российский статистический ежегодник 2001. М.: Госкомстат, 2001, с. 605, 608, 613).

Россия (РСФСР) *)	4 029	5 968	7 085	7 762	8 377
СССР **(в среднем)**	3 935	5 569	6 437	6 871	--
Мир в среднем	**2 781**	**3 748**	**4 521**	**5 154**	**7 446**

*) Объем ВВП на душу населения в России рассчитан с учётом доли РСФСР в общем объеме производства в Советском Союзе (57-58 %) и на основе данных об объемах производства в натуральном выражении и так называемых «согласованных» индексов экономического роста. Подробно см.: *Пономаренко А.Н.* Ретроспективные национальные счета России: 1961-1990. М.: Финансы и статистика, 2002, с. 82-85, 90 и след.

**) – по паритету покупательной способности валют в долларах 1996 г.

Источники: *Maddison A.* The World Economy: A Millennial Perspective. P.: OECD, 2001, pp. 279, 304-305, 330, 341; Human Development Report 2002: Deepening Democracy in a Fragmented World. N.Y.: UN, 2002, p. 149-152; Данные по России за 1960-1985 гг. рассчитаны по: *Maddison A.*, op. cit., p. 184-185, 329, 339; *Пономаренко А.Н.*, указ. соч., с. 227, 233, 239; Народное хозяйство РСФСР в 1975 году: Статистический ежегодник. М.: Статистика, 1976, с.5; Народное хозяйство РСФСР за 70 лет: Статистический ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1987, с.8; Народное хозяйство СССР в 1969 году: Статистический ежегодник. М.: Статистика, 1970, с.9.

Таблица 2. Динамика индекса человеческого развития в НИСах Азии и России, 1980-2000 гг. *)

Страна	***1980***	***1985***	***1990***	***1995***	***2000***
Гонконг (с 1.VII.1997 – особый район КНР)	0.795	0.823	0.859	0.877	0.888
Сингапур	0.755	0.782	0.818	0.857	0.885
Южная Корея	0.732	0.774	0.815	0.852	0.882
Малайзия	0.659	0.693	0.722	0.760	0.782
Таиланд	0.645	0.676	0.713	0.749	0.762
Индонезия	0.530	0.582	0.623	0.664	0.684
Филиппины	0.684	0.688	0.716	0.733	0.754
Россия	0.809	0.827	0.824	0.779	0.781

*) – Данные по китайской провинции Тайвань (Тайбэй) отсутствуют.

Источник: Human Development Report 2002, p. 153-154.

Поскольку в табл. 1 данные о ВВП на душу населения в 2000 г. приведены по ППС в долларах 1996-го, а не 1990 г., их трудно сравнивать с другими данными в этой таб-

лице. Но и так долгосрочная динамика среднедушевого ВВП России и НИСов видна достаточно хорошо. Что же касается ИЧР, то в отношении его картина выглядит ещё более безрадостной для России. В самом деле, в 1980 г. Российская Федерация принадлежала к группе стран с высоким ИЧР (более 0,8). В то время никто из «тигров» не входил в эту группу. Зато в 1990 г. в неё попали Гонконг, Сингапур и Южная Корея (можно предположить, что сюда же относилась и китайская провинция Тайвань). «Тигры» второго поколения, Малайзия и Таиланд, к началу XXI века вплотную подошли к группе стран с высоким уровнем человеческого развития, в которую, по данным за 2000 год, входили 53 страны. Россия же выпала из числа таких стран, попав в «среднюю группу», и занимала в 2000 г. 60-е место по ИЧР, тогда как 59-е принадлежало Малайзии. Таиланд находился на 70-м месте, а Индонезия, правда, на 110-м, опережая при этом Россию всего на 0,1 года по показателю средней ожидаемой продолжительности жизни (66,2 против 66,1).

А ведь качество человеческих ресурсов – это сердцевина научно-технического потенциала каждой страны, от него в огромной степени зависит освоение новых технологий, что и будет определять судьбу и НИСов, и России в постиндустриальном мире. Но, в свою очередь, качество человеческих ресурсов каждой страны связано с тем, сколь успешно она решает социальные проблемы.

Азиатский капитализм сумел, хотя, конечно, в разных странах региона в разной степени, решить проблему бедности. В 1995 г., т.е. перед финансовым кризисом, доход в размере 1 доллара в день на человека (причём по ППС), что составляет, как известно, абсолютную, мировую линию бедности, имели 2 % населения в Корее, менее 1 % – в Малайзии и Таиланде, и лишь в Индонезии людей с таким доходом насчитывалось 11,4 % (по сравнению с 32,2 % в 1985 г.). После кризиса 1997-98 гг. доля живущих ниже абсолютной черты бедности увеличилась в Таиланде до 2 % и в Индонезии – до 15,2 % населения. В других НИСах даже после кризиса людей, живущих на такие доходы, не было вообще. Зато в России в ходе «реформ» более 7 % населения к 1998 г. оказались за мировой чертой бедности. Несмотря на экономический рост, начавшийся после девальвации рубля в 1998 г., общая ситуация в плане бедности населения в России принципиально не изменилась: в 2000 г. (год рекордного роста ВВП!) за мировой чертой бедности находилась такая же (7,1 %) доля населения страны.[1]

---

[1] World Bank. *World Development Report 2000-2001: Attacking Poverty: Opportunity, Empowerment, and Security.* Washington, N.Y.: Oxford University Press, 2001, p. 281; Quibria M.G. *Growth and Poverty: Lessons from the East Asian Miracle Revisited* (ADB Institute Research Paper Series, N 33). Tokyo: ADBI, 2002, p. 9; «Россия и страны мира, 2002: Стат. сборник». М.: Госкомстат, 2002, с. 106.

Всем известно, какое значение в постиндустриальном мире приобретает образование. И в отношении образования азиатский капитализм гораздо лучше справляется со своей задачей, чем его российский собрат. Если, например, взять показатель расходов на образование в среднем на душу населения, то выяснится, что Россия по этому показателю уступает всем странам В/ЮВА кроме Филиппин (а их, как правило, и не относят к НИСам) и огромной по численности населения – более 200 миллионов человек! – Индонезии (см. таблицу 3).

Таблица 3. Государственные расходы на общее и высшее образование в НИСах Азии и России в 2000 г.

Страна	**Доля государственных расходов на образование, в %**		**Государственные расходы на образование на душу населения, в долл. США**	
	от ВВП	**от всех расходов государства**	**по текущему обменному курсу**	**по паритету покупательной способности в долл. 1996 г.**
Гонконг (особый район КНР)	4,1	23,2	999,4	1051,0
Корея	3,6	17,1	353,4	635,1
Сингапур	4,0	21,3	922,8	932,7
Тайвань (территория КНР)	2,4	9,0	334,0	483,0 а)
Индонезия	0,9	5,2	6,5	27,1
Малайзия	5,9	24,7	227,3	534,7
Таиланд	4,5	29,6	88,2	280,6
Филиппины	3,7	19,0	35,3	141,8
Россия	3,0	11,0	52,5	255,0

а) – оценка автора (В.К.).

Рассчитано по: *Российский статистический ежегодник 2001*. М.: Госкомстат, 2001, с. 36, 531-532; *Asian Development Bank*. Key Indicators of Developing Asian and Pacific Countries, 2002. Volume XXXIII. Manila: ADB, 2002, pp. xiii, 62-63, 151, 159, 172-173, 181, 202-203, 211, 232-233, 241, 312-313, 321, 334-335, 343, 366-367, 375, 386-387, 395; *ADB*. Asian Economic Monitor, 2002, October. Metro Manila: ADB, 2002, p. 54; Human Development Report 2002, p. 190-191.

Крайне неутешительно для России на фоне азиатских НИСов выглядят и данные о средней заработной плате учителей, исчисленной в долларах США по ППС валют. Согласно Госкомстату, средняя заработная плата во всей российской системе образования (включая и высшее!) в 2000 г. составила 1234 руб. 60 коп. в месяц – 43,9 доллара по тогдашнему обменному курсу или 212,9 доллара по паритету валют.[1] К середине 2003 г. средняя заработная плата российского учителя составляла 1300 руб. в месяц – примерно 42,6 доллара по обменному курсу, или 130-150 долларов по нынешнему ППС; правда, в Москве средняя учительская зарплата благодаря городскому правительству Лужкова – типичного российского представителя азиатского капитализма – достигала 4000 рублей (около 130 долларов по курсу, или 400-460 долларов по паритету).[2] Но даже московские учителя могут лишь мечтать о той заработной плате, которую получают их коллеги в НИСах Азии. Так, учитель с 15-летним стажем в 2000-2001 гг. получал в Таиланде 1179 долларов (по паритету валют), в Малайзии – 1553, на Тайване – 1883, а в Южной Корее – 3650 долларов в месяц.[3]

В то же время капитализм в В/ЮВА после кризиса 1997-98 гг. стал искать ответы на новые вызовы именно в сфере образования и научно-технологических разработок – наряду с мерами по реструктуризации экономики и оздоровлению финансов. В странах региона поставлена задача – повысить качество среднего и высшего образования, переориентировать его на развитие аналитических навыков и творческих способностей школьников и студентов. При этом повышенное внимание стало уделяться изучению математики, физики, биологии – тех наук, которые интеллектуально питают научно-технологические инновации.

Наконец, в связи с попытками переориентировать экономику НИСов в соответствии с императивами постиндустриального мира стоит заметить, что правящей элите индустриальных стран В/ЮВА, в отличие от российской верхушки, присуще стремление и умение как разрабатывать, так и осуществлять *большие проекты* стратегического характера. Например, ещё в 1991 году премьер-министр Малайзии Махатхир Мохамад выдвинул стратегическую программу «Перспектива 2020» («Vision 2020»), нацеленную на превращение страны в общество, основанное на знании (*knowledge-based society*). В рамках этой программы был разработан проект создания Мультимедийного суперкори-

---

[1] За основу взят ППС 1996 г. Рассчитано по: «Российский статистический ежегодник 2001», с. 187; *International Financial Statistics*. December 2001. Washington: IMF, 2001, p. 710; *Human Development Report 2002*, p. 191.

[2] "Независимая газета", 2003, 19 июня, с.3. Данные о ППС см.: «Россия и страны мира», 2002, с. 97.

[3] Рассчитано по: Yusuf S. e. a. *Innovative East Asia: The Future of Growth*. Washington: World Bank, 2003, p. 197.

дора (МСК) – огромного технопарка длиной около 50 и шириной 15 километров, который должен был стать центром науки и технологических разработок, особенно в области информатики и микроэлектроники. В середине МСК намечалось построить два города – Путраджайа (*Putrajaya*) и Сайберджайа (*Cyberjaya*), расположенных по разные стороны от шоссе, соединяющего Куала-Лумпур с аэропортом. В первый из этих городов недавно уже была переведена официальная резиденция правительства страны, а другому отведена роль науко-технограда.

На сегодняшний день строительство МСК в основном завершено, хотя, как это нередко бывает при осуществлении грандиозных замыслов, не всё получилось и получается так, как планировали авторы проекта и его идеи. В то же время внутри МСК создаётся новый очаг инноваций, связанных уже не с микроэлектроникой и информатикой, а с биотехнологиями и комплексом наук о живой природе. Это новое детище уходящего вскоре с поста премьер-министра Махатхира получило название Биодолины – по аналогии с известной Силиконовой долиной в США. Его костяк составляют три государственных научных центра. Одновременно начал действовать и частный фонд «Спринг Биотек Венчурс», который продвигает результаты научных исследований на рынок, особенно в фармацевтике. Суммы инвестиций, вкладываемых в новый проект, исчисляются сотнями миллионов и миллиардами долларов. Где, спрашивается, инвестиции в российские высокотехнологичные проекты? Пропиты и проедены «новыми русскими» и «мистерами два процента»?

* * *

Завершая далеко не полное сопоставление России и НИСов Восточной и Юго-Восточной Азии, можно сделать один общий вывод: азиатский капитализм наподобие того, который существовал в недавнем прошлом и отчасти существует до сих пор в Южной Корее, Сингапуре, китайской провинции Тайвань или Малайзии, явился бы «светлым будущим» для России. К сожалению, те предпосылки, которые в России для этого существуют, очень слабы. В этом отношении ситуация в России отчасти сходна с положением в Индонезии, где после падения авторитарного режима генерала Сухарто в 1998 г. у власти оказались люди, которые, мягко говоря, «не тянут», чтобы решать стоящие перед страной проблемы быстрее, чем те возникают. Да, в некоторых отношениях в России идёт процесс модернизации, особенно в крупных городах. Но в целом ещё быстрее идёт процесс демодернизации, разрушения научно-технического, промышленного, духовного потенциала. Не улучшается качество человеческого материала – ни в физическом, ни в интеллектуально-нравственном отношении. А это означает, что наиболее вероятным, правда, ещё не предопределённым вариантом будущего Российской Федерации является её угасание и последующее исчезновение с политической

карты мира. Сегодня не поздно предотвратить такой ход событий. Но счёт идёт уже не на десятилетия, а на годы и месяцы. «Точка невозврата» неумолимо приближается.

Ольга Александрова*

РОССИЙСКИЙ СРЕДНИЙ КЛАСС В ГЛОБАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

Olga Alexandrova. Russia's Middle Class in the Global Context

The prospects for Russia's middle class in a globalized economy depend both on the niche available to Russia as a whole, and on the cognitive framework of the middle class itself, i.e. its ability to grasp the global trends and its own interests so as to develop into a cohesive pressure group. The context is increasingly defined by challenges to the status quo, including from within the global Center, where the middle class is disintegrating and disenchanted. Western governments respond by increasing protection of domestic markets and constituencies, which implies the peripheralization of would-be competitors like Russia, and reduces the economic basis for the development of her middle class. Also, the latter itself lacks awareness of its interests and is politically demobilized, partly under the impact of the cognitive schemes generated by liberal media that portray strong government as incompatible with market economy and civil liberties and that dismiss the need for civic activism and representative democracy. It is also internally divided (i.e. between the «hedonists» trying to attach themselves to the domestic upper class, versus the skilled and mobile but marginalized «pessimists» who migrate from domestic periphery to the global center). In sum, it is mired on the periphery of the global periphery and thus remains an unfulfilled promise.

Каковы перспективы российского среднего класса в условиях глобализующегося мира? Что несут ему процессы интернационализации экономики - дополнительные шансы для обретения прочной социально-экономической основы или, напротив, дальнейшую маргинализацию большинства из составляющих его социальных групп?

Поиск ответов требует формулирования более масштабных проблем: какое место может быть предложено России в рамках современной глобализации - на что она может реально рассчитывать; в какой степени ниши, которые России предлагается или будет позволено занять, открывают возможности для экономического прогресса и социального развития, включая формирование полноценного среднего класса; насколько те слои российского общества, которые можно рассматривать в качестве потенциального среднего класса, способны осознавать суть глобальных тенденций, соотносить их со своими долгосрочными интересами и, что важно, в принципе руководствоваться последними; и, наконец, в какой мере этот потенциальный средний класс готов к превращению в группу давления, способную оказывать влияние на текущую политику.

---

* *Ольга Аркадьевна Александрова - старший научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения (ИСЭПН) РАН, кандидат экономических наук, автор ряда публикаций по проблемам развития российского среднего класса.*

Очевидно, что основной интерес мирового «центра» (прежде всего, его истэблишмента) состоит в закреплении достигнутых результатов и их наращивании. В то же время, существуют внутриполитические и внешние вызовы, способные нарушить сложившийся статус-кво. К внешним угрозам можно отнести, с одной стороны, перспективы возникновения новых крупных игроков на экономическом и геополитическом поле и, с другой - углубляющийся разрыв между «центром» и «периферией».

Однако главным источником нестабильности способно стать усиление социальной дифференциации внутри самих развитых стран, сопровождающееся симптомами дезинтеграции среднего класса и возникновения нового социального конфликта. Так, рост социального неравенства, сменивший в середине 1970-х послевоенную тенденцию его неуклонного сокращения, в 1980-е годы резко ускорился, причем на фоне общего снижения роста реальных доходов населения (если в 1950-73 гг. средний доход типичной американской семьи вырос на 110 процентов, то в период с 1973 по 1996 гг. - всего на 15 процентов). К тому же на протяжении этого периода доходы трижды снижались в абсолютном выражении, последний раз - в 1988-96 годах[1]. С конца 1980-х приостановился и рост доходов лиц с высшим образованием, стал углубляться разрыв в материальном положении образованных работников традиционных отраслей индустрии и их коллег, занятых в производстве новых знаний и технологий. В то время как последние выигрывали от глобализации, первые столкнулись с ее оборотной стороной - сокращением числа оплачиваемых рабочих мест вследствие перевода транснациональными компаниями обширных зон производства в страны с более дешевой рабочей силой, низкими экологическими требованиями и т.п. Дополнительно усугубила ситуацию политика большей открытости границ для иммиграции из стран третьего мира.

Не случайно именно все более теряющий уверенность в завтрашнем дне и готовый радикализоваться *Озабоченный Средний* (термин, введенный Э.Дайонном для обозначения западного среднего класса 1990-х) стал центральной фигурой, вокруг которой развернулись основные политические баталии.[2] Какова же направленность современных идейных исканий западного среднего класса, с чем связаны его ожидания, и, соответственно, что становится главным мотивом в риторике конкурирующих политических сил?

Известно, что во второй половине XX века идейный дрейф западного среднего класса шел от энтузиазма в отношении социального государства к скепсису по поводу возможностей последнего, как стало представляться, неэффективного и самонадеянно-

---

[1] Davis B., Wessel D. *Prosperity.* N.Y., 1998

[2] Leadbeater Ch. "What's the Big Idea?" *The Observer*, 4.08.1996.

го. Однако радикальный сдвиг в сторону индивидуализма и приватизации далеко не оправдал возлагавшихся на него надежд. К тому же в 1990-е годы возник новый враг в лице глобального рынка с его нестабильностью и разрушением привычной среды. *Озабоченный Средний* оказался перед центральной проблемой нынешнего времени: как, участвуя в глобальной экономике и используя всю выгоду, которую она может принести, суметь удержать свой весьма скромный уровень жизни, а также сохранить необходимую степень национального единения и гражданскую культуру. Будучи достаточно прагматичным, он отнюдь не выступает за то, чтобы повернуть вспять процесс глобализации экономики, однако его представления относительно средств, позволяющих снижать издержки процесса, весьма подвижны - от идейной смеси из протекционизма, социального авторитаризма и национализма до утопии прогрессивного, коммунитарного капитализма. Главный же лейтмотив состоит в необходимости активного, но обновленного государства, сострадающего и не позволяющего отодвигать средний класс на обочину жизни.

В рамках относительно конкурентной политической системы логичным ответом на подобный запрос со стороны основной электоральной базы западных демократий оказывается политика, направленная на стимулирование своей экономики с одновременной защитой внутреннего рынка от проникновения товаров и людей из стран «периферии». Как свидетельствуют цифры, в последние годы и торговые потоки, и движение иностранных инвестиций во все большей степени замыкаются в рамках развитых экономик, а иммиграционное законодательство последовательно ужесточается. Изменилась и идеология преодоления неравенства в международном масштабе: на смену утверждениям о необходимости создания условий для самостоятельного развития периферийных стран приходят идеи об увеличении размеров гуманитарных и иных видов помощи.

В отношении внешних вызовов столь же естественной оказывается политика сдерживания, торможения развития потенциальных внешних конкурентов, в том числе путем установления контроля над стратегически значимыми ресурсами. Очевидно, что многие из наблюдаемых сегодня шагов - от принятия программ, задействующих ВПК, до непосредственно военных кампаний - являются попытками решить эту двуединую задачу.

При этом лояльное поведение транснациональных корпораций вполне объяснимо: в отличие от навязываемых апологетами глобализации мифов об их космополитизме, они хорошо знают, «чей флаг приветствуют», и вовсе не склонны содействовать ослаблению государства, на чью помощь и авторитет намерены опираться в своем продвижении на наиболее прибыльные и перспективные внешние рынки.

Таким образом, можно говорить об отсутствии каких-либо рациональных оснований, позволяющих России рассчитывать на предоставление ей в процессе глобализации такого места и положения, которое давало бы возможность претендовать на наиболее привлекательные ниши в международном разделении труда и с течением времени все более полноправно включаться в решение ключевых мировых проблем. Новейшая российская история, включая реальную практику участия транснациональных компаний в проектах на территории России, специфику взаимодействия с Россией международных финансовых организаций, безразличие государственно-политических структур «центра» к фактам явного попрания демократических норм в девяностые годы и т.д., говорит о том, что «центр» отнюдь не стремится включить Россию в состав единой цивилизации, строящейся на западных принципах демократии и экономического либерализма. Следование России в отведенном ей русле сужает экономическую, а следом и политическую базу для формирования массового среднего класса и делает ее ненадежной даже для его усеченного варианта.

Что же касается собственных ресурсов развития - таких как масштабные природные ресурсы, анклавы высокотехнологичного производства, качественное образование и научные школы, а также значительный по объему внутренний рынок, на которые обычно указывают эксперты, характеризуя полупериферийность и амбивалентность нынешнего положения России, - то очевидно, что все они могут стать факторами экономического прогресса только в случае наличия государства, озабоченного защитой своего производителя и способного ее осуществлять.

Межстрановые сопоставления показывают, что действия транснационального капитала - вывоз национального богатства или инвестирование в развитие страны пребывания - во многом зависят от того, в какой степени государство способно скорректировать на внутреннем рынке правила глобальной конкуренции. Наглядным примером может служить история с нефтедобычей в Норвегии и Нигерии: если первая сумела использовать сырьевой ресурс как источник инвестиций в собственное машиностроение и из периферийного европейского государства превратилась в страну с одним из самых высоких уровней социального обеспечения, то вторая осталась на прежней ступени развития. Аналогичная ситуация складывается сегодня и в России, чье законодательство о разработке российских недр с привлечением иностранных компаний (СРП) позволяет дискриминировать российское машиностроение в пользу западных производителей[1].

---

[1] Болдырев Ю., «Похищение Евразии». М., 2003

Таким образом, в обмен на природную ренту Россия финансирует научно-технический прогресс и создание рабочих мест для квалифицированного труда за рубежом. При том, что, как показало недавно проведенное нами репрезентативное исследование, за исключением студентов элитных вузов, доступ в которые, судя по нашим данным, существенно ограничен, большинство выпускников российских вузов не планирует работать в рамках полученной специальности, тем более заниматься наукой - в силу отсутствия приемлемо оплачиваемых рабочих мест.

В то же время скорое осознание потенциальным средним классом глобальных тенденций и их влияния на условия его существования представляется маловероятным. Социальные силы, оказывающие определяющее влияние на российский социально-экономический и информационно-коммуникативный контексты, инкорпорированы в сложившиеся «центро-периферические» отношения. Сами же российские средние слои, судя по результатам наших исследований, не только не выработали идеологии защиты своих интересов (включая представления о механизмах ограничения возможностей манипулирования массовым сознанием), но и оказались неспособны адекватно использовать соответствующие институты, привнесенные в российскую действительность из либеральных демократий[1]. В силу этого в сознании средних слоев удается формировать ментальные конструкции, дезориентирующие потенциальный средний класс относительно его объективных интересов и демобилизующие его, как субъекта реальной политики. Так, проведенный нами контент-анализ либеральных СМИ за десятилетний период российских реформ выявил в их содержании такие тенденции, как длительное противопоставление «сильного государства» рыночной экономике и правам и свободам граждан (что стало серьезным препятствием своевременному осознанию и формулированию обществом необходимых требований к системе государственной власти, в том числе с позиций не исчезнувшего с наступлением эпохи глобализации стратегического мирового соревнования); отсутствие темы демократического контроля за властью и негативизм в отношении его институтов; принижение общественного значения и дискредитацию институтов представительной демократии; демобилизующее отношение к участию граждан в политическом процессе и т.п.[2] Естественно, что сформированные таким образом установки не способствуют становлению потенциального среднего класса в качестве самостоятельной, осознающей свои интересы социальной группы,

[1] Александрова О. «Социально-экономические интересы и ориентации формирующегося среднего класса». Автореферат диссертации. М. 2001.

[2] Александрова О. Современный идейный контекст становления российского среднего класса.// Российское общество на рубеже веков: штрихи к портрету, МОНФ, М., 2000

способной оказывать корректирующее воздействие на проводимый социально-экономический курс.

Другой серьезной проблемой, препятствующей интеграции потенциального среднего класса и его превращению в реальную группу давления является специфическая, отдельная от объективно присущей среднему классу гетерогенности, сегментированность российских средних слоев. Можно выделить, как минимум, три сегмента, радикально различающихся по ряду своих характеристик, но одинаково сомнительных с точки зрения наличия интенций на изменение ситуации.

Это, во-первых, те представители средних слоев, что реализуют гедонистскую модель социально-экономического поведения, функционируя в рамках сложившейся институциональной среды. Органично встроенная в современные реалии и рассчитывающая оказаться среди «победителей» в нынешнем «центро-периферическом» раскладе, эта социальная группа вряд ли заинтересована в сколько-нибудь серьезных изменениях правил игры.

Во-вторых, это сегмент, состоящий из высококвалифицированных, активных и мобильных индивидов, по тем или иным причинам не пожелавших вписываться в предлагаемые обстоятельства и пессимистически оценивающих перспективы «оцивилизовывания» России. Эта часть потенциального среднего класса совершает «обратную глобализацию», эмигрируя в страны «центра».

Третий, и наиболее многочисленный сегмент - та часть российских средних слоев, чьи интересы и требования к политике государства по идее должны были бы быть аналогичны тем, что осознаются и выдвигаются западным средним классом. Однако этого не происходит, поскольку в ходе приспособления к наличной институциональной среде значительная часть этого сегмента невольно превратилась в элемент закрепления и воспроизводства сложившейся институциональной матрицы (тем более последовательный элемент, чем более успешной оказалась адаптация). Именно этим, по-видимому, объясняется тот факт, что очевидный внутренний конфликт между нацеленностью на реализацию фундаментального классового интереса (ограничения возможностей субъектов, способных препятствовать свободной частной инициативе и равной конкуренции будь то на рынке производства товаров и услуг, или на рынке труда, или на рынке политического выбора.) и долгосрочную перспективу, с одной стороны, и ориентацией на противоречащую им адаптационную тактику достижения краткосрочных результатов - с другой стороны, до настоящего времени всегда разрешался в пользу последней.

Даже августовский кризис 1998 года не стал, судя по нашим данным, стимулом к продвижению потенциального среднего класса в сторону необходимых для его реального становления представлений, знаний и навыков - что подтвердили и последующие

события, продемонстрировавшие серьезное несовпадение между декларируемым недовольством системой и практикой политического действия.[1]

Кроме прочего (например, тотального неверия в действенность гражданских ассоциаций и инициатив), такая толерантность к, казалось бы, неблагоприятной среде объясняется тем, что социальным силам, сумевшим в ходе российских реформ сконцентрировать и монополизировать СМИ, удалось сформировать в сознании средних слоев конструкции и идеологии, оправдывающие не только структуру общества, но и недостатки его функционирования. Так, как показали наши исследования, широко распространенными у соответствующего слоя оказываются представления о временном, преходящем характере сегодняшних проблем, их объективной неизбежности на данном этапе, а также вера в конечное корректирующее воздействие «невидимой руки рынка».

Таким образом, в краткосрочной перспективе наиболее вероятным представляется пессимистический сценарий, в котором потенциальный российский средний класс, участвуя в консервации нынешней системы, сам будет способствовать закреплению периферийного местоположения России, оставаясь в силу этого лишь нереализованной потенцией.

---

[1] Александрова О. Российский средний класс: идейный контекст обновления.// Общественные науки и современность, 2002 №1

МИР НАЕМНОГО ТРУДА КАК «ВНУТРЕННЯЯ ПЕРИФЕРИЯ» И Т.Н. АНТИГЛОБАЛИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ И НА ЗАПАДЕ

Karine Clement. Russian Labor as an «Internal Periphery», and the So-Called Antiglobalist Movement in Russia and the West

In her article the author tries to explain the mechanisms of Russian workers' peripheralization, in the context of the Russian society and even more in the world context. She points out the common tendencies in the new capitalist labor structures that are leading the workers from all over the world to such a dominated and alienated state: deregulation of the labor market, individualization of the labor relationships, informalization... In her opinion, collective mobilization in the «alterglobalist» movement could help Russian workers to gain some control over the social center of their own society (the power and oligarchs) and of the new global capitalist system.

Если Россия в целом относится к периферии новой мировой капиталистической системы, то можно утверждать, что рабочие и большинство наемных работников (мир труда) образуют периферию периферии. Хотя они представляют большинство активного населения (48,5%) и создают материальную базу национального благосостояния, они отстранены и от получения соответствующей доли этого пирога и от участия в принятии ключевых решений относительно политического курса страны или управления предприятиями. По данным Госкомстата, доля оплаты труда в ВВП за годы реформ неуклонно снижалась, и сейчас она составляет примерно 20%. А в западных странах, хотя эта доля тоже снижается, она все еще в среднем намного выше, чем в России (в США – около 60%). Такая ситуация обусловлена сильным неравенством в соотношении сил между миром труда и владельцами капитала. Целью данной статьи являются выяснение механизмов этого неравенства (или периферийного положения работников), их сопоставление с тенденциями, наблюдаемыми в этой сферена Западе, и поиск путей преодоления этой периферийности.

---

* *Карин Клеман - доктор социологии, научный сотрудник социологической лаборатории «Труд и мобильность» Университета Париж-10 и Центра изучения социальных трансформаций в рамках Института социологии РАН, а также эксперт ИПРОГ. Специалист по вопросам социологии рабочей силы, автор ряда работ, в том числе "Les ouvriers russes dans la tourmente du marché. 1989-1999. Destruction d'un groupe social et remobilisations collectives" [Российские рабочие: пытка рынком. 1989-1999. Разрушение социальной группы и попытки коллективной ремобилизации] (Editions Syllepse: Paris, 2000). Участница международного профсоюзного и «антиглобалистского» (альтерглобалистского) движения, в том числе один из создателей организации АТТАК-Россия.*

Своеобразие периферийности наемного труда в России

Соотношение сил между трудом и владельцами капитала продолжает меняться в пользу последних. Монополизация экономического пространства и укрупнение корпораций сопровождаются реструктуризацией и раздроблением производства на мелкие полуавтономные цеха или подразделения, где работнику не к кому обращаться со своими требованиями. Хотя процесс передела собственности несколько стабилизировался, большинство собственников, как и прежде, больше заинтересованы в быстрой и беззатратной прибыли, чем в развитии производства.

В среднем уровень инвестиций в стране очень низок (в 2001 г. он составлял 25% от уровня 1990 г.), а оборудование стареет (износ фондов составляет более 50%). В результате получение прибыли происходит либо за счет сдачи в аренду помещений, либо путем эксплуатации сырьевой ренты (экспорт и перепродажа природных ресурсов), либо за счет дешевизны рабочей силы. И в целом, и относительно цен на оборудование, энергию и прочие ресурсы рабочая сила дешевеет - при том, что на макроэкономическом уровне рынок труда характеризуется сегодня недостатком рабочей силы.

Доля зарплаты в себестоимости продукции варьирует от 3 до 35% по отраслям (в среднем – 10%). Можно смело утверждать, что многие предприятия, в отсутствие инвестиций, функционируют почти исключительно за счет дополнительных усилий работников, чьи уменье и навыки заставляют работать изношенное оборудование несмотря на неэффективную организацию труда. Но вся плачевная ирония постсоветской системы состоит в том, что эта самоотдача в работе не признается, и, естественно, не оплачивается. Наоборот, идеология постсоветского неолиберализма по сути гласит, что рабочие - ленивые и «лишние» люди. Применяются и прочие обесценивающие характеристики. И проблема заключается в том, что ***нередко рабочие сами себя ассоциируют с подобными представлениями***, ощущая себя лишними и не способными к «ударному капиталистическому труду». Поэтому они не требуют для себя соответствующего вознаграждения, а наоборот, чаще всего, предпочитают тихо и мирно работать, лишь бы их не трогали и не увольняли. И хотя либеральные экономисты утверждают, что зарплата является результатом рыночного саморегулирования, история западных стран и социологические исследования показывают, что она ***в первую очередь отражает соотношение сил между работниками и работодателями***. И когда работники большей частью пассивны, не солидарны и не организованы, то они проигрывают и в отношении зарплаты.

Политические институты (власть, государство, СМИ) только способствуют этому нарастающему дисбалансу. Законодательные реформы (новый кодекс о труде, внедрение накопительной пенсионной системы, налоговая реформа) выражают интересы ра-

ботодателей за счет снижения уровня жизни и защиты трудящихся. Официальная идеология гласит о необходимости отстранения государства от регулирования трудовых отношений, о вредности социально-трудовых конфликтов, о демократичности и эффективности индивидуализации трудовых отношений, - одним словом, о том, что чем больше свободы для предпринимателей, тем лучше для общества в целом и для трудящихся в частности. И, наконец, переплетение политической и экономической власти в стране усугубляет подчиненное положение рабочей силы.

Что касается социального контекста трудовых отношений, то доминирующие в нем явления только ослабляют позиции наемных работников. Во-первых, как уже говорилось, ущербное самоощущение наемных работников препятствует активной защите своих прав. Они слишком часто себя обесценивают или недооценивают и боятся «засветиться». Ни о каком чувстве принадлежности к классу или даже к единой социальной группе речи не идет. Во-вторых, они слабо организованы. Профсоюзы в целом (имеются в виду старые постсоветские профсоюзы) не воспринимаются ими как эффективное орудие защиты своих прав. В-третьих, работники не проявляют солидарности и действуют, скорее, в одиночестве, пытаясь добиться непосредственно у начальства каких-то льгот или улучшения условий для себя лично. Все эти характеристики детерминированы общей экономическо-политической системой.

Но есть и еще одна важная черта трудовых отношений, которой уделяется гораздо меньше внимания: неформальные составляющие. На всех предприятиях, где проводилось наше социологическое исследование[1], неформальные правила и практики, в том числе идущие вразрез с законом, преобладают над формальными, независимо от той или иной политики руководства. В силу этого, так же, как и старый трудовой кодекс, который редко применялся на практике, новый, вероятно, не очень повлияет на структурирование трудовых отношений в действительности - тем более, что он еще больше снижает уровень формальных коллективных гарантий для наемных работников. Опрос, недавно проводившийся ВЦИОМ[2], показывает, что больше половины всех опрошенных работников уже сталкивались с нарушением своих трудовых прав, но только половина опрошенных пытались их отстаивать. При этом всего лишь 10% из тех, кто выражал несогласие с этими нарушениями, обратились в суд.

---

[1] К.Клеман, «Неформальные» практики российских трудящихся: раскрепощение и закрепощение человеческой «пластичности» // Социологические исследования, №5, май 2003

[2] См. Т.И.Заславская, Неправовые трудовые практики и социальные трансформации в России // Социологические исследования, 2002, №6, 3-17

С тех пор, как работодатели избавились от контроля партии над своей деятельностью, они не чувствуют себя стесненными в своей политике управления кадрами. Большинство директоров, с которыми удалось побеседовать автору, признают, что при необходимости они всегда находят способ уклониться от выполнения каких-то из своих законных обязанностей или избавиться от нежелательного сотрудника - «раз уж мы сейчас стали официальными хозяевами», как выразился начальник сборочного цеха одного машиностроительного завода в Москве.

И сами рабочие не видят большого смысла в законах или писаных правилах. Когда речь идет об их обязанностях, они ссылаются на технологические или должностные инструкции, но чаще всего они их никогда не видели. «Существует должностная инструкция, но мы не придерживаемся ее, она - тысячелетней давности.» (экономист машиностроительного завода Москвы); «Наше дело исполнительское, что дадут, то и будем делать» (токарь того же завода); «Я не верю ни одному документу. Все документы – чушь. Любые законы пишите, все будет зависеть от директора (…). И что бы ни было записано в КЗоТе, будет проведена политика руководителя любыми путями, законными или незаконными» (начальник участка машиностроительного завода Москвы). И если посмотреть на проблему шире, наемные работники нередко вообще отрицают наличие у них каких-либо прав: «Какие у нас права? В нашей стране мы особенно прав своих и не знаем!» (доводчица машиностроительного завода Москвы).

Весьма показателен тот факт, что в случае нарушения трудовых прав большинство опрошенных действуют путем личного обращения к непосредственному начальнику. И, по их словам, такой способ намного более эффективен и надежен, чем открытый конфликт или юридическая процедура.

Неформальная составляющая присутствует в общей системе оплаты труда, формально сдельно-премиальной. На практике, размер зарплаты зависит от множества факторов, большинство из которых не подлежит контролю со стороны рабочих. Организация рабочего времени также носит неформальный характер. Задачи часто меняются, загрузка неустойчива. В основе неформальной организации рабочего времени лежит умение самих рабочих «выкручиваться» и устанавливать межличностные отношения «взаимного выкручивания». Наконец, следует указать на неформальный элемент гибкости в сфере занятости, которая проявляется во взаимозаменяемости рабочих в рамках одного предприятия, в их умении и готовности выполнить не только свои, но и чужие обязанности, в их согласии на сверхурочную работу, в использовании высококвалифицированных, но низкооплачиваемых сотрудников для выполнения низкооплачиваемых, физически тяжелых или неинтересных задач. К этому индивидуальному фактору гибкости надо еще добавить такие явления как срочные контракты (чье широкое использо-

вание узаконено новым кодексом о труде), неформальная занятость (без оформления контрактов) и неполная занятость[1].

Неформальные практики и правила имеют двоякие последствия. С одной стороны, они могут приносить пользу для отдельных работников (в виде материальных надбавок, ослабления дисциплины, возможностей «крутиться» и т.д.), но одновременно они ухудшают положение большинства трудящихся в целом. Что касается подсобного хозяйства и прочих побочных приработков, то они необходимы для выживания большинства населения. Об этом знают и власти, и администрация любого предприятия. И это нередко служит поводом для невыплаты зарплаты и свертывания системы социальных гарантий. При этом вторичная, «неформальная» работа связана с не меньшей, а порой и большей эксплуатацией, чем «формальная». Работник лишен всякой формальной защиты и попадает в полную зависимость от своего «неформального» хозяина. Участие в системе «неформальных» связей предоставляет работнику какие-то возможности, но оно же ставит его в еще более подчиненное положение, чем формальные иерархические отношения на предприятии.

В новых политических и экономических условиях большинство работающего населения вынуждено прибегать к неформальным практикам. И эти практики еще более усиливают нестабильность жизненных условий людей, втянутых в сферу «неформальности», структурированную, в отсутствии формальных правил, по принципу соотношения сил. Кто сильнее, тот выиграет, кто слабее, тот погружен в жестокую борьбу за повседневное выживание. «Неформальная» сфера представляет собой один из опорных элементов процесса реформирования российской экономики. Но при этом «неформальный» труд работников остается невидимым, скрытым, не признанным обществом. Более того, он иногда является таковым и для самих рабочих, когда они не осознают степень своих сверхусилий и не требуют полного возмещения всех трудозатрат. ***В этой недооценке работниками своих реальных трудозатрат кроется настоящая почва для сверхэксплуатации.***

Другое последствие этой недооценки своего реального вклада в производство – почти полное отсутствие какого-либо социального самосознания. Это один из важных факторов общественной пассивности. В своих «неформальных» практиках работники нередко оказываются в отношениях взаимной конкуренции (за близость к начальству, за лучшие заработки и т.п.), что идет вразрез с принципами минимальной солидарно-

---

[1] См. Р.Капелюшников, "Российский рынок труда: адаптация без реструктуризации", в кн.: В.Мартынов (ред.), «Некоторые аспекты теории переходной экономики», ИМЕМО, 1999; V.Gimpelson, D.Lippoldt, *Labour Restructuring in Russian Enterprises. A case Study*,

сти. Массовые социальные действия маловероятны до тех пор, пока участие рабочих в «неформальной» сфере продолжается в таком масштабе, как сейчас - или пока профсоюзы не будут заниматься этой сферой, предавая гласности «неформальные» практики со всеми их последствиями для работников, и пока никто не будет пытаться организовать работников «неформального» сектора.

Все вышеописанные факторы образуют определенную систему. Эта система - при всей своей сложности, двусмысленности, гибкости и неформальности - усиливает дестабилизацию и деструктуризацию мира труда, ослабляет позиции наемных работников, препятствует становлению рабочего и профсоюзного движения. В результате наемный труд уже почти и не является коллективным субъектом социально-трудовых отношений. В этом смысле наемные работники вытеснены на самую периферию системы - но при этом не полностью исключены из нее. Они необходимы этой системе - именно в качестве дезорганизованной и дешевой рабочей силы, гибкой и пластичной, не уверенной в себе и в своих правах.

Россия и Запад: наемный труд как периферия глобального общества

Хотя под другими названиями и со своей спецификой, многие из описанных тенденций наблюдаются и на Западе. Капиталистическая система приобретает там новые черты, закамуфлированные под общим словом «глобализация». Основной социальной структурой капиталистической системы все еще остаются отношения между трудящимися и владельцами капитала. Но форма этих отношений меняется. В результате экономических потрясений начала 70-х и кризиса индустриальной модели развития были подвергнуты существенному пересмотру принятые в западных социально-экономических системах представления не только об оптимальных структурах производства, но и о системах социального воспроизводства, о роли в производственных отношениях идеологических и культурных норм. Основные характеристики новой, т.н. постфордистской, модели производства - «дерегулирование», «либерализация», «неформальность», флексибилизация (повышение приспособляемости рабочей силы), мобильность, индивидуализация, самоорганизация, самоконтроль, соучастие, и даже «гуманизация мира труда»...

Все эти характеристики являются скорее идеологическим представлением о том, как должны складываться трудовые отношения в новой модели капитализма. На практике, эти новые формы управления и регулирования трудовых отношений чаще всего

Paris, OECD, 1996; Е.Клопов, Вторичная занятость как форма социальной трудовой мобильности // Социологические исследования, 4-1997

оборачиваются в свою противоположность: более жесткий контроль и подчинение, нестабильность, уязвимость, сохранение и распространение неотейлористских форм организации производства в целом ряде отраслей.

Новизна состоит в том, что средством внедрения новой модели является непосредственное применение рыночного, и, таким образом, ***якобы объективного*** принуждения. А ***«объективным обстоятельствам» сопротивляться на порядок труднее, чем личным или политическим приказам***. И, самое главное, мы наблюдаем массовую тенденцию к освобождению капитала от обязательств, по которым он был связан с трудящимися, и к тому, что на языке менеджеров называется «гибкостью» (*flexibility*).

Новая либеральная (рыночная) идеология хорошо известна. Она пропагандируется международными институтами (МВФ, ВТО и т.п.), правительствами, крупными предпринимателями и многими учеными. В ряде научных работ[1] новая глобальная капиталистическая система описывается как движимая гибкостью, мобильностью, легкостью производственных структур, освобождением от лишних социально-правовых обязательств и локальных привязок.

Вследствие этой реструктуризации капиталистической системы происходит свертывание прежних гарантий и прав наемных работников, ведущее к дестабилизации жизненных и трудовых условий (работа на полставки, временные работы, «скользящий график», работа без контракта или договора и т.п.), изменение общественных ценностей (царство индивидуализма, исчезновение принципа социальной ответственности), разрушение социальных классов и групп, свертывание системы социальной защиты и т.п. Для того, чтобы выжить в этой новой системе и сохранить работу, работники вынуждены «адаптироваться», подчиниться этим новым условиям, развить «гибкость».

Научная литература западных стран описывает эти перемены в сфере труда новым термином - «флексибильность» (*flexibility*)[2]. Этот термин имеет двоякое значение. С

---

[1] L.Boltanski; E.Chiapello, *Le nouvel esprit du capitalisme* [Новый дух капитализма], Париж, Gallimard, 1999; И.Валлерстайн. «Анализ мировых систем и ситуация в современном мире», М., Эдиториал УРСС. 2001 (перевод с английского языка); М.Кастельс. «Информационная эпоха», Москва, ГУ ВШЕ, 2000 (перевод с английского языка); Т.Шанин (ред.), «Неформальная экономика». – М.: ЛОГОС, 1999.

[2] См., в том числе: R.Boyer (ed.), *La flexibilité du travail en Europe* [Флексибильность труда в Европе], Paris, La Découverte, 1987; R.Sennet, *The Corrosion of Character. The Personal Consequences of Work in the New Capitalism*, New York, W.W.Norton & Co, 1998; B.Appay, A.Thébaud-Mony, *Précarisation sociale, travail et santé* [Социальная нестабильность, труд и здоровье], Paris, IRESCO, 1997; J.Shor, J.I.You, (ed.), *Changing production relations: a global perspective*, London, Edward Elgar, 1996; Y.Clot, *Le travail sans l'homme? Pour une psychologie des milieux de travail et de vie* [Работа без человека? Психологический подход к трудовой и жизненной среде], Paris, La Découverte, 1998; R.Castel, *Les métamorphoses de la question sociale* [Метаморфозы социального вопроса],

одной стороны, он указывает на изменения в организации труда в связи с заменой старой «тейлористско-фордистской» системы новой производственной моделью, более адаптированной к неустойчивости спроса и к постоянному процессу обновления технологий и номенклатуры продукции. Что касается использования труда, то «флексибильность» в этом смысле основывается на многообразии навыков работников, на гибкости в оплате труда, организации рабочего времени и в политике занятости, на мобильности капитала и рабочей силы. В то же время «флексибильностью» именуется новая идеология, объясняющая кризис рыночных экономик их негибкостью, т.е. слишком большим государственным вмешательством в хозяйство и препятствиями для свободного рынка. Соответственно, либеральная идеология призывает к освобождению от всех этих якобы неэффективных ограничений.

По-видимому, самый подходящий русский эквивалент этого термина – *«пластичность»*. Он указывает на **способность человека деформироваться, сгибаться, под давлением системной реструктуризации, не ломаясь и не сопротивляясь - несмотря на угрозу потери внутреннего стержня и человеческой цельности**. Такая эволюция во многом обусловлена новой конфигурацией капитализма. Пластичность имеет глубокое двойственное значение. С одной стороны, она позволяет людям приспосабливаться к нестабильным условиям новой глобальной капиталистической системы, снижая свою уязвимость. Но, с другой стороны, она в некотором смысле усиливает эту дестабилизацию.

В России тенденция к «флексибильности» существует в двух выявленных выше смыслах – как объективное явление и как идеология освобождения от старой советской системы. При этом форма «флексибильности» отличается от той, что более характерна для западных стран. Она в большей степени является неформальной, поскольку не зафиксирована формальными правилами или законами, и происходит в виде «спонтанной», отчасти неосознанной адаптации работников к новым условиям труда. Она развертывается через вышеописанные неформальные связи, и, скорее, в пределах отдельных предприятий, чем на уровне всего рынка труда. Наконец, нельзя не отметить, что подобная неформальность существовала и при советской системе[1], однако теперь она приобрела гораздо больший масштаб, и, применительно к новой экономической и социальной обстановке, меняет свое социальное значение, приближаясь к западному

Paris, Fayard, 1995; З.Бауман, «Возвышение и упадок труда», в кн.: «Индивидуализированное общество», М., Логос, 2002.

[1] См., например, M.Burawoy, P.Krotov, "The Soviet Transition from Socialism to Capitalism: Worker Control and Economic Bargaining in the Wood Industry", *American Sociological Review*, 57/1, фев.1992, ст.16-38; M.Lewin, *The Making of the Soviet System*, New York, Pantheon Books, 1985

стандарту «флексибильности». При этом сама система приобретает устойчивость, залог которой – пластичность и гибкость рабочих.

Такое развитие событий наблюдается и в западных странах, где «флексибильность» становится не только новым способом управления рабочей силой, но и новой идеологией капитализма, призывающей трудящихся перестать препятствовать свободе рынка и гибко повторять движения капитала. Это значит, что они должны согласиться на снижение зарплаты, если рентабельность капитала падает, на мобильность, если капитал перемещается, на неполную занятость, если конъюнктура ухудшается. Новая капиталистическая идеология выступает против всех прежних завоеваний западноевропейского рабочего движения, представляя их как препятствие для пластичности.

На примере российских рабочих, чья пластичность достигает гигантского масштаба, можно судить о разрушительных последствиях такой тенденции. Некоторых высокая степень гибкости действительно освобождает. Но для всех, у которого нет капитала (в широком смысле этого понятия)[1], пластичность означает не что иное, как подчиненность и утрату минимальной свободы, возможности как-то управлять своей жизнью. Вследствие особенно масштабных и ускоренных социальных перемен в России, неформальные и «гибкие» практики приобретают на российской почве больше силы и охватывают большее число людей, чем на Западе. ***В этом отношении Россия скорее «впереди Запада»***. Именно здесь в полной мере воплощаются наиболее антисоциальные черты новой глобальной капиталистической системы, которые еще только прорисовываются в «развитых» странах.

Процесс глобализации только усиливает тенденции к периферийности наемных работников в России, поскольку, в отсутствие инвестиций, ***сравнительными преимуществами российской экономики перед ее иностранными конкурентами являются как раз низкий уровень зарплаты, слабость социальной защиты и слабость протестного движения***.

Если сопоставить положение западных и российских наемных работников, вторые, безусловно, уступают первым по целому ряду показателей. Сегодня средняя зарплата российских наемных работников (5124 руб.) в 15 раз ниже, чем на Западе, а в промышленности в 25 раз ниже, чем в Западной Европе. Оплата труда в расчете на единицу продукции в России в пять раз ниже, чем в США

Число забастовок в России - одно из самых низких в мире. Даже в Восточной Европе оно гораздо выше. Поэтому и социальные выплаты и обязательства работодателей

---

[1] Имеется в виду, в соответствии с социологическими идеями П.Бурдье, не только материальный капитал, но и социальный, культурный, политический. См. П.Бурдье, *Практический смысл*, Москва, Алетейя, 2001 (перев. с французского языка)

в РФ заметно ниже, чем на Западе, а трудовое законодательство не соблюдается сплошь и рядом. ***Большим сравнительным преимуществом западных работников является как раз их способность к коллективной борьбе*** и сопротивлению новому либерально-капиталистическому курсу.

Транснациональные корпорации (ТНК) и международные институты заинтересованы в сохранении данной ситуации в России. Они не будут способствовать ни повышению зарплаты, ни развитию системы социальной защиты, ни становлению нормальных профсоюзов. Скорее наоборот. Предприятия, где ТНК уже появились, являются тому наглядным примером. Так, работники АвтоВАЗа, нанятые General Motors, получают 7800 рублей, т.е. ненамного больше, чем остальные работники АвтоВАЗа (6000 рублей в среднем). Но *их заработок почти в 3 раза меньше, чем заработок рабочих GM в Бразилии (700 долларов или 21000 рублей)*, и в 12 раз ниже, чем в США (3000$). При этом профсоюзная деятельность жестко пресекается[1], условия труда гораздо хуже (с точки зрения интенсивности и напряженности), социальные льготы и гарантии отсутствуют.

Россия превосходит Запад (и Восточную Европу) по уровню эксплуатации рабочей силы и социального неравенства. Соотношение доходов 10% самых бедных и 10% самых богатых составляет 1 к 46, тогда как этот показатель составляет менее 1 к 10 во Франции и 1 к 17 в США. Таким образом, российская рабочая сила покорена и достигла уровня гибкости, невиданного на Западе (где, как минимум, зарплата все еще выплачивается). Вместо того, чтобы хоть немного сбалансировать соотношение сил между капиталом и трудом, российская власть идет противоположным путем, ликвидируя все препятствия к личному обогащению окружающего ее узкого круга субъектов.

Однако тенденция к упразднению фиксированных, санкционированных государством норм и прав глобальна. Сокращение заработной платы и вообще урезание всех трудовых прав и гарантий являются одной из приоритетных целей международных институтов, находящихся под непосредственным влиянием транснациональных компаний. Действительно, ТНК составляют основное лобби, заставляющее правительства богатых стран (где сосредоточено большинство головных фирм ТНК) проводить выгодную им либеральную политику.

Соответственно, положение наемных работников везде ухудшается. Расслоение и рост неравенства идут полным ходом и на Западе. В период с 1973 по 1994 год реальный ВНП на душу населения вырос в Соединенных Штатах на целую треть. В то же

---

[1] Целенаправленному давлению подвергается единственный активно действующий профсоюз предприятия - «Единство».

время, однако, у трех четвертей работающего населения, не относящегося к руководящему персоналу, средняя зарплата сократилась на 19%. От глобализации особенно выиграли высшие управленцы крупных корпораций (т.е. в основном ТНК): с 1979 г. их зарплата выросла на 66%. Сегодня они получают примерно в 120 раз больше, чем их рядовые работники. Среди последних четыре пятых зарабатывали в 1995 году в реальном исчислении на 11% меньше, чем в 1973 году[1]. Таким образом, процесс глобализации экономики идет в ущерб интересам наемного труда, принося все большее благосостояние привилегированным слоям общества всего мира.

Ресурсами, обеспечивающими сравнительное преимущество в новой системе, является не только материальный капитал, но и связи, особого рода информированность, мобильность, готовность игнорировать социальные обязательства, способность ориентироваться в ситуации с высокой степенью неопределенности. То, что для высокоресурсных групп является освобождением от обязательств, для низкоресурсных оборачивается угрозой отчуждения и сверхэксплуатации. Именно в этой связи, Люк Больтанский и Эв Шиапелло пишут об ***«эксплуатации немобильных людей мобильными»***[2]. В трудовой сфере мобильные не зависимы от конкретного рабочего места или завода, управляют сетями, могут обойтись без формально-правовой защиты и без жесткого следования правилам. Такие черты характеризуют в основном управляющих. Но наемные работники в большинстве своем нуждаются в гарантиях защиты и в формализации обязательств. Как отмечают Т.И.Заславская и М.А.Шабанова, «чем менее благоприятные позиции занимают работники на шкале социальных неравенств, тем чаще нарушаются их трудовые права, и тем меньше шансов эти права отстоять»[3].

В своей книге об индивидуализированном обществе Зигмунд Бауман описывает общество, близкое к нашему суждению о неформальном и пластичном пространстве новой капиталистической системы. И среди его прочих проявлений в сфере труда он выделяет то, что «трудовая жизнь насыщается неопределенностью» (где определенный тип поведения может в одних случаях вознаграждаться, а в других карается)[4]. Он также анализирует способы ухода капитала из сферы, в которой действуют обязательства по отношению к рабочей силе. Все эти положения в высокой степени подтверждаются нашими наблюдениями в ходе проведенных исследований. Бауман также заключает, что новые, гибкие и неопределенные трудовые взаимоотношения (в применении к Рос-

---

[1] Г.П.Мартниа и Х.Шумана. «Западная глобализация - Атака на процветание и демократию», М., Альпина, 2001 (пер. с немецкого), ст.161.
[2] L.Boltanski; E.Chiapello, ст.455-456.
[3] Т.И.Заславская, М.А.Шабанова, «Проблема институционализации неправовых практик в сфере труда», в кн.: «Куда идет Россия?», М., 2002, с.141.
[4] З.Бауман, «Индивидуализированное общество», М., Логос, 2002, с.30.

сии мы бы добавили определение «неформальные») делают менее ресурсных работников более уязвимыми. «Как давно уже заметил Мишель Крозье, свобода от неудобных уз, неловких обязательств и сдерживающих движение зависимостей всегда была действенным и излюбленным орудием господства»[1].

Перспективы преодоления периферийности

Периферийное и подчиненное положение наемного труда в России обусловлено общей эволюцией глобального капитализма. Поэтому автор полагает, что возможности преодоления этой ситуации заложены в борьбе против всей совокупности элементов новой системы. Это означает, что только борьбой за экономические права (зарплату, условия труда) вряд ли возможно добиться существенного улучшения позиций наемного труда в соотношении с владельцами капитала. Надо отдавать себе отчет в том, что наемные работники всего мира, и в первую очередь в России, проигрывают классовую борьбу, которая затушевывается таким нейтральным словом как «глобализация». Как социальная сила они почти уничтожены, по крайней мере, в России. И потребуются огромные усилия для того, чтобы они опять стали полноценными субъектами социально-трудовых отношений, чтобы уравновесить хоть немного соотношение сил и вернуть себе влияние на власть не только в России, но и в неотделимой от нее глобальной системе.

Следовательно, во-первых, что успешная борьба за преодоление периферийности должна быть многосторонней, т.е. затрагивать как можно больше аспектов общественных отношений: экономических (причем и на микро- и на макроуровне), политических, и социальных (в широком смысле этого понятия). И, на мой взгляд, чрезвычайно важно не забывать о неформальном и пластичном пространстве, являющемся центром тяжести новой системы, особенно в России. Иначе, прилагаемые усилия не затронут главные, структурообразующие факторы неравенства и эксплуатации.

Во-вторых, представляется более эффективным, если борьба будет идти одновременно на разных уровнях – от своего предприятия до глобального уровня. Поэтому я вижу в т.н. «антиглобалистском» движении наиболее подходящую форму борьбы против новой глобальной капиталистической системы.

Из-за изобилия искаженных представлений об этом движении приходится начинать с короткого определения. Это движение является международным и интернационалистическим. Оно стремится к тому, чтобы придать глобализации социально справедливый характер, сопротивляясь при этом могуществу транснационального капитала

---

[1] Там же, с.34.

и правительств богатых держав, чья либеральная политика осуществляется, по мнению участников движения, через международные структуры типа МВФ или ВТО. Как показано выше, российские наемные работники еще глубже погружены в эту глобальную капиталистическую систему, чем их западные коллеги. Вот почему движение против капиталистической глобализации в России развивается медленнее и труднее, чем на Западе. Но, тем не менее, оно развивается[1].

Наемные работники образуют основную базу альтерглобалистского движения. Вместе с тем, проблема заключается в том, что они также больше всех ослаблены этой глобальной системой. Будучи соучастниками гибкой и неформальной капиталистической системы, они находятся в худшем положении с точки зрения противостояния ей. Поэтому становление «антиглобалистского» движения начинается на окраине рабочего мира. Мы наблюдали такую последовательность на Западе, и мы это наблюдаем сейчас в России.

Организации, осознано ассоциирующие себя с «антиглобалистским» движением, состоят не из представителей рабочего класса в традиционном смысле этого слова, а из молодежи и в меньше мере интеллектуалов. Впрочем, последние тоже не принадлежат к «центру» системы - они либо пролетаризированы (безработные, мало зарабатывающие), либо маргинальны (новые диссиденты, представители контркультуры). При этом они могут быть работниками по найму, но не сосредотачиваться преимущественно на решении трудовых проблем. Создаваемые ими организации в большей мере занимаются общенациональными проблемами: борьбой против войны (в Ираке и в Чечне), против вступления России в ВТО, против жилищно-коммунальных реформ, против ввоза ядерных отходов, проведением акций в противовес официальным саммитам (юбилею Санкт-Петербурга, саммиту Большой Восьмерки) или организацией социальных форумов, конференций, семинаров. Вся эта деятельность как бы находится вне сферы собственно трудовых отношений.

Собственно же в указанной сфере работают профсоюзы (в основном альтернативные). Но они, как правило, действуют на микро-уровне, в рамках одного предприятия. За характерным исключением в виде общероссийской кампании против либерализации Трудового кодекса, профсоюзы действуют пока весьма раздробленно и исключительно в связи с проблемами, непосредственно затрагивающими отдельные коллективы. Эти два типа борьбы дополняют друг друга и образуют общую динамику.

В чисто «антиглобалистских» молодежных или интеллектуальных организациях мы видим пространство для политизации и активизации широких слоев общества, с

---

[1] К.Клеман, Движение против капиталистической глобализации в России. Попытка ос-

целью создания более открытой и демократической левой культуры, с охватом большего количества системных проблем, а также путь становления международной солидарности, координации различных общественных инициатив и профсоюзных действий. В действиях профсоюзов и иных формах рабочего протеста нам видится эпицентр борьбы за иную глобализацию - поскольку именно в сфере трудовых отношений яснее всего прослеживается логика новой глобальной капиталистической системы. Но, на наш взгляд, только движение обоих направлений навстречу друг к другу создает возможность преодоления общей периферийности тех и других, превращения большинства граждан страны в субъектов общественного развития.

Как мне кажется, некоторые сдвиги в эту сторону уже наблюдаются на российской сцене. Элементы «антиглобалистского духа» (интернационализм, внутренняя демократия, координация действий, сопротивление системному глобальному капитализму) распространяются среди различных организаций и людей. Накапливается опыт совместной работы по организации всевозможных мероприятий. Установлены прочные, хотя порой непростые и неоднородные, связи между различными типами организаций с разными взглядами, например, между некоторыми анархо-экологами и троцкистами, между частью левой интеллигенции и молодежью, между профсоюзами и другими участниками процесса. Круг организаций, затронутых «антиглобалистской» тематикой, тоже расширяется, хотя медленно и трудно. Предприняты первые шаги для построения общероссийской сети протестных организаций, вписывающихся в это направление. Очень перспективна тенденция к привлечению молодых людей, находящихся вне организаций. Они находят в движении дух свободы, протеста и самореализации. Это необходимый элемент для появления массового левого движения, и он может стать мостом, объединяющим раздробленные организации.

Конечно, еще много проблем предстоит решить. Ограничены возможности и готовность разных общественных организаций выйти за рамки частной борьбы за свои особые интересы, связать между собой разные проблемы. Ресурсов (информационных, денежных) остро не хватает. Координация еще слабо отлажена, демократичность в функционировании и структуризации движения далека от идеалов. Кроме того, большое препятствие на пути развития движения видится в противоречиях между лидерами разных организаций, в их нежелании взаимодействовать друг с другом. Большинство участников движения критически относятся к самой необходимости в наличии лидеров, усматривая в этом противоречие самому духу движения (с его стремлением к прямой демократии и к преодолению склонности делегировать свои полномочия «умным»

мысления итогов двухлетнего развития // Полоса, №1, 2003

и «активным»). Проблему представляет собой и развертывание репрессивных функций государства, которое проявляется в усилении надзора за антиглобалистским движением, в особенности за левой молодежью и альтернативными профсоюзами, и в давлении на них. Наконец, опасным для России является развитие национализма, шовинизма, великодержавных настроений. Капиталистическая глобализация пропитана межнациональной розню, поскольку она сталкивает рабочих разных стран в качестве конкурентов на международном рынке. Представляется, что ценность и перспективность антиглобалистского движения состоит именно в том, что оно развивается по пути совместной борьбы периферийных трудящихся Запада и Востока, Севера и Юга против доминирующих властных структур глобальной системы.

В завершение, отметим, что положительное значение самой перспективы переворота в глобальной системе координат «Центр-Периферия», вообще говоря, не является доказанным. Это тема для отдельной работы. Приведем здесь лишь некоторые соображения.

С точки зрения общественного блага, можно предположить, что, чем больше людей из разных слоев общества обретут вес и влияние на «центр» глобальных властных структур, чем более справедливо будет распределена эта власть, чем больше разных интересов будет удовлетворено и учтено - тем более вероятно, что в перспективе эти властные структуры не распадутся и не ослабнут.

С точки зрения экономической эффективности и развития, также можно найти аргументы в пользу нашего тезиса о том, что борьба наемных работников за свои права пойдет на пользу экономике в целом. Во-первых, на данный момент большинство предпринимателей заинтересовано в получении быстрой прибыли, а не в развитии экономики в целом. Давление со стороны наемных работников и потребителей вынудит их принять во внимание другие интересы. Во-вторых, повышение зарплаты увеличит платежеспособность и внутренний спрос, а также позволит людям ощущать себе нужными обществу и, соответственно, защищать свои интересы и достоинство. В-третьих, производительность труда в России сегодня достаточно низка и составляет всего 20% от производительности труда в США. Причина - в первую очередь в отсутствии капитальных вложений в производство и в износе оборудования. Если это оборудование все еще функционирует, экономика обязана этим опыту и профессионализму рабочих. ***Чтобы заставить предпринимателей вложить деньги в модернизацию производства, надо добиться повышения зарплаты (как это делалось в послевоенной Западной Европе и в США).*** Такой подход и необходим и возможен, поскольку российская экономика в ряде ведущих отраслей и предприятий прибыльна (и вывоз капитала - наглядный тому пример). Причем эта прибыль формируется в основном за счет сверхэксплуатации рабочей силы. И нельзя сказать, что российские трудящиеся работают меньше или хуже,

чем на Западе. По данным статистики, трудозатраты (количество отработанных человеко-часов) российских трудящихся составляют 80% от американских. Но социологические исследования выявляют огромное количество неоплачиваемых и непризнанных трудозатрат, которые можно отнести к громадной «неформальной» сфере российской экономики.

В заключение, еще раз сформулируем нашу позицию: несмотря на сложности на этом пути, выход России в целом, и наемных работников в частности, из состояния периферийности заключается в активизации коллективной борьбы и общественного движения по типу «альтерглобализма». Это позиция скорее гражданская, чем научная. Однако она основана на социологических исследованиях, на изучении глубинных, «теневых» структур трансформации российского общества и глобальной системы в целом.

Сергей Лунев*

ГЛОБАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ОТНОШЕНИЙ В ТРЕУГОЛЬНИКЕ «РОССИЯ - ИНДИЯ - КИТАЙ»[1]

Sergei Lounev. Global Trends and the Prospects for Developing the Russia-India-China Triangular Relationship

The present unipolarity is beset by contradiction between the US global military hegemony and a certain weakening of its economic standing (reflected in the decrease of its share in the world economy). Western forecasts see Asia (India and China in particular) overtaking Western powers in terms of GDP within the lifespan of a generation. With their distinct regularities of internal development, China and India are largely immune to US influence (although US neoconservatives may try to use American control over Middle Eastern oil as a leverage against these countries). Russia's support for the anti-terrorist crusade and her pro-Western policies in general were not reciprocated, yet isolation and confrontation is not in her interest either; balance of power is the preferable strategy at the moment. In this light, the author surveys Russia's relations with India and China since Yevgeny Primakov's 1998-99 attempt to build a Moscow-Beijing-New Delhi «triangle». The latter has been problematic, due to deep and longstanding divisions between China and India, and Russia's limited ability to mediate. In the years to come, the maintenance of the status quo in the political and military sphere is most likely, while economic cooperation between the three holds better promises.

Крушение социалистического лагеря и распад Советского Союза полностью изменили конфигурацию прежней биполярной системы, которая приобрела формально монополярный характер, имея во главе одного лидера - США. Сложилась крайне противоречивая картина. С одной стороны, никто не может бросить вызов мировому лидеру, и Соединенные Штаты остались единственной сверхдержавой - если понимать под этим термином желание и возможность самостоятельно воздействовать на события во всех регионах земного шара (все остальные крупнейшие государства мира превратились по существу в региональные державы). С другой стороны, можно констатировать определенное ослабление позиций лидера, прежде всего, экономических.

---

* *Сергей Иванович Лунев - доктор исторических наук, сотрудник ИМЭМО РАН. Окончил историко-филологический факультет Института стран Азии и Африки при МГУ. Основные работы - «Дипломатия в Южной Азии» (1993), «Россия, Индия, Китай в современных глобальных процессах» (1998), «Независимые республики Центральной Азии» (2001) и др.*

[1] Настоящая работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) по исследовательскому проекту № 02-06-80230.

Происходит сокращение относительной мощи лидера по экономическому показателю. За полвека доля США в мировом ВВП упала почти в полтора раза[1]. Характерно, что она сократилась даже за 90-е годы, хотя это был период крайне медленного роста в Западной Европе, стагнации в Японии и необычайно резкого падения производства в Восточной Европе, тогда как для Соединенных Штатов десятилетие было в целом благоприятным. Сейчас доля США в мировой экономике не превышает показателей, достигнутых перед первой мировой войной (немногим более 20%)[2]. Соединенным Штатам приходится потесниться, в первую очередь, перед азиатскими государствами.

Сейчас по размерам ВВП (рассчитанного по паритету покупательной способности) Китай обогнал Японию и вышел на второе место в мире (по данным ЦРУ, 6 трлн. долларов в 2002 г.[3]). Индия (с 2,66 трлн. долларов ВВП в 2002 г.) обогнала Италию, Великобританию и Германию, заняв четвертое место. К группе лидеров подтягиваются Южная Корея и, с некоторым лагом, Индонезия и Иран. В соответствии с прогнозами Гарвардского университета, к 2025 г. на Азию придется 55-60% общемирового валового национального продукта, а на Запад - 20-30%. Те же экономисты полагают, что в течение этого периода Китай и Индия будут показывать самые высокие темпы роста во всем мире [4]. По средним оценкам большинства исследователей, через 10-12 лет КНР по абсолютным цифрам ВВП догонит, а, возможно, и превзойдет Соединенные Штаты[5], а Индия практически сравняется по этому показателю с Японией. По прогнозу ЦРУ, в 2020 г. ВВП КНР, достигнув 20,0 трлн. долл., превысит совместный ВВП США и Японии (13,5 и 5,1 трлн. долл. соответственно) [6].

Китай и Индия, как сверхкрупные государства, стали превращаться в отдельные подсистемы мирового хозяйства. В них действуют собственные закономерности развития. Среди них особую роль играют повышенная роль государства в хозяйстве (особенно в КНР); довольно широкое использование административных методов; внутренний рынок как основа экономического роста; внимание государства к проблемам рас-

---

[1] A. Maddison. *The World Economy. A Millennial Perspective.* Paris, Development Centre of the Organization for Economic Co-operation and Development, 1995, p. 263.
[2] *Op.cit.*, 2001 edition.
[3] URL: <http://www.cia.gov/cia/publications/factbook/geos/ch.html>.
[4] S. Radelet and J. Sachs. "Asia's Reemergence". - *Foreign Affairs*, vol. 76, N 6, Nov. - Dec. 1997, p. 51.
[5] Некоторые эксперты утверждают, что по паритету покупательной способности Китай сравняется по объему ВВП с США уже к 2005 г. (О. Богомолов, Л. Кондрашова. Секреты китайской экономической кухни. - НГ-Политэкономия, № 1, 1999, с. 5).
[6] Y.F. Lommen, P. Tonchev. *China in East Asia: From Isolation to a Regional Superpower Status.* Athens: Institute of International Economic Relations, 1998, p. 15. (Следует, впрочем, учесть, что ряд предыдущих оценок ЦРУ, в том числе по состоянию советской экономики в 1980-х годах, впоследствии оказались завышенными. - *Прим. ред.*)

пределения; внешняя политика, направленная на превращение из региональных в мировые державы. В силу огромных масштабов экономики и высоких темпов развития этих держав, обусловленных опорой на внутренние факторы роста, США не могут оказывать большого влияния на процессы их развития.

Мировой лидер слабо контролирует и многие развивающиеся и переходные страны, которые переживают системный кризис и мало вовлечены в интернационализацию производства. Трансформация мировой системы сопровождается абсолютно новым процессом: выталкиванием периферийных государств из мировой системы и превращением этих 40-50 стран в «серую зону», за которую основные мировые центры (в первую очередь, США) не желают (либо не могут) брать никакой ответственности, и где не действуют общие закономерности развития системы. Мировое сообщество устраняется от какого-либо воздействия на «серую зону» [1]. Попытки вмешательства (как в Сомали) заканчиваются неудачей, поскольку в новой глобальной ситуации никто не готов к существенным финансовым затратам и гибели своих граждан ради прекращения гражданских войн в странах, не занимающих высокого места в приоритетах внешней политики ведущих государств[2].

Развитие региональных ассоциаций (Европейский Союз, АСЕАН и др.) также ограничивает возможности США. Эти организации достаточно велики (потенциал Западной Европы, например, не уступает Соединенным Штатам), ориентированы на развитие связей между странами-участниками и основаны на консенсусе. Таким образом, они менее склонны идти на уступки из-за опасений нарушить существующее согласие, из-за чего экзогенное воздействие на их экономическую стратегию оказывается ограниченным.

Перед развитыми странами стоят одинаковые цели и задачи, вытекающие из их сходного места в мировой хозяйственной системе. В них обеспечен весьма высокий уровень развития инфраструктуры и сельского хозяйства, они заняли практически монополистическое положение в сфере информатики и высоких технологий. Одновременно здесь происходит сокращение физического производства, а упор сделан на сфере услуг и развитии финансового капитала. Достаточно отметить, что движение краткосрочных капиталов через границу в десятки раз превышает всю мировую торговлю и в сотни раз - прямые иностранные инвестиции. Для сохранения благосостояния своего

---

[1] Отметим, что мировые средства массовой информации вообще не замечали проходящей с 1998 г. международной войны в Конго (Заире), где уже погибло более 2,5 млн. человек.

[2] M. Kalder. "American Power: from "Compelleance" to Cosmopolitanism?" – *International Affairs*, Cambridge, N 1, 2003, p. 8.

общества, во избежание внутренних потрясений Северу крайне необходимо полное открытие экономик переходных и развивающихся стран для движения финансов и товаров (при абсолютном отсутствии свободного рынка труда). Подобное единство способно порождать и сходную внешнеполитическую стратегию.

Однако развал биполярной системы нарушил дисциплину западного мира, что объясняется во многом исчезновением мощнейшего и опаснейшего врага – системы социализма, наличие которой и обуславливало неоспоримое лидерство США в западном блоке в течение почти полувека. Многие крупнейшие страны Европы стали отходить от безоглядной поддержки Соединенных Штатов, которые постоянно сталкивались с прямой оппозицией, как только пытались занять особо жесткую линию в отношении стран, зачисленных в разряд "стратегических противников" (Куба, Иран, Ирак, Ливия, Северная Корея и т. д.). Правда, в обстановке роста национализма и религиозного фундаментализма, с одной стороны, и укрепления позиций демократии, с другой, мировой лидер долгое время был вынужден прикрываться коллективными действиями. Но даже военная операция в Афганистане была поддержана традиционными партнерами США с большими оговорками.

Еще больше недовольства вызвала политика администрации Дж.Буша в первой половине 2003 г. Полностью отринув нормы международного права, Соединенные Штаты, без санкции ООН, 20 марта начали войну против Ирака. Официальные заявления администрации о необходимости уничтожения оружия массового поражения в Ираке, борьбы с диктатурой Саддама Хусейна и ликвидации «сети международных террористов» в этой стране представляют худшие образцы пропаганды. Пребывающие на территории Ирака 200 тысяч военнослужащих США и Великобритании не смогли обнаружить никакого оружия массового поражения, даже одной-единственной пробирки с сибирской язвой. Если какие-то доказательства в будущем и будут предоставлены, скорее всего, речь будет идти о фальсификации. Следов каких-либо связей с «Аль-Каидой» или другими террористическими организациями тоже нет. Режим Хусейна никогда не вызывал особых симпатий в России, но в мире существует масса других диктаторских режимов, нередко совершающих более кровавые преступления.

Очевидно, что главной целью администрации Буша было стремление обеспечить контроль даже не над иракской нефтью (11% мировых запасов), а над всем Ближним Востоком. Это даст гигантские рычаги воздействия на индустриально развитые державы и наиболее быстро развивающиеся страны Азии. С 1993 г. Китай превратился в импортера нефти, и его зависимость от поставок нефти из региона все больше усиливается. Япония и новые индустриальные экономики на 70-80% обеспечивают свои потребности в нефти за счет Ближнего Востока. Зависимость Западной Европы несколько меньше, но она также существует.

По всей видимости, «революционный период» американской внешней политики сейчас прекратится, но никто не знает, на какой промежуток времени, и кто будет новой мишенью – Северная Корея, Иран, Сирия или иная страна. Реальная политика «неоконсерваторов», доминирующих в администрации Буша, не имеет никакого отношения к борьбе с международным терроризмом, а направлена на обеспечение гегемонии в мире. По существу, они и не особенно скрывают этого стремления. Уже в начале 90-х годов американские «неоконсерваторы» опасались, что Япония и Германия превратятся в действительно великие державы, и в секретном докладе Пентагона "Направления оборонного планирования" 1992 г. (доклад попал в прессу) утверждалось: "Наша стратегия должна вновь сфокусироваться на недопущении появления в будущем любого глобального конкурента"[1].

Именно отмеченное относительное ослабление позиций Соединенных Штатов в мировой экономике и объясняет постоянное применение насилия. Сила стала основным аргументом Вашингтона. Действительно, происходит рост военного могущества США. Страна тратит колоссальные средства на военные расходы. В 1995 г. они превысили 250 млрд. долларов, что составило 35% общемировых расходов на оборону[2]. В 1999 г. цифры военного бюджета были несколько большими – 276,7 млрд. долларов[3], а внесенный в Конгресс США в мае 2003 г. военный бюджет на 2003-2004 фин. г. превысил сумму в 400 млрд. долларов[4]. При этом, чем сильнее будут ослабевать экономические позиции США, тем больше соблазна будет у Вашингтона прибегнуть к военной силе.

В стремлении обеспечить свою полную гегемонию американские «неоконсерваторы» будут руководствоваться исключительно собственными интересами и не считаться с внешнеполитическими задачами и целями даже своих союзников. Характерно, что британские компании получили весьма незначительные контракты по восстановлению экономики Ирака, хотя Великобритания не просто полностью поддержала США, но и направила свои войска для участия в военных действиях в Ираке. Подобное развитие событий должно оказать отрезвляющее воздействие на Москву.

Начало военной операции в Афганистане не вызвало недовольства в России, власти которой передали Вашингтону всю имевшуюся у них информацию по Афганистану и международной террористической сети. Москва выразила свое согласие присоединиться к «борьбе с терроризмом», возглавленной Соединенными Штатами.

---

[1] "Excerpts from Pentagon's Plan: Prevent the Reemergence of a New Rival". - *New York Times*, 08.03.1992, p. A14.

[2] E. Gholz, D. G. Press, H. M. Sapolsky. "Go Home, America: The Strategy of Restraint in the Fare of Temptation". - *International Security*, vol. XXI, N 4, Spring 1997, p. 5.

[3] URL: <http://www.cia.gov/cia/publications/factbook/geos/us.html>.

[4] *New York Times*, May 22, 2003.

Представляется, что политика односторонних уступок в отношении любой страны наносит лишь ущерб российским интересам. К сожалению, современный мир уважает лишь силу (может быть, значительно больше, чем в биполярный период). Уступка воспринимается как слабость, и рассчитывать на ответные позитивные шаги не приходится.

Поддержка «крестового похода» США никаких особых дивидендов России не принесла. Существуют подсчеты, что Москва, приняв решение встать на сторону Вашингтона в «борьбе с международным терроризмом», рассчитывала на позитивные изменения по 15-20 параметрам. Однако в реальности положительные перемены произошли лишь по 2-3 направлениям, а в остальных сферах ситуация либо ухудшилась, либо сохранился статус-кво. Узбекистан и Киргизия предоставили свою территорию для размещения баз стран НАТО. Очевидно, проходят тайные переговоры по этому вопросу с Таджикистаном. Москва дала санкцию на пребывание в Центральной Азии военнослужащих из США и других западных государств, но, по-видимому, сама не ожидала, что под полным контролем НАТО окажутся целые районы, а местные власти начнут столь резко переориентироваться на Запад. Кремль молча отреагировал на выход Соединенных Штатов из Договора об ограничении систем противоракетной обороны, этой основы стратегической стабильности в течение последней четверти XX века, и на включение в состав НАТО бывших советских республик[1].

Подход США и их ближайших союзников к проблеме терроризма всегда был далеко не безупречен. Существовали «хорошие» террористы (к примеру, албанцы) и «плохие» (палестинцы). Усама бен Ладен был «хорошим», пока воевал против СССР и России, и стал «плохим», как только начал атаки на США. Многозначителен тот факт, что с 90-х годов штаб-квартиры практически всех мусульманских радикалов размещены в Британии - стране, являющейся главным союзником США.

Позиция Европы вполне понятна. Ее крупнейшие страны – Франция, Германия, Великобритания – имеют многомиллионные мусульманские диаспоры. Исламский мир географически очень близок к Европе. Арабские страны являются основными поставщиками нефти на европейский рынок. В результате многие страны Европы занимали отличные от США позиции в отношении Ближнего Востока[2], в целом проводили достаточно самостоятельную политику в отношении Ирана и Ирака из-за заинтересованности в сырьевых ресурсах этих стран. Именно европейские, а отнюдь не американские лидеры были инициаторами балканского кризиса в 90-е годы.

---

[1] Интересно, что западные лидеры во время переговоров с М. С. Горбачевым заверяли, что войска НАТО не будут располагаться даже на территории Восточной Германии.
[2] Израиль уже обвиняет Западную Европу в антиизраильских позициях.

По всей видимости, России предстоит искать новых партнеров. При этом следует отметить одно обстоятельство. Рост антизападных настроений у населения сказывается на позициях российских политических лидеров, которые в условиях сохранения процедуры демократических выборов больше всего стремятся к расширению своей социальной базы. Но в целом российская элита остается прозападной. Ее некоторое разочарование проявляется в росте скепсиса в отношении США, но отнюдь не в отношении Западной Европы. Отсюда и возникают идеи по поводу возможного раскола между двумя мировыми центрами, превращения России в партнера Европы и ее полной интеграции в европейские структуры[1]. Российская элита по-прежнему свято верит в евроцентристскую «идеальную модель», испытывает очевидный комплекс неполноценности в отношении Европы и традиционно настроена крайне пессимистично в отношении собственной страны. Подобные подходы всегда вели к настоящему цинизму (и в дореволюционные времена, и в советский период, и сейчас).

Однако представляется, что у РФ не меньше ограничений для сотрудничества с Западной Европой, чем с США. К сожалению, весь Север не особенно заинтересован в полномасштабной и партнерской интеграции России в свои структуры. Пребывание в положении периферии развитых стран, с перекачкой туда всевозможных ресурсов (сырья, финансов. наиболее квалифицированной рабочей силы и т. д.), будет вести лишь к постепенной деградации страны. Именно такой сценарий предусматривался в прогнозе ЦРУ о развитии мира к 2020 г. Стратегическая цель правящих ныне элит развитых стран в отношении России - сохранение статус-кво. Им нужна ослабленная страна, но не хаос; развитие сырьевых отраслей, но не высокотехнологичных; демонтаж военной мощи, но на данном этапе - не окончательный; и т. д. Конечно, есть на Севере политические силы, желающие, как полного уничтожения страны, так и ее возрождения; существуют нюансы в политике конкретных стран, но речь идет о ведущей тенденции.

С объективной точки зрения, гегемония Соединенных Штатов в мировой системе, опирающаяся на голую силу, противоречит национальным интересам России. Основные проблемы взаимодействия заключаются в том, что, во-первых, мировой лидер не склонен иметь с кем-либо равноправные отношения; и, во-вторых, Россия остается единственной страной в мире, которая способна уничтожить США, и данное обстоятельство будет негативно сказываться на американских подходах.

Вместе с тем страна не имеет возможностей пойти как на открытый вызов, так и на полный отказ от заимствования опыта Севера. Автаркия и сужение сферы сотрудничества с Соединенными Штатами и другими западными странами будут иметь самые не-

---

[1] Подобные настроения, например, видны при анализе Посланий 2001 г. и 2003 г. Пре-

гативные последствия. Отъединение от Севера окончательно закроет России возможность существенного социально-экономического прогресса, получения крайне важного технического и социально-организационного содействия со стороны развитых стран.

Ослабленная Россия находится не в таком уж отчаянном внешнеполитическом положении - если, конечно, не бросаться из крайности в крайность и не проводить курс на полный антагонизм с Севером взамен процветавшему крену в его сторону. Внешняя политика России должна быть сбалансированной и очень гибкой. Азия и Латинская Америка выступают сейчас как очень перспективные партнеры. С политической точки зрения в России заинтересованы: Китай - для противостояния Западу; Япония и другие страны Восточной Азии - для баланса против Китая; мусульманский мир - для смягчения давления на него со стороны Запада; Бразилия и другие крупные страны Латинской Америки - для хоть какого-нибудь противовеса Соединенным Штатам. Сами США, в целом, в определенном плане заинтересованы в России – для ограничения Китая и исламской цивилизации.

Идею о создании тройственного союза Россия - Китай - Индия впервые открыто озвучил Е.М.Примаков в ходе своего официального визита в Индию в декабре 1998 г. Индийское руководство (как и китайское) крайне осторожно, если не сказать холодно, отреагировало на это предложение. После же начала агрессии НАТО против Югославии в марте 1999 г. премьер-министр Индии А.Б.Ваджпаи прямо призвал вернуться к обсуждению данной идеи[1]. Подобные же идеи выдвигались и в китайской прессе. В начале столетия китайское руководство стало практически открыто заявлять о необходимости разрабатывать концепцию самым серьезным образом. В Индии нет четко сформированного отношения к идее, но интерес к ней совершенно очевиден.

Пока концепция развития связей между тремя гигантами не имеет четкого наполнения, не ясны ни масштабы и рамки взаимодействия, ни направленность треугольника. Существует очень много проблем даже в двусторонних отношениях, особенно китайско-индийских. Однако нельзя отрицать, что есть весьма значительные предпосылки для существенного сближения трех стран.

Сейчас для крупнейших стран Евразии (прежде всего, для России и Индии) на первый план выходит единство задач по выстраиванию взаимосвязей с исламским миром. Крайне важны как нормализация отношений с этим ареалом и противостояние попыткам навязать этим странам участие в «борьбе с мусульманским миром», так и решительное противодействие «исламским» и «антиисламским» экстремистам. Индию (с ее

зидента РФ Федеральному Собранию.
[1] Независимая газета, 30.03.1999, с. 8.

140-миллионным мусульманским населением), Россию (с мусульманским населением на Кавказе и в поволжско-уральском регионе) и Китай (с мусульманским населением в Синьцзяне) будут объединять сходные проблемы и задачи. Однако складывается впечатление, что Россия и Индия прилагают недостаточно усилий для объяснения своей политики умеренным мусульманским государствам и обществам, и те постепенно также начинают воспринимать их как «врагов ислама».

Явно объединяет три страны и возможность установления однополярного мира, неприемлемая ни для одной из них. Это особенно касается Китая - страны, являющейся основным кандидатом на статус второй сверхдержавы (хотя этот гипотетический вариант в любом случае не может реализоваться в ближайшем будущем, и КНР еще долгое время будет ограничена действиями в Азиатско-Тихоокеанском регионе, прежде всего, в его азиатской части). Уже в ходе переговоров в Индии премьера Госсовета КНР Ли Пэна в декабре 1991 г. (первый визит в Индию китайского премьера после 1960 г.) обе стороны выразили готовность резко активизировать контакты в случае гегемонии одной страны в глобальной системе международных отношений. Для Китая и Индии независимый внешнеполитический курс всегда являлся главной целью. За полную нормализацию двусторонних отношений стали выступать даже правые партии: это заметно, например, по резолюциям находящейся сейчас у власти «Бхаратия Джаната Парти», ранее всегда критично оценивавшей политику КНР[1].

С окончанием "холодной войны" Соединенные Штаты потеряли основного стратегического противника, наличие которого определяло в течение полувека не только конфигурацию мировой системы, но и цели и задачи американского внешнеполитического курса и строгую блоковую систему Запада, в которой никто не бросал вызова американскому лидерству. Поэтому для поддержания своего политического влияния и возможности сохранять роль мирового арбитра американские «ястребы» постоянно пытаются найти общего врага, что могло бы консолидировать развитые страны. С конца 90-х годов все чаще на роль главного противника «свободного мира» стали выдвигать Китай.

Администрация Б.Клинтона заявляла о «стратегическом партнерстве» с Китаем, использовала преимущественно либеральные методы и стремилась к такой экономической взаимозависимости, которая сковала бы политические амбиции КНР. Республиканская администрация сразу заняла гораздо более жесткие позиции. Она не скрывала, что Китай является для нее «стратегическим соперником», как об этом заявил Дж. Буш еще в ходе предвыборной кампании 2000 г.

---

[1] *The Hindustan Times*, 08.12.1991.

Но три страны совсем не заинтересованы в проведении курса на антагонизм с Севером. Интересно отметить, что российские «ястребы», требующие разворота России к конфронтации с Севером, прежде всего с Соединенными Штатами, фактически ведут дело лишь к более сильному сплочению Севера, когда острие конфронтации будет направлено против России, что чревато для РФ самыми печальными последствиями. Китайские власти это отлично осознают и в последнее время проводят крайне осторожный внешнеполитический курс. Не случайно Китай выступал против иракской войны, но настолько тихо, что его голос практически не был слышен. Индийские власти открыто критикуют США лишь за их политику в отношении Пакистана. Следует также подчеркнуть, что Соединенные Штаты являются основным торговым партнером и Китая (142,1 млрд. долларов в 2002 г.[1]), и Индии (в 2002 г. взаимный товарооборот составил 24,7 млрд. долларов[2]). Азиатские гиганты крайне заинтересованы в дальнейшем укреплении экономических и технологических связей с США и другими странами Севера. Следует заметить, что ослабление этих связей усиливает тягу двух стран к России.

В целом России, Китаю и Индии объективно выгодно смягчение конфликтного потенциала во взаимосвязях Севера и Юга. Для них предпочтительна роль своеобразного посредника и моста между развитыми и развивающимися странами.

Единство задач, стоящих перед тремя странами, определяется и тем обстоятельством, что сейчас Россия по формальным социально-экономическим показателям и стадиальности развития явно оказалась в той же категории, что Китай и Индия. Следует принимать во внимание также схожесть стран с точки зрения размеров территории, численности населения и размеров экономики. Все это объективно стимулирует рост общности во внешнеполитических стратегиях.

Китайско-индийские противоречия и ограниченность возможностей России

В гипотетическом треугольнике наиболее слабой составляющей являются индийско-китайские отношения. Они складывались непросто с самого начала, и их первое обострение произошло уже в октябре 1950 г., после ввода китайских войск на территорию Тибета (следует учитывать, что Индия - в качестве наследия от Британии - получила особые права в Тибете). После военных конфликтов 1959 г. и 1962 г. отношения между Индией и Китаем были практически замороженными вплоть до конца 80-х го-

---

[1] Wayne M. Morrison. *China-USA Trade Issues.* Issue Brief for Congress. The Library of Congress, Wash., 2003.

[2] URL: <http://www.indianembassy.org/press_release/2003/mar/04.htm>.

дов, когда, как отмечалось, азиатские гиганты, обеспокоенные начавшимся развалом биполярного устройства мира и превращением США в единственную сверхдержаву, взяли курс на нормализацию политических связей.

Военно-политическая подсистема двусторонних отношений весьма неразвита. С 1991 г. начались переговоры представителей министерств обороны двух стран, но контакты в этой сфере касаются, главным образом, урегулирования территориальной проблемы. В 1991 г. и 1993 г. во время переговоров на высшем уровне был принят комплекс мер по стабилизации ситуации на границе, недопущению военных инцидентов и укреплению доверия между двумя странами. В 1996 г. в ходе визита в Индию Цзян Цзэминя было подписано «Соглашение о создании мер доверия в военной области вдоль линии действительного контроля». Обе стороны договорились о сокращении войск и вооружения на границе.

Двусторонние связи не развиваются лишь по восходящей линии. Китай и, особенно, Индия в долгосрочном плане рассматривают противоположную сторону как основного стратегического противника в Азии. Военные двух стран относятся к соседям весьма настороженно, особенно это относится к индийской военной элите, которая не может забыть унизительного поражения сорокалетней давности. Индийский генералитет считает, что в обозримом будущем у страны нет серьезного военного противника, кроме Китая. Военная доктрина Индии даже открыто предусматривала необходимость быть готовым к ведению “полутора войн” - т. е. одновременно с Китаем и Пакистаном. Сейчас Дели публично об этом не заявляет, но особых признаков отказа от этой концепции нет.

Взаимное недоверие временами приводит к обмену весьма резкими публичными заявлениями. Так, в апреле 1998 г. министр обороны Индии Дж. Фернандес публично назвал Китай «угрозой номер один» для Индии[1]. А после взрыва ядерных устройств Индией в мае 1998 г. Агентство «Синьхуа» назвало страну «южноазиатским гегемонистом»[2]. Пекинские власти заявили, что испытания несут серьезнейшую угрозу всему региону, и заняли непримиримую позицию в отношении ядерного оружия Индии[3]. Последовало существенное охлаждение отношений. Политический диалог, однако, не был прерван, соблюдалось соглашение 1997 г. о ежегодных консультациях министров иностранных дел. К 2001 г. связи вернулись на прежний уровень, что было подтверждено регулярными визитами лидеров двух стран в 2001-2002 гг.[4].

---

[1] M. Joshi. George In The China Shop. - *India Today,* 18.05.1998.
[2] П. Спирин. Китай сближается с Пакистаном. - Независимая газета, 26.05.1998, с. 6.
[3] M. Joshi. The Big Chill. - *India Today*, 24.08. 1998.
[4] N. D. Sheth. Li Peng's Visit. - *India Today*, 22.01.2002.

Обе страны в высшей степени опасаются, что военный потенциал (прежде всего, ядерно-ракетный) соседа будет направлен против них. Конечно, в Индии не могут игнорировать ядерные ракеты, расположенные в Тибете (в настоящих условиях они могут быть нацелены исключительно на юг), и совершенствование ядерного оружия в Китае. Крайнее беспокойство в Индии вызывает продолжающееся китайско-пакистанское военное сотрудничество, особенно в ядерной сфере. В свою очередь, Пекин, помимо осуждения ядерной программы Индии, призвал Дели подписать Договоры о нераспространении ядерного оружия и всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, а также приостановить планы по созданию баллистических ракет[1].

Для Индии весьма позитивным является то, что Пекин перестал оказывать Исламабаду открытую поддержку по кашмирской проблеме. В июне 1999 г. премьер-министр Пакистана Наваз Шариф даже сократил свой визит в КНР, когда Пекин отказался публично выступить на пакистанской стороне по вопросу начавшихся крупномасштабных столкновений в Каргиле (Кашмир)[2]. Но Индия по-прежнему расценивает Китай в качестве союзника Пакистана.

В Дели крайнее беспокойство вызывает развитие КНР военной инфраструктуры в зоне Индийского океана, особенно то, что Китай активизировал военное сотрудничество с Мьянмой (Бирмой), получил прямой доступ к Бенгальскому заливу и возможность пользоваться станциями электронного слежения на побережье. Дели пришлось пойти на существенное развитие связей с военным режимом юго-восточной страны для ограничения китайско-мьянмских контактов[3]. В свою очередь, Индия весьма активно укрепляет отношения с Индонезией и Вьетнамом, имеющими существенные расхождения с Пекином[4].

Индийско-китайские переговоры по территориальной проблеме продвигаются вперед крайне медленно. После семи лет обсуждений два правительства в октябре 1999 г. обменялись картами центрального сектора границы (545 км). По этому району (как и восточному) разногласия между двумя странами невелики (хотя и здесь существуют несколько вариантов прохождения линии действительного контроля) и могут быть решены. Гораздо серьезнее обстоит ситуация с западным сектором, где Индия не согла-

---

[1] В 1997 г. в Индии начала осуществляться новая фаза программы по созданию баллистических ракет «Агни» (оптимальная дальность - 2500 км), и здесь существуют планы создания межконтинентальной баллистической ракеты «Сурья» с дальностью полета от 8 до 12 тыс. км. Стоит отметить, что создатель ракет «Агни»и «Притхви» - Абдул Калам – в 2002 г. стал президентом Индии.

[2] R. Nanda. *Kargil. A Wake-up Call.* New Delhi: Lancers Books, 1999, p. 106-107.

[3] India: A Counter-Weight to China. - *India Today,* 26.02.2001.

[4] S. Mitra. Oriental Overture. - *India Today*, 22.01.2001.

шается с контролем КНР над территорией Аксай Чина. Китай до сих пор не признал и того, что Сикким является индийским штатом (в 1975 г. Индия присоединила эту гималайскую территорию, которая имела статус протектората) и открыто выражал недовольство созданием штата Аруначал-Прадеш, включившим спорные, по китайскому мнению, районы.

Китайские власти очень беспокоит деятельность далай-ламы в Индии. Первосвященник тибетской церкви, являющийся одновременно и политическим лидером тибетского народа, нашел убежище в Индии после жесточайшего подавления мятежа в Тибете в 1959 г. Сейчас в южноазиатской стране насчитывается около 150 тысяч беженцев из Тибета, которые регулярно устраивают крайне шумные антикитайские выступления (особенно в Дели)[1].

Значительно успешнее развиваются экономические связи. Так, с 1990 г. по 1995 г. объем двусторонней торговли вырос более чем в 30 раз, а к 2001 г. он составил около 2 млрд. долларов[2]. Стали появляться и совместные предприятия. Вместе с тем, индийские предприниматели уже начали бить тревогу в связи с ростом поставок более дешевой китайской продукции на индийский рынок (в Китае значительно выше производительность труда и намного лучше развита инфраструктура)[3]. Следует также отметить, что два азиатских гиганта уже конкурируют друг с другом и на мировой арене по целому ряду товарной номенклатуры.

Наиболее вероятным на ближайшее десятилетие представляется сохранение статус-кво в индийско-китайских отношениях: постепенное развитие связей и продолжение процесса их "вялотекущей" нормализации. Резкое улучшение возможно в случае актуализации двух внешних угроз - со стороны наиболее воинственной части американской элиты и со стороны радикалов в исламском мире. В противном случае на первый план выйдет скрытое соперничество азиатских гигантов. Очевидно, что по крайней мере до 2015-2020 гг. России наиболее выгодно укрепление китайско-индийских связей, что позволит усилить позиции трех стран в мире. Учитывая, что азиатские гиганты крайне настороженно относятся к любым попыткам посредничества в спорных вопросах двусторонних отношений, РФ может способствовать определенному усилению воздействия факторов, позитивных для индийско-китайских отношений, и ослаблению действия негативных параметров практически только путем предложения трехстороннего сотрудничества во взаимовыгодных областях.

---

[1] См., например, M. Joshi and S. Chakravarty. A Storm Brewing. - *India Today*, 11.05.1998.
[2] A. Malik. Trade Against Terror. - *India Today*, 09.10.2000.
[3] T.K. Bhaumik. Facing the Chinese Competition. - *Economic Times* (New Delhi), 1.11. 2000, p.10.

Так, крупнейшие державы Евразии часто не ставят друг друга в известность по поводу военно-политических контактов со странами, которые имеют особое значение для безопасности партнера. Крайне необходимо создание атмосферы большего доверия между странами. В этих целях Россия могла бы пойти на передачу большей информации о направленности своего военного сотрудничества с Индией Китаю, а с КНР - южноазиатской стране для того, чтобы показать своим партнерам, что эти связи не направлены против них.

Весьма важным представляется и развитие связей в плане противодействия распространению терроризма и экстремизма. Здесь возможно как создание специальной организации трех стран, так и подключение Индии к Шанхайской организации сотрудничества (в июне 2001 г. лидеры двух стран подписали специальную Шанхайскую конвенцию о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом), в чем Дели весьма заинтересован[1].

Крайне перспективно укрепление политических контактов. Большой резонанс в мире вызвала официальная трехсторонняя встреча министров иностранных дел трех стран в Нью-Йорке в середине сентября 2002 года, когда там шли заседания Генассамблеи ООН.

У России достаточно много проблем в экономической подсистеме двусторонних отношений с азиатскими гигантами. Часто преувеличивается общность интересов трех стран, в том числе и в области внешней торговли. Нельзя приветствовать и превращение РФ в сырьевой придаток азиатских гигантов. Более того, Китай и Индия, сохраняя государственную монополию внешнеэкономических связей по большому количеству направлений, в состоянии без затруднений переигрывать молодой и разобщенный российский бизнес. Вместе с тем ориентация России на сотрудничество с азиатскими гигантами может оказаться очень продуктивной. Особо можно выделить перспективы континентального сотрудничества России с Китаем и Индией, в отличие от ориентации на расширение связей в рамках АТР.

Здесь возможна реализация идеи, давно разрабатываемая А.В.Акимовым[2], о перспективах сотрудничества между Россией и Китаем (и в какой-то степени, Индией) в агросфере. В настоящее время Китай и Индия обеспечивают себя продовольствием и даже его экспортируют. Тем не менее, экологические проблемы могут изменить ситуа-

---

[1] См., например, интервью посла Республики Индия в России Кришнана Рагхунатха (Независимая газета, 21.04.2003).

[2] См., например, А. В. Акимов. «Мировая продовольственная проблема: шанс для России в XXI веке?» М., Восточный университет, 1999.

цию и заставить азиатские страны искать новые пути обеспечения продовольствием. Россия могла бы стать естественным партнером в решении этой проблемы.

Важным аспектом сотрудничества стала бы совместная разработка минеральных, топливно-энергетических и лесных ресурсов Сибири и Дальнего Востока (без превращения России в сырьевой придаток азиатских гигантов!). Сложившаяся в этих регионах промышленность является результатом развития этой ресурсной базы, и именно по данным направлениям было бы наиболее легко реализовать широкомасштабные проекты.

Лесное богатство Сибири и Дальнего Востока является важнейшей сферой сотрудничества. Необходимо остановить вывоз сырья в Китай и привлечь азиатских инвесторов для развития российской деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности. Крупные компании развитых стран вряд ли проявят интерес к предприятиям, расположенных слишком далеко от зоны их интересов, а Китай, заинтересованный в поставках в свои внутренние районы, мог бы стать потребителем уже готовой продукции.

Вполне возможно привлечение китайских и индийских инвестиций в развитие металлургической промышленности в Сибири и на Дальнем Востоке в тех местах, где расположены запасы минерального сырья. России намного выгоднее было бы экспортировать металлы, а не сырье.

Весьма перспективно сотрудничество в обрабатывающей промышленности. Возможно соединение российских высоких технологий, индийской инженерной мысли и китайского производства с его квалифицированной и дешевой рабочей силой. Такое сотрудничество и объемы рынков могут привлечь иностранные инвестиции, которые будут выгодны для обеих стран.

Особо следует выделить нефтяную и газовую сферу. В 2001 г. Китай потреблял 5 млн. баррелей нефти и 1 трлн. куб. футов газа в день (соответствующие цифры для Индии – 2,1 и 0,8). По прогнозу Международного Энергетического Агентства, в 2025 г. Китай будет потреблять 10,9 млн. баррелей нефти и 6,1 трлн. куб. футов газа в день (Индия – соответственно 5,5 и 3,4)[1]. Китай импортирует нефть во все возрастающих объемах (в 2002 г. – 1,6 млн. баррелей в день). Агентство предполагает, что к 2025 г. добыча нефти в стране практически не вырастет, и импорт нефти будет составлять 7,5 млн. баррелей в день. Международные эксперты считают очень преувеличенными и китайские данные о запасах газа. На Индию приходится 12,5% потребления энергии в АТР. На нефть уже приходится 20% импорта страны. Обе страны стремятся к диверси-

---

[1] *International Energy Outlook 2003.* Paris, International Energy Agency, 2003.

фикации ввоза углеводородов, опасаясь излишней зависимости от поставок из Ближнего Востока.

Россия добыла в 2002 г. 595 млрд. куб. м газа и 379 млн. т нефти (выйдя по этому показателю на 1-2 место в мире). Страна обладает одной третью мировых запасов газа (1680 трлн. куб. футов). В соответствии с принятой 22 мая 2003 г. правительством Энергетической Стратегией, в 2010 г. будет добыто 490 млн. т нефти и 665 млрд. куб. м газа [1]. Запасы натурального газа только в Восточной Сибири и Дальнем Востоке оцениваются в 12 трлн. куб. м [2].

Сотрудничество между странами развивается. Так, в 2001 г. индийская нефтегазовая компания заключила соглашение с «Роснефтью» об инвестировании 1,7 млрд. долларов в разработку проекта «Сахалин-1». В 2003 г. российское правительство подтвердило решимость построить экспортный нефтепровод из Восточной Сибири на Дальний Восток «Ангарск-Находка» с ответвлением в Китай на Дацин. Однако сотрудничество вполне возможно и в более крупных масштабах. Вполне целесообразным было бы создание Энергетической Ассоциации азиатских гигантов (с подключением Японии, также крайне опасающейся роста зависимости от ближневосточного сырья) для прекращения конкуренции между странами и образования влиятельнейшей ассоциации, на которую экзогенные факторы оказывали бы крайне незначительное воздействие.

Широкомасштабное экономическое сотрудничество представляется гораздо более перспективным, чем становление военно-политического стратегического треугольника Россия - Индия - Китай.

Учитывая свои крайне ограниченные силы, РФ должна не бросать вызов Северу и не соглашаться безропотно на роль его сырьевого придатка, а поэтапно разрабатывать свою стратегию, направленную на развитие человеческого потенциала и наукоемкого производства, что является магистральным путем современной экономики, на завоевание благоприятных внешнеполитических и внешнеэкономических условий. Роль периферийного придатка того или иного мирового центра представляется малоперспективной. Еще более разрушительным будет превращение РФ в арену противоборства различных сил в случае усиления конфликтного потенциала на глобальном уровне. В целях предотвращения развития событий в подобном направлении Россия должна стремиться к всестороннему развитию связей с азиатскими странами, при сохранении, по меньшей мере, нормальных отношений с США и другими центрами Севера.

---

[1] *Независимая газета*, 23.05.2003.

[2] *Natural Gas Pipeline Development in Northeast Asia.* Tokyo, Institute of Energy Economics, 2000, p.85.

Новая мировая гегемония

(материалы голицынской дискуссии)

ANNEX. The New Global Hegemony

This is a working document adopted by a panel on international politics during the conference on «The Future of the Left» (the Golitsyno conference), held on June 21-22, 2003 near Moscow. The conference was initiated, among others, by the Institute of Globalization Studies, and brought together representatives of Russia's left-of-center parties, academics and union leaders, as well as their partners from the West (including officials from the Socialist People's Party of Denmark, an economic adviser to the mayor of London, and activists of ATTAC).

Международный форум «Будущее левых сил», проходивший 21-22 июня 2003.г. в учебно-методическом центре «Голицыно», был организован рядом независимых левых и представителями части КПРФ. Официальными инициаторами выступили Институт проблем глобализации и Центр народной инициативы (учредитель - С.Ю.Глазьев). Как было заявлено в самом начале форума, его участники - как беспартийная интеллигенция, так и члены различных организаций - работали на нем в личном качестве, а не от имени и по поручению кого-либо.

В работе секции «Новая мировая гегемония» приняли участие сотрудники ИМЭМО РАН, ИПРОГ, ЦНИ, «Родной газеты», члены руководства и рядовые члены КПРФ, организаций «АТТАК-Воронеж», «АТТАК-Москва» и другие. Вниманию читателей предлагается документ, составленный по итогам этой работы. [1]

Поскольку и на секции, и на форуме были представлены разные и порой не совместимые друг с другом мировоззрения, этот документ предлагается рассматривать как приглашение к широкой дискуссии - с участием не только левых, но и всех демократических и патриотических сил в стране. Столь же дискуссионными, по мнению ряда сотрудников ИПРОГ и участников прошедшего форума, являются и другие материалы так называемого «Голицынского консенсуса».

Дмитрий Глинский
ведущий секции «Новая мировая гегемония» на форуме «Будущее левых сил»

В последнее десятилетие XX века, вследствие множества частных и межгосударственных сделок, заключенных советской номенклатурой и ее преемниками с победителями в «холодной войне», сложился однополярный мировой порядок. Слом международной системы «сдержек и противовесов» и резкое неравенство сил и возможностей внутри глобального общества создают ситуацию, при которой не только перечеркиваются итоги десятилетий социального прогресса, деколонизации и национально-освободительных движений в странах периферии, а также нормы международного права, но и подвергаются ревизии основы демократических институтов самого глобального «центра» - прежде всего в Соединенных Штатах.

Слабость отечественных противников однополярной модели мира во многом определяется неадекватностью аналитического инструментария. Так, господствовавший до сих пор геополитический подход (генетически связанный с национализмом колони-

---

[1] Нижеследующий материал был опубликован в искаженном виде Информационно-технологическим центром ЦК КПРФ на сайте этой партии и перепечатан с него агентством «Товарищ».

альных империй начала XX века) мешает увидеть внутреннюю конфликтность и уязвимость современного Запада, в том числе американского общества.

Следствие этого - неспособность предвидеть происходящие изменения и политика пассивного, фаталистического реагирования на них. Отсюда же и малоперспективные упования на «антигегемонистские» геополитические альянсы, к примеру, с Китаем или «исламским миром». Экономика этих стран и интересы значительной части их элит инкорпорированы в существующий мировой порядок в неменьшей степени, чем это касается России.

Более продуктивным представляется понимание субъекта мировой гегемонии как неоднородного (и все более раздираемого внутренними конфликтами) транснационального сообщества элит. В рамках этого сообщества американцы, прежде всего вашингтонские неоконсерваторы, особенно заметны и ведут себя наиболее воинственно, в первую очередь благодаря своему находящемуся вне конкуренции силовому ресурсу. В ответ на их действия происходит устойчивый рост антиамериканизма в глобальном масштабе, порой принимающий крайние, фанатичные формы.

Важный аспект сложившейся однополярности - гегемония определенного типа культуры, каждодневно воспроизводимая СМИ и средставами рекламы. Однако «противостояние цивилизаций», понимаемых как замкнутые сообщества, искусственно навязывается сегодня глобальными «политтехнологами». В действительности, непривилегированные слои на Западе, в исламском мире и других странах не являются «цивилизационными противниками». Речь идет о гегемонии унифицированной корпоративной культуры глобального общества потребления, с ее нетерпимостью ко всему «особенному», не вписывающемуся в стандарты, которая порождает конфликты идентичностей - прежде всего в полиэтнических и многокультурных обществах.

Экономическая гегемония глобального «центра» глубоко пронизывает периферийные страны посредством долларизации их экономик, что можно наблюдать на примере России. Вследствие этого радикальные проекты подрыва сложившегося порядка при помощи экономических инструментов, в том числе путем «обрушения доллара», могут послужить прикрытием для очередного обесценения мелких сбережений граждан. Долларизация экономики путем включения в региональные валютные союзы, будь то зона евро, юаня или проектируемого «исламского динара» - дискуссионный вопрос, который малоактуален для сегодняшней России, тем более при ее нынешних правителях. Многообещающая, но пока малоизученная тема - возможность развития альтернативной экономики сетевых сообществ.

Вместе с тем, нынешняя однополярность обнаруживает все большую неустойчивость. Важный источник нестабильности - приход в правительство ряда стран, под лозунгом борьбы с террором, крайне правых сил, ориентированных, в случае США, на силовую экспансию в духе традиционного колониализма и формирование полицейского государства в национальном и международном масштабе. Эта дестабилизация, исходящая из глобального «центра», свидетельствует об ущербности нынешнего мирового порядка по сравнению с более созидательными и ориентированными на интеграцию типами гегемонии, в частности, Римской империей, с которой так любят сравнивать свою страну американские правые.

Преодоление «злокачественной» однополярности - общая задача, отвечающая интересам широкого спектра сил, в том числе и левых. При этом необходимо учитывать следующее:

1. Государственная бюрократия в современной России не может быть надежным союзником российских и международных противников однополярного мира, так как она сама либо «приватизирована» транснациональным капиталом, либо представляет собой конгломерат корпоративных единиц, работающих на частные интересы.
2. В России заблокированы возможности негосударственных гражданских инициатив в области внешней политики, не связанных с интересами правящего слоя. Необходимы совместные усилия левых и общедемократических сил для преодоления этой ситуации.

3. Существующие политические организации, традиционно относимые к «левым», прежде всего КПРФ, в своем нынешнем виде не способны выстраивать устойчивые коалиции с противниками однополярного мира в других странах. Этому мешают укорененные в общественном сознании (в том числе прогрессивных движений на Западе) и *исторически обоснованные* представления об историческом «послужном списке» российских «левых», включая непреодоленное наследие сталинизма, националистическую репутацию и геополитические установки ряда лидеров, попытки доминировать в левом и оппозиционном движении даже в ущерб его интересам как целого, отсутствие взаимопонимания по таким значимым для современных левых вопросам, как права человека и война в Чечне.
4. В последнее время на Западе наблюдаются признаки раскола демократического центра. Сторонники неолиберального мирового экономического порядка и американоцентричной гегемонии оказываются в конфликте с классическими демократами (представителями маргинализующегося среднего класса), на чьи ценности и экономические интересы все более агрессивно покушаются как транснациональные корпорации и финансовые институты, так и корпоративное государство. Элементы общедемократической оппозиции новому мировому порядку проявляются и в антивоенном, и в так называемом антиглобалистском движении - и то и другое далеко выходят за рамки традиционного левого спектра. На фоне проявившихся очертаний полицейского государства в ряде стран, в том числе США и России, и угрозы его «глобализации», защита гражданских прав и прав человека во всем их объеме может стать объединяющей идеей. При этом существующие партии и государственные институты оказываются не способными либо не заинтересованными в решении этой задачи, что порождает массовое разочарование в них. Это открывает перед неавторитарными, интернационалистски настроенными левыми возможность сыграть ключевую роль в ее решении, наполняя ее при этом своим социальным и экономическим содержанием.
5. В свете сказанного, электоральные и политические интересы традиционных «левых» в России, в том числе и КПРФ, частично пересекаются с интересами противников однополярного мирового порядка, а во многом не совпадают с ними. Полноценное включение российской оппозиции в общемировые политические процессы невозможно без ее глубокой внутренней трансформации. Для обретения адекватности российским левым нужны иные организационные формы, в том числе ориентированные не на борьбу за власть или участие в ней, а на защиту личных и коллективных прав и свобод от посягательств со стороны корпораций и сросшейся с ними международной и госбюрократии, на последовательное ограничение их власти над людьми на глобальном, национальном и местном уровне.

ABOUT THE AUTHORS

Olga ALEXANDROVA (b. 1960) is senior researcher at the Institute for the Study of Socio-Economic Problems of the Population, of the Russian Academy of Sciences (RAS). She holds a graduate degree in economics and has published several works on the development of Russia's «middle class», in sociological, political, ideological and psychological aspects.

Marat CHESHKOV (b. 1932) is chief expert at the Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), of RAS. He has been a leading theorist of development and analyst of developing countries for the past several decades. He holds a graduate degree in economics and is doctor of sciences in history. Among his major works are «Obshchaya teoriya razvivayuschikhsya stran» [A General Theory of Developing Countries], 1982; and «Globalny kontekst postsovetskoi Rossii» [The Global Context of the Post-Soviet Russia], 1999. In the 1950s, he participated in the early dissident movement and was a political prisoner in Dubrovlag from 1957 to 1963. Since then, he worked, among other places, in the Institute of Oriental Studies and in the Progress Publishing House, before joining IMEMO in 1967.

Karine CLEMENT (b. 1970) holds a doctorate in sociology and is associate of a sociological laboratory on labor and mobility at the Université Paris-10. She has resided in Russia for many years where she is affiliated with the Center for the Study of Social Transformations at the Institute of Sociology of RAS and is an expert of the Institute for Globalization Studies (IPROG). Her academic works include *Les ouvriers russes dans la tourmente du marché. 1989-1999. Destruction d'un groupe social et remobilisations collectives* [Russian Workers: Tormented by the Market. 1989-1999. Destruction of a social group and collective remobilizations] (Editions Syllepse: Paris, 2000). She is also a prominent participant of the so-called antiglobalist movement, including ATTAC-Russia, and is currently involved with the organization of the European Social Forum in Paris.

Georgi DERLUGUIAN (b. 1961), a Russian American scholar, is deputy director of the Center for International and Comparative Studies at Northwestern University (at Evanston, Illinois), where he teaches in the Sociology Department and in the International Studies Program. He holds Ph.D. in Sociology from the State University of New York at Binghamton (where he studied under Immanuel Wallerstein), and a graduate degree in history from the Institute of Universal History of RAS. He is a participant of PONARS, the international Program of New Approaches to Russian Security that includes Russian, American and Ukrainian scholars and is based at the Center of Strategic and International Studies in Washington DC. His key research is in the theory of development and state-building, and in the ethno-political situation in the Caucasus.

Dmitri GLINSKI (b. 1971) is deputy director of IPROG and senior associate at IMEMO. He holds a graduate degree in history from IMEMO, as well as degrees from the Moscow State University (in classics) and from the Paul H.Nitze School of Advanced International Studies (SAIS) of the Johns Hopkins University (he resided in the United States from 1994 to 1999). He co-authored, with Peter Reddaway, *The Tragedy of Russia's Reforms: Market Bolshevism Against Democracy* (USIP Press: Washington, 2001), authored and co-authored articles in *Los Angeles Times, Moscow Times, Journal of Democracy, East European Constitutional Review, Prism,* and other publications in the US and in Russia. His key research interests are in the development of political culture, U.S. and Russia's domestic and foreign policy, as well as the past and current history of protest movements in these countries. Since 1988, he took part in Russia's democratic movement. He is a member of PONARS, and has worked as a consultant to the Librarian of Congress, as well as in the position of deputy regional information officer of Médecins Sans Frontières (Doctors Without Borders) for the CIS countries.